

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГО «ГОРОД КИЗЛЯР»
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ГО «ГОРОД КИЗЛЯР»
ФГБОУ ВО «ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» ФИЛИАЛ В ГОРОДЕ КИЗЛЯРЕ



**ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КAVКАЗА –
ВАЖНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ,
ПОСТРОЕНИЯ МИРА И ПРИМИРЕНИЯ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)*



Махачкала 2019

УДК 39
ББК 63.5
Я-41

*Рекомендовано к изданию Советом филиала ДГУ в г. Кизляре,
протокол №1 от 20 сентября 2019 года*

Ответственный редактор:

Аскеров А.Г. – к.ист.н., доцент, зам. директора по научной работе филиала ДГУ г. Кизляра.

Редакционная коллегия:

Гарунова Н.Н. – д.ист.н., профессор ДГУ, г. Махачкала;

Абдулвахабова Б.Б.-А. – к.ист.н., доцент, ЧГУ, г.Грозный;

Багандова Э.К. – ст. препод. филиала ДГУ г. Кизляра;

Фахраддинова Ф.А. – рук.центра «Мастерская знаний» г. Кизляр.

Я-41 Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения: сборник научных статей и тезисов научно-практической конференции (с международным участием). – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 246 с.

ISBN 978-5-00128-393-5

Сборник отражает основные направления работы конференции, состоявшейся в Дагестанском государственном университете (филиал, г. Кизляр) 27 сентября 2019 года. В сборник включены статьи участников конференции, посвященной проблеме языков коренных народов Кавказа, состоянию и перспективам устойчивого развития языков коренных народов Дагестана. Сборник адресуется как сотрудникам учреждений основного, дополнительного, высшего, среднего профессионального образования, школьникам, студентам вузов так и широкому кругу краеведов.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей, за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за сам факт их публикации. Редакция и издательство не несут ответственности перед авторами /или третьими лицами/ или организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ISBN 978-5-00128-393-5

© Издательство «АЛЕФ», 2019

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

и.о. директора филиала ДГУ
в г. Кизляре Баққунова Малика Гашимовича

Добрый день, уважаемые участники и гости конференции,
посвященной 284 годовщине
г. Кизляра!



Мне очень приятно обратиться к вам со словами приветствия.

2019 год объявлен ЮНЕСКО Международным годом языков коренных народов. Его главная цель заключается в привлечении внимания к возможной утрате родных языков и необходимости их поддержки и активизации.

В марте 2019 в Ханты-Мансийске состоялась торжественная церемония открытия года языков коренных народов в России. Языки играют важную роль в повседневной жизни людей не только в качестве инструмента общения, обучения, социальной интеграции и развития, но и хранилища уникальной идентичности каждого человека, истории культуры, традиций и памяти.

Однако, несмотря на свою огромную ценность, языки по всему миру продолжают исчезать, вызывая тревогу, темпами.

На территории Северного Кавказа проживает около 140 народов. Это довольно много. Из них лишь 36 считаются коренными.

Кавказ недаром называют Вавилоном – здесь «смешалось» почти 40 языков. Учёные выделяют западно-, восточно- и южно-кавказские языки. На западно-кавказских, или абхазско-адыгских, говорят абхазы, абазины, шапсуги (живут северо-западнее Сочи), адыгейцы, черкесы, кабардинцы.

Восточно-кавказские языки включают нахские и дагестанские.

К нахским относят ингушский и чеченский, а дагестанские делятся на несколько подгрупп. Крупнейшая из них – аваро-андо-цезская.

Однако аварский – язык не только самих аварцев... В Северном Дагестане живёт 15 малых народов, каждый из которых населяет всего

несколько соседних сёл, расположенных в изолированных высокогорных долинах. Говорят эти народы на разных языках, а аварский для них – язык межнационального общения, его изучают в школах.

В Южном Дагестане звучат лезгинские языки. Лезгины живут не только в Дагестане, но и в соседних с этой республикой районах Азербайджана. Пока Советский Союз был единым государством, такое разделение было не очень заметным, но сейчас, когда государственная граница прошла между близкими родственниками, друзьями, знакомыми, народ переживает его болезненно. На лезгинских языках говорят: табасараны, агулы, рутульцы, цахуры и некоторые другие.

В Центральном Дагестане преобладают даргинский (на нём, в частности, говорят в знаменитом селении Кубачи) и лакский языки.

На Северном Кавказе живут и тюркские народы – кумыки, ногайцы, балкарцы и карачаевцы. Есть горские евреи – таты (в Дагестане, Азербайджане, Кабардино-Балкарии). Их язык, татский, относится к иранской группе индоевропейской семьи. К иранской же группе принадлежит и осетинский язык.

Наша конференция посвящена актуальной теме. Об этом свидетельствует количество представленных докладов для обсуждения данной проблемы.

Мы благодарим всех участников конференции и гостей, которые приняли участие и поддержали нас. Уже стало доброй традицией в канун празднования дня города Кизляр проводить конференции. Желаю плодотворной работы и новых научных достижений!

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Павленко Ж.Г.,
методист ГБУ РД
Республиканский центр русского
языка и культуры

РОЛЬ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЦЕНТРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Республиканский центр русского языка и культуры создан как бюджетное учреждение Министерства по национальной политике и делам религий РД и решает конкретные задачи, поставленные перед Центром его учредителем.

Главная задача сегодня – сохранение мира, укрепление взаимопонимания между людьми, понимание идеи общероссийской гражданской идентичности. И хоть внешне цели и задачи Центра звучат несколько иначе, но направлены исключительно на гармонизацию межэтнических отношений в таком сложном регионе как Дагестан.

Наш край – уникальный, на небольшой территории проживает свыше 40 национальностей, у каждой – свой язык, традиции и обычаи. Единственный способ общения, который всех объединяет, это русский язык. Укрепление позиций русского языка и русской культуры, повышение языковой культуры граждан – одна из сторон деятельности Центра.

Нет смысла говорить о важности владения правильным русским языком: человек грамотный, говорящий без акцента, имеет хорошие шансы для карьерного роста не только у себя на родине, но и за пределами Дагестана. К тому же он способен быстро адаптироваться в незнакомой обстановке и завоевать симпатии незнакомых ему людей.

Основной метод работы Центра в этой области – проводимые сотрудниками просветительские мероприятия, акции, встречи и беседы. Следует отметить, что мы работаем со всеми слоями населения, с детсадовцами, школьниками, студентами, пенсионерами.

Центр реализует проект «Дагестан в многонациональной семье российских народов», где особое внимание уделяется исторической общности всех народов России и объединяющей роли русского языка. В апреле этого года беседы обозначенной тематики были проведены в

Исправительной колонии №7 Управления Федеральной службы наказаний по РД и со студентами дагестанских вузов.

В том же месяце был проведен «Тотальный диктант», региональным координатором этой акции традиционно выступил Республиканский центр русского языка и культуры. Всю подготовительную работу провели сотрудники Центра, а это совещания с организаторами, обеспечение площадок необходимым материалом и т.д.

Ко Дню славянской письменности и культуры сотрудники Центра встретились с учениками Махачкалинской гимназии №4, где в игровой доступной форме поведали школьникам историю возникновения славянской азбуки, рассказали о братьях-просветителях Кирилле и Мефодии.

Все мероприятия не перечислить. Но стоит подчеркнуть такой важный момент, как выпуск Центром брошюр и буклетов к большинству мероприятий. После встреч они вручаются аудитории и становятся материальным напоминанием о прошедшей встрече.

Мы живем в 21 веке, это время стремительного развития технологий, сближения всех стран и континентов. И такой революционный лозунг, как расцвет и сближение наций, никто не отменял. Расцвет и развитие невозможны без взаимопроникновения и заимствования из культуры соседних народов. Чем больше узнают люди друг о друге, тем терпимее и добрее становятся по отношению к соседям.

По соглашению с Махачкалинской епархией в Центре проводятся встречи с православным священником в рамках цикла бесед «Поговорим о самом главном...». С точки зрения православия освещаются самые животрепещущие темы духовно-нравственного направления, где зачастую участвуют представители других конфессий.

Узнать больше о русской культуре и традициях позволяют и другие мероприятия. Так, например, в действующем клубе «Красный угол» имеется постоянная экспозиция «Русский угол», представляющая собой часть деревенской избы начала XX века со всеми сопутствующими предметами обихода. В рамках этого клуба проводилась выставка «Русский кавказский костюм», знакомство с основами русского чаепития.

Немаловажный аспект в формировании толерантности имеет повышение общеобразовательного уровня. Человек, много читающий, образованный не пойдет с кулаками на соседа другой национальности. С целью расширения кругозора Центром также проводятся разнообразные мероприятия. В рамках клуба «Литературная гостиная» прошли заседания, приуроченные к 135-летию писателя-фантаста Александра Беляева «Русский Жюль Верн», для самых маленьких – о творчестве

Виталия Бианки, а также квест к 210-му юбилею Николая Гоголя «Никто не разгадает меня совершенно...».

Понять и полюбить русскую культуру поможет недавно созданная при Центре вокально-хоровая студия народного пения, чьими выступлениями сопровождаются многие мероприятия.

Понять душу народа, проникнуться сочувствием к его проблемам возможно и во время ежегодного фестиваля русской народной сказки, где основные его участники – ученики вторых-третьих классов средних городских и сельских школ, а также воскресных школ Махачкалинской епархии. Кстати, в ноябре этого года пройдет фестиваль русской и дагестанской сказки.

Работа с иностранными гражданами также входит в сферу деятельности Центра и способствует укреплению добрососедских отношений. В поле зрения Центра находятся студенты-иностранцы всех вузов республики. В этом году для них будет дополнен и переиздан буклет «Русские и дагестанские культуронимы», а также проведено праздничное мероприятие ко Дню дагестанской культуры и языков.

Особо хочется сказать о наших волонтерах. Центру удалось привлечь к работе небольшую группу студентов и выпускников из ДГУ и ДГПУ. Молодые люди самых разных национальностей с увлечением помогают в проведении различных мероприятий, что, безусловно, способствует гармонизации межэтнических отношений в нашем многонациональном регионе.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: *В данной статье рассматривается вопрос о стилистической лексике, о делении её на разряды. О применении научного стиля, официально-делового стиля, публицистического стиля и в каких случаях их нельзя применять. Приведены примеры.*

Ключевые слова: *экспрессивность, аутентический, лапидарный, квинтэссенция, апробация, аффиксация, революция, расистский.*

Стилистическая окраска – это такое качество слова, связанное с типичными для него сферами употребления, которое прежде всего известным образом характеризует речь, а через нее и участников общения. И это качество слова является стилистически значимым.

По стилистической окраске лексика делится на три основных разряда: стилистически нейтральную, стилистически повышенную, стилистически сниженную, причем основным из них является разряд стилистически нейтральной лексики, так как лишь в сопоставлении со стилистическим нейтральным словом проявляется характер стилистической окрашенности близких ему по смыслу слов, относящихся к двум другим разрядам.

Стилистически нейтральная лексика (лексика с нулевой окраской) не содержит в себе стилистической характеристики речи. Таких слов в языке большинство

Эта лексика не ограничена в употреблении, т.е. она может быть употреблена в любых сферах общения. В отличие от нее, стилистически окрашенные разряды лексики имеют свои ограниченные стилистические сферы употребления, в которых проявляется, присущая им, стилистическая окраска.

Стилистически нейтральный слой лексики включает в себя приблизительно 85% всех слов литературного языка (если не учитывать узкоспециальные термины), т.е. в 4 раза больше, чем все стилистически окрашенные слои вместе взятые, к тому же многие нейтральные слова имеют по несколько значений.

Другой стилистический слой словаря образуют стилистически повышенные слова – книжные. Книжных слов немного более 2%. Книжные слова имеют слабую стилистическую окраску, лишь незначительно возвышаясь над нейтральной лексикой. Они придают речи нарочито сдержанный характер, свидетельствуют в известных случаях об эрудиции говорящего. Многие книжные слова иностранного происхождения, как правило, они имеют одно значение и лишены экспрессивности, например: *априори, апробировать, индифферентность, интенсификация, конституировать, конститутивный, помпезный* и др. Эти слова характерны, преимущественно, для научного и официального стилей, при употреблении их в «обычной диалогической речи такие слова придают ей несколько искусственный характер» [1;258]. Вместе с тем часть книжных слов употребительна в разговорной речи (*безмолвствовать, безысходный, двуликий, декламировать, мироощущение, отрешиться*).

Слова высокие, обычно рассматриваемые в одном ряду с книжными, характеризуются, пожалуй, не столько своей собственно стилистической, сколько эмоционально оценочной окраской – приподнятой, торжественной патетической или поэтической. Это такие слова, как *возмездие, грядущее, воссиять, восславить, воспрянуть, восстать*. Такие слова уместны, «употреблять всякому если обстановка требует взвешенных возражений» [2;с.256].

Книжной лексикой называются такие слова, которые употребительны исключительно или преимущественно в письменно- книжной сфере; введение их в разговорную речь придает им оттенок книжности. Собственно все разряды слов с функционально- стилистической окраской, которые будут приведены ниже, включаются в книжную лексику. Иначе говоря, функционально- стилистически окрашенную лексику можно разделить на книжную и разговорную. Причем в книжной, имеющей распространение в разных сферах книжно-письменной речи, выделяются и пласты словаря с дополнительной стилевой окраской – в соответствии с тем функциональным стилем, в котором они преимущественно и исключительно используются. В связи с этим можно говорить, что в книжной лексике имеется пласт слов с окраской «книжные» и пласты слов с двойной окраской: «книжное и официальное деловое», «книжное и научное», «книжное и публицистическое», «книжное и поэтическое».

Примеры книжной лексики: *аналогия, аномальный, антипод, аспект, ассоциация, вандализм, вассал, вариация, гонение, государственность, дезориентация, деqualификация, единомыслие изоляция, импульс.*

Отчасти этот разряд слов близок к лексике общенаучной, а отчасти – общеупотребительной.

Пример из рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности»: «Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя...». Забвение (книжн.) – утрата памяти.

К функционально-стилистически окрашенной лексике относятся, прежде всего, слова наиболее или исключительно употребительные в той или иной речевой сфере, соответствующей одному из функциональных стилей. Традиция употребления, прикрепленность к определенной речевой сфере приводят к появлению у этих слов функционально-стилистической окраски.

I. Лексика научного стиля. Прежде всего, окраской этого функционального стиля обладают узко-специальные термины и общенаучная терминология. С точки зрения эмоционально-экспрессивной это лексика нейтральная; ее иногда называют сухой. Отчасти это происходит потому, что слова-термины, как правило, не имеют синонимов и выражают, по возможности точно и однозначно, понятия. В силу этого и, главным образом, по причине такой экстралингвистической основы научного стиля, как его общая отвлеченность и обобщенность (т.е. в известном смысле та же понятийность), терминологическая лексика не образна и безэмоциональна. Но, разумеется, не правильно считать будто научная терминология вообще лишена какой бы то ни было стилистической окраски. Эта лексика ограничена сферой своего употребления. Таким образом, она не нейтральна с точки зрения функциональной. Терминология чрезвычайно типична для научной сферы общения и широко употребительна, высокочастотна именно в ней. При использовании в других сферах (например, в художественной, публицистической) она, как правило, изменяет свою функцию, а не редко и семантику, т.е. переосмысливается, получает различные эмоционально-экспрессивные оттенки, что генетически ей не свойственно. Если, например, устно-разговорная речь, даже при специальной теме разговора, умеренно насыщается терминологией, то такая речь сейчас же начинает квалифицироваться как неестественная, книжно-научная, наукообразная. В этом случае говорящие чувствуют ее стилистический сдвиг и как раз в сторону научного стиля, а не какого-либо другого. Терминология как бы вносит в речь оттенок научности.

Заметим, что слова с функциональной стилистической (в особенности представляющие такие стили, как научный и официально-деловой) по сравнению с эмоционально-экспрессивно окрашенными отличаются строгой системностью, устойчивостью «частной» стилистической окраски, более четкой ограниченностью сферой их употребления. Ограничитель требования нормативно-стилистического характера здесь весьма жесткий: не соблюдение их ведет к болезням речи («канцелярит», «научообразность» и т.п.).

Системность научной терминологии очевидна: термин может быть понят и определен именно в системе данной терминологии. Отсюда – функциональные ограничения при его употреблении. Помимо общей научной терминологии, которая проникает в другие эмоциональные стили, существует и узкоспециальная терминология отдельных наук: термины химии, физики, математики, языкознания и т.д.

Примеры научной лексики. Общенаучная: *дифференцировать, классификация, функция, синхронный, диалектика, апробация, интерпретация* и т. д.

Пример из рассказа А.П. Чехова «Налим»: «Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции он изгибается и ...». Позиция (книжн.) – расположение. Одной из особенностей употребления общенаучных слов является их многократное употребление в научном тексте. Так, в текстах по теоретической механике, физике, математике наиболее употребительными глаголами О.Д. Митрофановой являются: *быть, иметь, найти, получать, обозначать, следует, называться, рассматривать* и.д.

Повторение одних и тех же слов в узком контексте для художественной речи является дефектом, в научной речи это закономерность, стилевая примета [2; с.256].

II. Лексика официально-делового стиля отличается с точки зрения экспрессивно-эмоциональной особенной официальностью и «сухостью», которые и привносит в речь. В отличие от научной лексики она обладает не только функционально-стилистической, но и сопутствующей ей своего рода квазиэмоционально-экспрессивной окраской, точнее, значительной долей антиэмоциональности, не допустимости даже намек на эмоции и присутствием оттенка официальности.

Лексика с этой окраской ярко системна, как и научная терминологическая, она четко нормативно ограничена сферой своего применения. Использование именно этой лексики (канцелярской) не только нежелательно, но и недопустимо в разговорной речи без особой стили-

стической мотивировки. Весьма ограниченными должно быть ее использование и в публицистической речи, а в художественной она может быть употреблена лишь в качестве средства стилизации и в других эстетических целях. Самый приблизительный общий анализ позволяет выделить следующие ее разновидности. Прежде всего, официально-деловая терминология, не имеющая синонимов в общеупотребительной лексике. Этот пласт слов содержит с одной стороны, широко известную и употребительную лексику, необходимую для разговора или письма на соответствующие темы: *закон, конституция, паспорт, декрет, следовательно, прокурор, заявление* и т.д.

Пример из рассказа «Злоумышленник» А.П.Чехова: «Я должен взять тебя под стражу...» (арестовать). Эти слова-термины в силу широкой употребительности несколько детерминологизировались, приобрели всеобщий характер. В отношении собственно систематическом они, хотя и сохраняют оттенок официальности и указание на определенную сферу общения, однако заметно обнаруживаемой стилистической окраски и отрицательного нормативно-стилистического тонуса почти не имеют. С другой стороны, выделяется группа узко специальной юридической терминологии: *санкция, правопорядок, истец, ответчик, расследование, кодификация*. Эти термины как и узконаучные имеют яркую функционально стилистическую окраску и узкое применение – лишь в специальной сфере. Одно из ярких стилистических средств официально-деловой речи – особые служебные слова. Это сложные позднего происхождения отыменные предлоги (согласно постановлению, в соответствии с уставом, вследствие не выполнения, по вопросу хранения, в виду неявки), и союзы (а равно, руководящие лица, в силу того, что условия не выполнены, поскольку). Употребление их вне текстов законодательных актов и деловых бумаг весьма нежелательно. Лишь отчасти эти единицы допустимы в научной речи.

III. Лексика публицистического стиля. В многочисленных стилистических исследованиях, основанных на анализе конкретного материала, а также в словарях обычно выделяется специальная публицистическая лексика. Однако некоторыми учеными высказывается мнение об отсутствии таковой [5;с.15]. Действительно, в связи со значительно возросшей в последнее время ролью таких видов массовой коммуникации, как газеты, радио, телевидение они оказывают все большее внимание на язык других сфер общения. Происходит некоторое стирание границ между стилями, и публицистическая лексика в известной степени утрачивает стилевую специфичность. Тем не менее язык публицистики сохраняет определенные отличия: в нем выделяется особая

публицистическая лексика, стилистическая окраска, которая ощущается говорящими. Эта лексика формируется в политической сфере общения и имеет в ней высокую частоту употребления.

Традиционно публицистическими словами, например, считаются: *нигилист, обломовщина, маниловщина, двурушник, капитулянт, соглашатель*.

К публицистической лексике, как лексике особым образом функционально-стилистически окрашенной, относятся две группы слов. В первую очередь специальная публицистическая терминология в том числе газетная: *интервью, репортаж, хроника, заметка, обозреватель, подводка* и т.д. и общественно-политическая терминология, широко употребительная в газете: *геноцид, агрессия, акция, антагонизм* и т. д.

Вторую группу составляют ярко оценочные и потому эмоционально-окрашенные слова – не термины: *захватнический, обуржуазится, пресловутый, плутократия* и т. д. Есть здесь и слова без особо ярко выраженной сопутствующей эмоциональной окраски: *климат* (обстановка), *потепление* (в отношении государств). Для всех этих слов характерно то, что они обладают высокой частотой повторяемости в публицистической литературе, а употребление их в других сферах придает речи публицистичность [4;с223].

Публицистический стиль отличается от других стилей, в частности тем – Ю. А. Бельчиков – что в его рамках функционирует значительное количество слов, несущих серьезное идейное содержание или слов, наделенных различным идейным содержанием. Как правило, такие слова относятся к лексике общественно-политической отчасти – к философской.

Общественно-политическая лексика настолько ограниченно входит в словарь публицистического стиля, что некоторые исследователи этот разряд слов целиком включают в публицистическую лексику [3; с.14-15]. Например: *общество, отечество, гражданин, патриотизм, свобода, равенство, депутат, демократия, равноправие* и т.п.

Примечание

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии М; 1957.
2. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. М; 1979.
3. Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. М;1962.
4. Котина М.Н. Стилистика русского языка. М; 1977.
5. Петрищева Е.Ф. Употребление стилистически окрашенных слов. М; 1957 №5.

Гаджихмедов Т.И.,
к.филол.н., доцент, ДГУ,
г. Махачкала

СПОСОБЫ СУБСТАНТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КУМЫКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: *В статье рассматриваются продуктивные формы образования имен существительных от именных и глагольных форм, а также малопродуктивные формы образования существительных от имен, и от глаголов.*

Ключевые слова: *русский язык, кумыкский язык, словообразование, именные формы, глагольные формы.*

Первые незначительные сведения по словообразованию кумыкского языка приводятся в работе И.Н.Березина [1, с.122].

Н.К. Дмитриев издает первую фундаментальную научную работу «Грамматика кумыкского языка», где излагаются вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса [2,с.12-33]. Наиболее полно изложены вопросы кумыкского словообразования в исследованиях Ж.М. Хангишиева [3,с.55], Н.Э. Гаджихмедова [4, с.10] и т.д.

Монография Махтиева Х.А. посвящается проблеме именного словообразования в кумыкском языке в сравнительно историческом освещении. В ней рассматриваются пути образования и функционирования в кумыкской морфологии и лексикологии различных именных и глагольных формантов. Автор не ограничивается только лишь данными тюркских языков и обращается к генетическому и типологическому материалу алтайских и индоевропейских языков [5, с.79].

Тем не менее, проблема словообразования в кумыкском языке продолжает оставаться актуальной. Словообразование является важной областью не только в кумыкском языке, но и в общем языкознании. Говоря о задачах и перспективах развития словообразования, В.В. Виноградов отмечает: «Содержание и задачи словообразования как лингвистической дисциплины, изучающей законы образование слов и пополнения словарного запаса языка новыми словами – как на базе основного словарного фонда, так и на базе всех других элементов лексики – гораздо шире и разнообразнее» [6, с.147].

В этом отношении нас интересует мнение Н.К. Дмитриева как автора научной грамматики кумыкского языка. Он пишет: «В кумыкском

языке морфологические категории настолько тесно связаны с синтаксисом, что рассматривать в изоляции от синтаксических функций почти невозможно. Если это допустимо для категории словообразования, которые можно трактовать как определённо лексические единицы, то категории словоизменения можно понять только на фоне синтаксического контекста, хотя бы минимального» [2, с. 43].

Морфологический способ является самым продуктивным в сопоставляемых языках. Новые слова образуются от производящей основы при помощи словообразовательных аффиксов. Например: в русском языке: *подводник, арматурищик, лесник, содружество, разведчик, заказчик*; в кумыкском языке: *байлав* «связь», *агъачлыкъ* «лес», *биченлик* «луг», *балыкъчы* «рыбак», *тюйме* «пуговица», *ачгъыч* «ключ».

В обоих языках новые слова образуются от двух и более корней, в русском языке такие слова образуются:

а) посредством соединительных гласных *о, е*: *паровоз, дымоход, самолет, коновязь, сталевар, пищеварение*;

б) посредством соединения двух корней без соединительных гласных: *двухэтажный, четырёхэтажный, трёхметровый*.

В кумыкском языке сложные слова образуются соединением двух корней без соединительных гласных: *атъялман* – «белка», *белбав* – «ремень», *къолкъотур* – «гриб», *къольявлукъ* – «носовой платок».

При лексико-синтаксическом способе сложные слова образуются путем стяжения словосочетаний. Такое словообразование в кумыкском языке преобладает. Основным компонентом сложного слова в кумыкском языке чаще является существительное, а прилагательное, причастие выступают в роли подчиненных компонентов, например: *акъбалчыкъ* – «глина», *акътерек* «береза», *арышбудай* – «рожь», *аювчач* – «ковыль», *балкъабакъ* – «сорт тыквы», *аткъулакъ* – «лопух».

Таким способом образуются и парные слова: а) из равнозначных компонентов: *ата-ана* – «родители», *ата-баба* – «предки», *юрт-агълю* – «односельчане»; б) один компонент – значимое слово, другой – незначимый фонетический компонент: *яш-юш* – «дети», *халта-хулта* – «травы»; в) оба компонента – слова, не имеющие лексического значения: *гъапур-чупур* – «всякая всячина», *баран-даран* – «ругань», *гъацапице* – «мелочь».

Синтаксический способ. Новая составная лексическая единица образуется по моделям синтаксических словосочетаний, например: *ташкёмюр* – «каменный уголь», *тут терек* – «тутовник», *темирёл* – «железная дорога».

Таким образом, происходит стяжение двух основ в одно слово. Путем сокращения одного из компонентов или всех компонентов в кумыкском языке новые слова не образуются. Все сложносокращенные слова в кумыкском языке являются заимствованными. Значительное место среди заимствований, образованных по способу словосложения, занимают прилагательные. Эта категория, в отличие от сложных существительных, заимствуется по-разному: а) без изменения: *политико-массовый, термоядерный*; б) с некоторыми изменениями (отпадают несвойственные кумыкскому языку морфологические части): «колхозно-кооперативная форма» – *колхоз-капиративформасы*, «материально-техническая база» – *материал-техника базасы*; в) посредством перевода (кальки и полукальки): а) полукальки: «идейно-воспитательная работа» – *идея-тарбиялавиш*, «народнохозяйственные планы» – *халкъ-хозяйство планлар*; б) полные кальки: «военно-морской» – *дав денгиз*, «международный» *халкъара*, «однородный» – *биржынслы*.

Уменьшительные значения суффиксов *-очк-*, *-онок-*, *-ик-*, *-к-* в кумыкском языке передаются аналитически: прилагательное *гиччи*+сущ. в осн. п.: «звездочка» – *гиччиюлдуз*, «тетрабочка» – *гиччи тетрадь*, «словарик» – *гиччисёзлюк*, «ножка» – *гиччиаякъ*, «медвежонок» – *гиччиаяув бала*.

Значения русских суффиксов *-ота-*, *-ость* в кумыкском передаются аффиксом *-лыкъ*: «глухота» – *сангыравлукъ*, «трусость» – *къоркъачлыкъ*, «слепота» – *сокъурлукъ*, «храбрость» – *къоччакълыкъ*.

Значения русских суффиксов *-ник*, *-щик*, *-чик* в кумыкском языке передаются главным образом аффиксом *-чы*. Значение приведенных выше суффиксов может передаваться аналитически, значение суффикса *-ств-* передается сложным аффиксом *-чылыкъ* (<*-чы* + *-лыкъ*): «полеводство» – *авлакъчылыкъ*, «птицеводство» – *къушчулукъ*, «скотоводство» – *гъайванчылыкъ*, «школьник» – *охувчу*, «складчик» – *искилатчы*, «бетонщик» – *бетончу*, *бетон салывчу*, «стекольщик» – *шиша салагъангиши*.

Значение суффиксов *-ец* и *-ов* в кумыкском языке передается аффиксом *-лы* (*-ли*, *-лу*, *-лю*): «украинец» – *украинли*, «горец» – *тавлу*, «дагестанец» – *дагъыстанлы*, «липовый» – *ёгели*, *ёгеоьсеген*, «дубовый» – *эменли*, *эменосьеген*.

Префиксально-суффиксальные существительные. Мотивированные существительные.

Приставка без - + суффиксы – и /j/ -, - иц(а), - ств(о), - ость-.

Приставка *без-* образует существительные со значением отсутствия или недостатка чего-либо совместно с суффиксами *-и/j/ -, -иц (а)-*

, -ств(о) -, -ость-. Указанные приставки и суффиксы передают и отвлеченные понятия. Эти значения в кумыкском языке передаются в основном аффиксами *-сыз + -лик*. Эти аффиксы являются равнозначными данной приставке и суффиксам, например: «безветрие» – *елсизлик*, «безвкусие» – *дамсызлыкъ*, «безделье» – *ишсизлик*, «безводье» – *сувсузлукъ*, «бесчестье» – *намуссузлукъ*, «безденежье» – *акъчасызлыкъ*, «безлюдье» – *адамёкълукъ*, «безвкусица» – *татывсызлыкъ*, «безработица» – *ишсизлик* или *ёкълукъ*, «бескормица» – *емсизлик*, «бессмыслица» – *маънасызлыкъ*, «бесстыдство» – *уятсызлыкъ*, «беспокойство» – *рагъатсызлыкъ*.

Приставка за + суффикс – j –

Существительные, образованные приставкой *за-* и суффиксом *-j-*, обозначают нахождение по ту сторону, позади, дальше чего-либо. В кумыкском языке это значение передается преимущественно словосочетанием, компонентами которого является существительное в родительном падеже + либо форма послеложная привативная форма арты: «запястье» – *къолбуланбилекниарасындагъыбувун*, «заболотье» – *батмакълыкъны арт яны*, «замостье» – *кёпюрню арты*, «заречье» – *овзенниарияны*.

Приставка на- + суффикс – ник.

Существительные, образованные приставкой *на-* и суффиксом *-ник*, указывают на поверхностное положение предмета. Это значение в кумыкском языке передается преимущественно словосочетанием, компонентом которого является существительное в родительном падеже + послеложная форма *уьстюнде*, например: «нагрудник» – *тёшюнюуьстюнде*, «наконечник» – *бирзатныбашы*, «наплечник» – *инбашыныуьстюнде*, «нарукавник» – *енглериниуьстюнде*, «наушник» – *къулакъянгъычлар*.

Приставка над- + суффиксы –ij-, -ник, -ниц(a).

Существительные, образованные приставкой *над-* и указанными суффиксами, обозначают что-либо, находящееся поверх чего-либо. В кумыкском языке это значение передается в основном словосочетанием: существительное в родительном падеже + *уьстю*, например: «надбровье» – *къашныуьстю*, «надгробье» – *къабурташ, сын (таш)*, «надгортанник» – *тамагъыныуьстю*, «надкостница» – *сюегиниуьстю*.

Приставки о-, об- + суффиксы –ок, -к.

Существительные с приставками *о-, об-* обозначают остаток чего-либо после какого-либо действия. Это значение в кумыкском языке передается словосочетанием, одним из компонентов которого является причастная форма на *-гъан*, например: «обрезок» – *гесилгенгесек*,

«объедки» – *ашапкъалгъангесеклер*, «окурок» – *къаснакъ*, *папурусданкъалгъангесек*.

Приставка под- + суффиксы *-ник, -ок, -иј- (-j)*

Существительные с приставкой *под-* и указанными суффиксами указывают на расположение чего-либо ниже предмета или вблизи предмета. Это значение в кумыкском языке передается по большей части словосочетанием существительного в родительном падеже + *тюбю* «низ» (послелог в привативной форме), например: «подбородок» – *сакъалыныттюбю*, «подсвечник» – *чыракълыкъ*, «подзеркальник» – *гюзгюнюттюбю*, «подлесок» – *чырхалыкъ*, *яшагъачлыкъ*, «подножье» – *аякъттюбю*, «подснежник» – *шатманчечек*, *акъчечек*, «подрамник» – *рамныттюбю*, «подоконник» – *терезе баш*, «подземелье» – *ерниттюбюндегианакъ*, *тюддеэтилген* «подвал», «подполье» – *уьйлени-ттюбю*, «подножие» – *этек*, *тюд (тавну, терекнива ш .б.)*

Приставка пред- + суффиксы *-иј-(-j-), -ник*.

Существительные, образованные при помощи приставки *пред-* и указанных суффиксов, указывают на расположение впереди чего-либо или промежуток времени, предшествующий чему-либо. Это значение в кумыкском языке передается обычно словосочетанием, которое состоит из существительного в родительном падеже + послеложная форма *алды* «перед», *къырыыйы* «край», например: *предбанник* – *гъаманныалды*, *предгорье* – *тавалдыоьрлюклер (баш)*, *предмостье* – *кёпюрнюкъырыыйы*, *преддверие* – *баш (вакъти)*, *алды, гиришив*, *предплечье* – *иммашыныалды*, *предвестие* – *болажакъныбелгиси*, *аламаты*, *предсердие* – *юрегиникъырыыйы*, *предчувствие* – *алданокъгъисэтив*, *алданокътюшюнюв*, *билев*, *сезив*, *предзимье* – *къышныалды*, *предыстория* – *историяныалды*.

Существительные, образованные приставкой *при-* и суффиксом *-иј-* указывают на расположение вблизи чего-либо, непосредственно примыкают к чему-либо, непосредственно примыкают к чему-либо. Эквивалентом этому значению в кумыкском языке выступает словосочетание: существительное в родительном падеже + послелог *ягъасы* в привативной форме, например: *приозёрье* – *кёлнюягъасы*, *приморье* – *денгизниягъасы*, *приречье* – *оьзенниягъасы*.

Приставка *при-* + суффикс *-ок* образуют еще существительные со значением прибавления чего-либо. Оно передается в кумыкском языке различными словосочетаниями, в том числе существительное в направительном падеже + послелог *уьстюне*, например: *пригорье* – *тёбе*, *тёбечик*, *аркъачыкъ*, *привесок* – *авурлукънууьстюне*.

Приставка по- + суффиксы *-j-, -овj-*.

Существительные с приставкой *по-* обозначают местность, расположенную близ, вдоль и в пределах чего-либо. Это значение в кумыкском языке передается изафетным словосочетанием: существительное в именительном падеже + существительное *ягъасы* в родительном падеже и в формах категории принадлежности (привативности), например: «побережье» – *денгиз/овзеньягъасы*, «поморье» – *денгизягъасы*, «поречье» – *овзеньягъасы*.

Приставка со- + суффиксы –ник / -енник, -иј(-ј-).

Существительные с приставкой *со-*, и суффиксами *–ник / -еннико-* обозначают совместность, обычно присоединяются к самостоятельно употребляемым существительным. В кумыкском языке им отвечают различные словосочетания, например: «собеседник» – *лакъырёлдаш*, «собутыльник» – *ичкиёлдаш*, «соотечественник» – *ватандаш*, «современник» – *замандаш*, «соплеменник» – *биртайпадан, тухумдан, къавум (адам)*, «сотрудник» – *биревбуланбирчешилейгенадам, къул-лукъчу*, «созвучие» – *авазланыгелишивю, къайышиву*, «сочувствие» – *гёнюналыв, къыйышиву*, «соцветие» – *чечекли бааш*.

Примечание

1. Березин Ф. М. История лингвистических учений. – М.: 1979.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М. 1940.
3. Хангишиев Дж. М. Причастие в кумыкском языке. – Махачкала, 1985.
4. Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский фразеологический словарь. – Махачкала, 2014.
5. Махтиев Х.А. Именное словообразование в кумыкском языке в сравнительно-историческом освещении. – Махачкала, 2000
6. Виноградов В. В. Русский язык / Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1972.
7. Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. – Махачкала, 2015.
8. Ольмесов Н. Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Фонетика. Морфология. – Махачкала, 2000.

Фахрадинова Ф.А.,
психолог, руководитель детского развивающего
центра «Мастерская знаний» г. Кизляра

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

***Аннотация.** В данной статье рассматривается психологический аспект изучения родного языка. В процессе освоения родного языка одним из важных аспектов, который влияет на успешность обучения, является психика человека. Мы рассмотрели психологические основы изучения родноязычной речи и выявили некоторые эффективные способы преодоления психологических трудностей при овладении родным языком.*

Международный день родного языка (International Mother Language Day), провозглашенный Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 ноября 1999 года, отмечается с 2000 года ежегодно 21 февраля с целью содействия языковому и культурному разнообразию и многоязычию.

Вряд ли можно найти другую территорию с таким сложным переплетением языков, как Дагестан. Еще у арабских средневековых географов Дагестан был известен не только как «страна гор», но и как «гора языков».

Внутри одного языка встречается масса диалектов. Нынешнее время для Дагестана и его языков самое тяжелое. Подрастающее поколение все реже использует свой национальный говор в обыденной речи. Дабы восстановить эти пробелы и помочь языкам выжить, в Дагестане регулярно во всех образовательных учреждениях проводят конкурсы чтецов, открытые уроки. Но проблему лишь в школах не решить. Важным в этой работе, считают лингвисты, это употребление национального языка родителями в беседе с детьми. Только тогда Дагестан сможет сохранить свою языковую колоритность и уникальность.

Изучение родных языков в настоящее время – это необходимый процесс для каждого человека. Чтобы сохранить свою культуру и традиции, нам, прежде всего, необходимо знать язык своего народа. Через изучение родного языка мы можем сохранить наследие наших предков, национальный колорит, традиции нашей богатой культуры, наш менталитет, нашу деятельность, обычаи и т.д.

В книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов писал: *«Когда умирает отец, он оставляет сыновьям в наследство дом, поле, саблю, пандур. Но поколение, уходя, оставляет другим поколениям в наследство язык. У кого есть язык, тот построит себе дом, вспашет поле, откует саблю, настроит пандур и сыграет на нем»*, – так говорил мой отец».

Кроме этого изучение родных языков помогает человеку расширить кругозор, обогатить мировоззрение, улучшить разные виды памяти, устойчиво фиксировать внимание, развивать мышление. Но в чем же состоит сложность изучения родных языков?

На изучение родного языка можно смотреть по-разному. Для кого-то – научиться свободно говорить на родном языке легко, так как ежедневно он употребляется дома, для других же это является недостижимой целью. В таких случаях человек так и не доводит дело до конца. А для других данный процесс дается легче. Это не зависит от подобранной литературы, при помощи которой он изучает язык, и здесь не настолько важны лингвистические способности человека. Но в чем же основная проблема изучения родного языка? Доказано, что проблема в изучении родного языка в основном кроется в нашей психологии.

Целью данной статьи является рассмотрение психологических основ изучения родной речи и выявление некоторых эффективных способов преодоления психологических трудностей при овладении родным языком.

На процесс изучения влияют следующие характеристики психики человека: обучаемость характеризует систему приобретения знаний; креативность (общая творческая способность); темперамент; внимание; мышление; восприятие; память (сохранение знаний преимущественно связывается с долговременной памятью).

Также необходимо учесть, что среди основных психологических аспектов изучения английского языка наиболее важными представляются следующие: мотивация и интерес к изучению языка; способности к изучению языка; соотношение языка и речи при изучении; языковой барьер.

Итак, для более успешного изучения языка необходимо создать мотивацию. Для этого, перед тем как начать изучение, нужно поставить для себя цель, для чего вы хотите изучить родной язык. При этом не нужно бросать изучение языка, если даже вам кажется, что у вас нет способностей к изучению языка. После этого вы сможете выбрать для себя более действенные методы изучения языка.

Часто мы замечаем, что, изучая несколько лет родной язык в школе, нам трудно мыслить и формулировать предложения, а тем более общаться на родном языке. В чем же причина? Вероятно, это страх перед родным языком, то есть лингвистический барьер.

Поэтому не менее важным условием в успешном овладении родным языком является преодоление лингвистического барьера. Способов существует достаточно много, но на практике применяются чаще всего два из них.

Первый – это вовлечение обучаемых в ролевые игры на этом языке. Суть метода – помещение обучаемых в непривычную активную обстановку, в которой обычные схемы поведения перестают работать и восприятие идет на подсознательном уровне.

Второй метод доступен и при самостоятельной работе. Это информационный взрыв (или потоп), который вызывается сознательно. Ставится задача – ежедневно читать на изучаемом языке не менее 10 – 20 страниц текста. При этом не нужно заботиться о понимании прочитанного материала. Внимание акцентируется только на объеме текста. Примерно через неделю-две подобной практики набирается необходимый объем языка и дальше следует лавинообразный прогресс. После чего языковой барьер может постепенно исчезнуть.

Необходимо помнить, что даже когда возникают сложности, нельзя бросать изучение языка. Нужно учесть, что для достижения лучшего результата необходимо каждый день уделять внимание изучению языка, а именно – тренировать свое произношение, обогащать свой словарный запас и не забывать про грамматику. Для этого нужны определенные волевые усилия.

Необходимо, чтобы у вас не терялся интерес к изучаемому языку. Для этого можно использовать нетрадиционные методы изучения языка. Например, можно смотреть фильмы и мультфильмы на родном языке. Сначала это можно делать с субтитрами, а потом без них. Также можно слушать и заучивать тематические песни, стихи на родном языке, а также переводить их на русский язык. Но при этом не стоит отказываться от использования дополнительных средств обучения, таких как чтение художественной литературы и аудирование разного рода текстов. В современном мире молодежь все больше общается в социальных сетях. Для тренировки своих навыков можно завести друга для коммуникации, который говорит только на изучаемом вами языке, и общаться с ним в социальных сетях.

В целом, изучение родного языка – это многогранный процесс, требующий целенаправленности мышления, устойчивого внимания, волевых усилий над собой.

Таким образом, можно утверждать, что специфика изучения родного языка должна основываться на законах и закономерностях психологии. С точки зрения современной психологии наиболее эффективным представляется комплексный подход к изучению родного языка. Психологические особенности человека в полной мере влияют на успешность изучения языка. Освоение родного языка вносит определенные изменения в индивидуальную психологическую реальность субъекта учебной деятельности: расширяется кругозор, развивается мышление, устойчиво укрепляются разные виды памяти, совершенствуется когнитивный вид деятельности, далее развиваются сформированные вербальные навыки коммуникативной компетенции, повышается уровень толерантности [2, с. 187]. Успешность освоения родного языка определяется совокупностью всех факторов: мотивационного, эмоционального, когнитивного, личностного, психофизиологического и интерактивного [5, с. 145].

Примечание

1. Алешинская Е.В. К вопросу о психологических аспектах изучения английского языка // *Litera*. – 2014. – № 4. – С.119-139. DOI: 10.7256/2409-8698.2014.4.14990. URL: http://e-notabene.ru/file/article_14990.html (дата обращения 17.10.2017)

2. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1965. – 229с.

3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранного языка в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222с.

4. Познавательные процессы личности и методика их развития. Под редакцией Е.Н. Степанова. – Псков, 1994. – 153с.

5. Сорокоумова Е.А. Возрастная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 208 с.

Закарьяева З.Ю.,
ст. преподаватель
кафедры английского языка, ДГУНХ,
г. Махачкала

КУЛЬТУРА РЕЧИ – ДУХОВНОЕ ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: *Каждый из нас должен нести ответственность за будущее нации. А оно невозможно без развития языка. Обучение языку детей – самый важный механизм в передаче языка. Язык – не только показатель интеллектуального, нравственного развития человека, но и лучший воспитатель.*

Ключевые слова: человек, образование, культура речи, общение.

Почему же в наши дни стремительно падает престиж образованности? Как остановить гаснущий интерес к знаниям, книгам? Эти вопросы связаны с духовным состоянием общества, с его культурой, культурой общения.

Общение – это умение слышать и слушать другого человека. Общение предполагает уважение к личности собеседника. Культура, в широком понимании этого слова, включает в себя такие понятия как этикет, культура быта, организация личного времени, гигиена, эстетические вкусы в выборе предметов, культура труда.

Высокая речевая культура предполагает высокую культуру мышления.

Культура речи – это главная часть общей культуры человека, умение выразительно и точно передать свои мысли. Просторечные и жаргонные слова показывают лень мышления. Неправильная, жаргонная речь свидетельствует о плохом воспитании человека. Язык – не только показатель интеллектуального, нравственного развития человека, но и лучший воспитатель.

Наша речь – это неотъемлемая часть нашей жизни. И в зависимости от того как говорит человек, мы можем легко определить с кем мы имеем дело: мы можем узнать степень уравновешенности человека, степень его интеллигентности.

Наш язык – это главный признак не только нашего поведения, но и нашей души. Огромное значение в языковом развитии имеет приобщение к народному творчеству, к пословицам и поговоркам.

Познать пословицы – это значит лучше узнать жизнь, обычаи, традиции своего народа.

Любой язык, показывает нам жизнь, быт, опыт народа, является действительным его сознанием. Каждый человек, представитель каждого народа, осваивая язык, осваивает коллективный опыт, коллективное знание окружающей действительности, нормы поведения. Следовательно, язык влияет на опыт одного конкретного человека, его поведение, культуру.

И в завершение сошлемся на мнение академика Д. С. Лихачева о взаимосвязи языка и личности: «Вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит... Есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Язык человека – это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает».

Примечание

1. Леонтьев А. А. "Речевая деятельность и психология речи, основы речевой деятельности" М., 1974 г.
2. Потылицко Г. И. "Этико-психологические основы общения" М., 1983 г.
3. Щерба Л. В. "Язык и личность" М., 1989 г.
4. Никитина С. Е. "Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре" "Язык и личность" М., 1989 г.
5. Соколова В. В. "Культура речи. Культура общения" М., 1989 г.
6. Трофименко В., Волгин А. "Поговорим об этикете" М., 1991 г.
7. Мудрик А. В. "Время поисков и решений, или старшеклассникам о них самих" М., 1990г.
8. Лихачев Д. С. Земля родная.- М., - 1983г

Исмаилова А.М.
к.ист.н., доцент ДГУНХ,
г. Махачкала

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ ДАГЕСТАНА (ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Аннотация: *Статья посвящена происхождению одного из коренных тюркоязычных народов Дагестана – азербайджанцам. Значительное место в статье отводится вкладу азербайджанцев в историю и культуру Дагестана, в частности, это этноязыковой и этнокультурный аспекты. Эта необходимость вызвана стремлением осмыслить процесс формирования культуры дагестанских азербайджанцев и вклад азербайджанской интеллигенции в культуру региона.*

Ключевые слова: *этногенез, огузы, кыпчаки, тюркоязычные народы, коренное население, дагестанские азербайджанцы, культура, этноязыковые процессы, этнокультурный аспект, взаимовлияние, автохтонный народ.*

Демократические изменения в России сегодня активизировали интерес к познанию прошлого, создали благоприятные возможности для более глубокого и объективного изучения истории и культуры дагестанских азербайджанцев. Азербайджанцы, как и многие другие народы, имеют значительный потенциал традиционной культуры, основа которой генетически связана с древней этнической культурой тюркских народов и народов этнокультурного региона – Дагестан.

Уникальность Республики Дагестан заключается в том, что на ее небольшой территории проживают более 100 наций, народностей и этносов, в том числе свыше 30 издревле коренных дагестанских народностей. Одним из коренных, тюркоязычных народов Дагестана являются азербайджанцы. Дагестанские азербайджанцы с древнейших времен живут в Дербенте, в Дербентском районе. Также большинство азербайджанцев проживают в Табасаранском, Кайтагском, Рутульском, Магарамкентском, Кизлярском (в селах Большебредихинский и Персидский) районах, Махачкале, Буйнакске, Кизляре, Дагестанских Огнях, в Мамедкале, Белиджи [10,с.103].

Этноним «азербайджанцы» в различных формах использовался в академической литературе с конца XIX в. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона называл азербайджанцев «адербейджанами». В процессе этногенеза азербайджанцев участвовало древнее

коренное население Атропатены и Кавказской Албании. В основном это были иранские народы, кавказские албаны и другие кавказоязычные народы, которые смешивались с вторгавшимися сюда в I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. ираноязычными и тюркоязычными племенами – это киммерийцы, албаны, леги, каспии, скифы, гунны, огузы, болгары, печенеги и др., говорившие на кавказских языках [2,с.23]. Предки дагестанских азербайджанцев входили в состав Кавказской Албании и средневековых государств Маскут, Гуния (страна Хонов), Дербент, Ширван, Табасаранское кадийство.

Исследователи говорят о том, что азербайджанцы имеют смешанное этническое происхождение, самым древним элементом которых считаются местное население восточного Закавказья и, возможно, мидяне, проживавшие в Северной Персии. Это население было иранизировано во время прихода к власти династии Сасанидов, а территория после арабского завоевания в VII в. стала называться Азербайджаном (араб.). Проникновение тюркок-сельджуков в Восточное Закавказье привело к тюркизации значительной части местного населения, и в XI-XIII вв. началось формирование тюркоязычного азербайджанского этноса, завершившегося в основном к концу XV в., в эпоху правления Сефевидов.

До начала XIX в. азербайджанцы, проживающие на территории современного Дагестана, входили не в одно феодальное образование, а в три: в Кайтагское уцмийство, владения Табасаранского кадия и Дербентское ханство. Дербентское ханство еще в XVIII в. включало в свой состав Улусский магал и селения Мюшкур, Низабат, Шабран, Рустов и Бешбармак, расположенные по правому берегу р. Самур, где проживали азербайджанцы, лезгины, табасаранцы и др. В 1806 г. Дербентское владение было включено в состав Российской империи, и ханский титул был упразднен.

По материалам А.А. Бакиханова, «четыре деревни табасаранские – Магарты, Маграга, Хучни и Чирах, все магалы Улус и Терекеме по обеим сторонам Дербента, равно и как сам город, магалы Тип, Мюшкюр, Шабран, город Кудиал (Куба) и остальные магалы Ширванские с Сальяном, шесть деревень бакинских терекеме и весь уезд Шекинский говорят на языке тюрки...» [1,с.25].

Как отмечал Бекнер, «Тюрко-азербейджанское наречие вытесняет всё более татское наречие; оно проникло к горцам, которые с интересом изучают его как необходимое для сношений с жителями Дербента

и смежных закавказских мусульманских территорий; на этом же наречии излагают свои мысли между собой зачастую и горцы, говорящие хотя с родными, но непонятными им с первого раза языками» [15,с.34].

Согласно высказываниям С. А. Токарева: «...происхождение азербайджанцев – вопрос очевидный. Это этнос смешанного состава. Древнейший слой его содержит, очевидно, коренное население Восточного Закавказья – каспии и албанцы, вероятно, также мидийцы Северного Ирана. Это население в связи с культурным преобладанием Ирана в эпоху Сасанидов было иранизировано, а в XI в., в годы сельджукского завоевания, началась его тюркизация», следовавшая и в период монгольского завоевания [18, с.295]. И. М. Оранский писал о том, что, начиная с XI–XIII вв. (с эпохи сельджукского и, особенно, монгольского завоевания) происходит процесс распространения тюркских языков в северо-западных областях Иранского нагорья, в Азербайджане. Ираноязычные обитатели этих областей переходили постепенно на тюркскую (азербайджанскую) речь, и лишь некоторая часть этого народа сохранила до наших дней свои иранские языки – татский, талышский диалекты. Сохранилось множество свидетельств современников о роли и значении азербайджанского языка в регионе. К. Ф. Ган, посетивший Дагестан в конце XIX века, сообщал тот «факт, что почти во всём Дагестане тюрко-татарский язык является, так сказать, интернациональным». Например, в 1950-х гг. Л. И. Лавров отмечал: «В Южном Дагестане почти везде вторым языком является азербайджанский».

Согласно данным в 1810 г. «в Дербенте считалось жителей мусульман-азербайджанцев 1947 душ (человек)... «По исчислению коменданта в 1824 году оказалось мусульман 5407 мужчин, 4970 женщин» [9,с. 241]. По данным 1834 г., в городе Дербенте с прилегающими деревнями проживало 4741 азербайджанцев [13,с.361]. По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Евфрона в конце XIX в. в Дагестане проживало 11 473 азербайджанских татар (азербайджанцев) [17, с.1907]. По сведениям на 1886 год они являлись преобладающим населением Дербента численностью 8697 человек. По материалам посемейной переписи населения Дагестана 1886 года азербайджанцев насчитывалось 13 697 человек, составляя 2,31% населения региона. В 1897 году по Всеобщей переписи населения в Дагестане было – 17238 мужчин азербайджанцев; 14905 женщин азербайджанок; всего – 32143 человека представителей азербайджанской национальности (азербайджанских татар)[14,с.3].

По переписи 1926 г., в целом по Дагестану под этническим наименованием «тюрки-татары», т. е. азербайджанские тюрки числилось 31141 человек (10818 городских, 20323 сельских). В Дербентском районе проживало всего 25140 человек, из них тюрков (т.е. азербайджанцев) – 14286 человек (56,8%). В переписи 1926 г. азербайджанцы отмечались еще как тюрки, а в переписи 1939 г. – уже как азербайджанцы [10, с.104].

В 1959 г. азербайджанцев в Дагестане насчитывалось 38,2 тыс., в 1970 – 54,4 тыс., в 1979 - 64,5 тыс., в 1989 -75,5 тыс. человек, в 2002 – 111656 чел., по данным переписи 2010 года в Республике Дагестан проживало 130 919 азербайджанцев (4,5 % населения Дагестана) – это шестая по численности населения этническая группа Дагестана [12, с.18].

Постановлением Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 года № 191 азербайджанцы являются коренным малочисленным народом Республики Дагестан [16]. Согласно Конституции Дагестана, государственными языками республики являются русский и все языки народов. Однако только 14 языков: русский, аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский, имеют свою письменность и действуют как государственные. Увеличение численности азербайджанцев происходит за счет естественного прироста. Они не подвержены миграционным процессам: ежегодное миграционное сальдо составляет всего 4 человека.

Дагестанские азербайджанцы – представители каспийского типа большой европеоидной расы с небольшой примесью элементов кавкасионского типа, т.е. антропологический состав их свидетельствует о смешении каспийского и кавкасионского типов южной европеоидной расы. Азербайджанцы Дагестана говорят на дербентском и терекемейском диалектах азербайджанского языка юго-западной (огузской) подгруппы тюркской группы алтайской языковой семьи [5,с.68].

Немаловажный пласт азербайджанской лексики составляют арабские и персидские слова. Арабские слова содержат как бытовую, так и терминологическую лексику, а наличие иранизмов поясняют существовавшими в течение долгого времени азербайджано-персидскими связями.

У соседних народов азербайджанский язык порой вытеснял из общения их родные языки. Например, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном в 1890-1907 гг., отмечалось, что «такое близкое соседство и постоянные сношения с последними, табасаранцы усвоили себе их азербайджанское наречие и забывают понемногу свой

родной язык» (в настоящий момент в табасаранской лексике много заимствований из азербайджанского языка).

Дагестанские азербайджанцы имеют давние традиции письменности; предки их видимо пользовались клинописью, в первые века нашей эры – албанской и сасанидской графикой, а затем, после арабских завоеваний, – арабской графикой (аджам) вплоть до 1929 года, когда последняя была заменена латинским алфавитом. В 1938 году азербайджанская письменность была переведена на реформированную русскую графическую основу.

Сегодня азербайджанский язык является одним из языков, способных в ярчайшей форме отразить всю глубину мысли вплоть до мельчайших нюансов. В самые тяжелые для народа дни язык способствовал сохранению национального самосознания, укреплял веру в будущее, так же было и с азербайджанским языком.

Азербайджанцы оказали культурное влияние на соседние народы. Так, в даргино-азербайджанской (кайтаго-терекеменской) контактной зоне, даргинцы-кайтагцы знали азербайджанский язык как второй язык, но лишь редкие азербайджанцы знали даргинский (кайтагский) язык. Это объяснялось хозяйственными связями: жители кайтагских селений Карацан, Джинаби, Карталай, Хадаги, Баршимай все время направлялись по хозяйственным нуждам к азербайджанцам-терекеменцам в северной части современного Дербентского района.

Культурные заимствования четко прослеживаются в хозяйственной деятельности. Народы Южного Дагестана восприняли от азербайджанцев некоторые навыки ведения огородничества, виноградарства. Результатом чего было закрепление в языках народов Южного Дагестана тюркских слов: «котан-тяжелый плуг», «хара-копен сжатого хлеба», «халыча – ворсовый ковер» и т.д. [7,с.71].

Культурные взаимодействия четко прослеживаются в материальной культуре. Так, например, традиционные формы жилища азербайджанцев, лезгин, табасаранцев этнокультурной зоны были идентичными для этих народов по большинству признаков, и, в целом, представляли единый региональный тип. В становление и развитие городов Дагестана: Дербента, Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска, Кизляра, Хасавюрта азербайджанцы также внесли свой вклад. Значительная часть двухэтажных городских построек принадлежала азербайджанцам (ул. Котрова в Махачкале) [8,с.211].

Культурные заимствования наблюдаются и в устном народном творчестве. Дагестанские азербайджанцы обладают богатым культур-

ным наследием, яркими обычаями и традициями, многообразием фольклорных жанров, литературы и музыки, многие элементы которых заимствованы народами Южного Дагестана. Наиболее популярными произведениями азербайджанцев являются историко-героические эпосы «Деде-Коркуд» и «Кёр-Оглы», лирические дастаны «Асли и Керем», «Шахсенем и Ашиг-Гариб», «Шах-Исмаил», «Хосров и Ширин», «Искандер-Наме», которые были популярны среди всех слоев населения. Широко бытовали сказки (о животных, волшебные и бытовые), легенды (космогонические и др.), загадки, пословицы, поговорки и прочие жанры устного творчества. Также в результате контактов между азербайджанцами и другими дагестанскими народами широко был распространён институт куначества. Узами куначества азербайджанцы были связаны с жителями Табасарана, Кайтага и всего Южного Дагестана [3, с.239]. Многовековое взаимодействие этих народов привело к созданию межэтнических семей и в более поздний период, и в наше время.

Таким образом, в культуре общения происходил медленный, малозаметный, не бросающийся в глаза, но неуклонный с тенденцией на усиление, процесс выработки межэтнических взаимоприемлемых норм межнационального общения. Многовековое взаимодействие и интенсивное смещение, формировало у этих народов общие языковые и этнографические черты. На территории Южного Дагестана долгое время языком общения был азербайджанский язык [6, с.119]. Говоря о влиянии азербайджанцев на культурную жизнь народов Дагестана, хотелось бы особо выделить город Дербент, так как основной пласт азербайджанцев проживал и проживает сегодня в этом древнем городе Дагестана. Дербент издавна являлся важным очагом европейско-светской культуры и науки. Имена Мирза Мухаммед-Али Кязим-Бека, Абдул-Саттара Кязимбека, Мирза Хайдара Везирова, Садык-бека Джафарова, Мирза Мухаммед Казима, Мир Арслан-бека и др. прочно вошли в историю российской и азербайджанской науки. Из дагестанских азербайджанцев учеными-арабистами, известными за пределами Дагестана, были М. Керим бек Шуайб, М. Джабраил, Мирза Мухамедали Казембек, Мулла Таги, А. Джафаров [11, с.29].

Передовые азербайджанцы пытались решить актуальные проблемы населения путем участия в социально-политической жизни общества и в начале XXв. Так, в состав городского самоуправления города Дербента, избранного в 1900 г. и состоявшего из 15 человек, вошло семь азербайджанцев: М. Хадырбеков, Г. Векилов, М. Абдурагимов, А. Мирзабеков, А.-П. Ильяс-бек оглы, Касумбек Минатулла-бек

оглы Гайдаров, М.-А. Гамзаев. Интересно, что в 1900 г. и в 1904 г. (на второй срок) городским головой был избран К.-М. Гайдаров, уроженец Дербента, выпускник Бакинского реального училища.

Среди азербайджанских ученых конца XIX – начала XX в. выделялось имя А. Талыбова. Произведения Талыбова сыграли важную роль в развитии просвещения, культуры, науки, общественно-политической и философской мысли и на территории Дагестана.

В 1913 году в Темир-Хан-Шуре функционировала русско-тюркская школа «Меджидия», в которой преподавали русский, азербайджанский языки, мусульманское вероучение. Училось 30 мальчиков и 6 девочек [17,с.169].

Дербент дал целую когорту ученых, среди которых выдающийся конструктор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического труда Г.А. Гасанов, доктор философских наук, профессор МГУ Ш.Ф. Мамедов, известный литературовед, поэт, переводчик Ф.М. Сеидов, доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономии МГУ Г.А. Джавадов, академик Академии наук Азербайджана и Международной Академии архитектуры, президент Международной Академии архитектуры стран Востока, лауреат Государственной премии СССР Ш.С. Фатуллаев, доктор технических наук, начальник кафедры Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского, генерал-майор Т.М. Сеидов и многие другие.

Как и представители других дагестанских народов, азербайджанцы имеют возможность для сохранения и развития национального языка, традиций и обычаев, уклада жизни. Азербайджанский язык ведется в 71 школе, в том числе в 35 школах Дербентского района, в 18 школах Дербента, в 9 школах г. Дагестанские огни. С 1978 г. на республиканском радио функционирует отдельная редакция вещания на азербайджанском языке, по 30 минут ежедневно [4,с.22], литобъединение Гюлистан, два народных театра, один государственный азербайджанский театр, в ГТРК «Дагестан» вещание ведется на азербайджанском языке один раз в месяц. Издаются республиканские газеты на азербайджанском языке газеты Ватан и Дербент. Для поддержания связей с Азербайджанской республикой действует Общество «Дагестан – Азербайджан». Оно способствует развитию исторических, этнокультурных, побратимских связей и отношений, куначества и добрососедства между приграничными районами и народами Дагестана и Азербайджана.

Решению проблем азербайджанцев в Дагестане способствует национальное общественное движение «Азери». Общество Азери способствует решению проблем азербайджанцев. Дагестанские азербайджанцы обладают богатым культурным наследием, яркими обычаями и традициями, многообразием фольклорных жанров, литературы, музыки. Они создали самобытную культуру: фольклор, литературу, изобразительное искусство, зодчество, музыку. Приветливое и доброжелательное отношение к людям – характерная черта азербайджанцев. И сегодня, строя отношения народов между собой, строя отношения с другими народами, азербайджанцы используют богатейшее наследие дедов и прадедов, заключающееся в традициях, доброжелательного, уважительного отношения к любому народу, независимо от его этнической принадлежности и конфессиональной ориентации.

Однако, как и у многих народов, у азербайджанцев тоже имеются проблемы. Наиболее острой проблемой остается проблема представительства азербайджанцев в республиканских органах управления, к которой в последние годы прибавилась проблема представительства в местных органах управления, в частности, в г. Дербенте, Дагестанских Огнях.

На сегодняшний день в Дагестане действует общественная организация азербайджанцев. Но они в Дагестане не диаспора, а коренное население региона. Азербайджанский язык не теряет своих позиций в Дагестане, а сами азербайджанцы – причастность к азербайджанскому обществу и культуре.

Таким образом, азербайджанцы – один из автохтонных народов на Кавказе, а также в Дагестане, который сыграл немаловажную роль в его социально-экономическом, политическом развитии, сохранении независимости и самостоятельности, участвует в этноязыковом и этнокультурном процессе Дагестана.

Дагестанские азербайджанцы и сегодня вместе с братскими народами вносят весомый вклад в социально-экономическое развитие Республики Дагестан. Многовековое соседство азербайджанцев с народами Дагестана взаимно обогатило материальную культуру этих народов. Сегодня, несмотря на некоторые проблемы, эти народы живут в дружбе и согласии. Азербайджанцы благодарны всем народам, живущим вместе с ними и которые трудятся на благо общего дома – Республики Дагестан.

Список использованной литературы

1. Бакиханов А.А. Гюлистан-и-Ирам. – Баку: Элм, 1991.

2. Большая советская энциклопедия. М., 1954.
3. Гаджиева С. Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX- XXвв. М., 1999.
4. Ибрагимов М.-Р. А. Азербайджанцы // Народы Дагестана. 2004, № 5.
5. Ибрагимов М-Р А. К истории формирования дагестанских азербайджанцев. Историко-культурные и экономические связи народов Дагестана и Азербайджана // Материалы международной научно–практической конференции. Махачкала, 2007.
6. Исмаилова А.М. Об этногенезе дагестанских азербайджанцев.// Материалы II международного симпозиума исследований тюркского мира. 20-22 мая 2015 года. Алматы, Казахстан, 2015.
7. Исмаилова А.М. Тюркоязычные народы Дагестана и народы Северо-Восточного Кавказа: единство и многообразие культур // Материалы III международной тюркологической конференции «Тюркское наследие Кавказа». Махачкала, 2014.
8. Исмаилова А.М., Аскеров А.Г. Дагестанские азербайджанцы – частица тюркского мира: вчера, сегодня, завтра // Тюркский мир: Вчера и сегодня. Материалы Международной научной конференции. 23-24 мая 2014. Том 1. Изд. «Виктория». История и реальность. Баку-2014.
9. История города Дербента // Составитель Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1906.
10. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Этноатлас Республики Дагестан. Махачкала, 2011.
11. Курбанов Э. Дагестанские этносы. Новое дело, 1998, № 20.
12. О некоторых итогах всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан // Статистический сборник. Махачкала, 2010.
13. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Т. IV.СПб., 1836.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. Дагестанская область. СПб., 1905.
15. Поездка Г. Бекнера по Южному Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX Тифлис. 1876.
16. Постановление Госсовета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191 «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан».
17. Россия. Население. Россия в этнографическом отношении // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. 86. СПб., 1890-1907.
18. Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М., 1958.

Шамсулвараева З.А.
ГКОУ РД «Кизлярская гимназия-интернат
«Культура мира», учитель родных языков

СОХРАНИТЬ ЯЗЫК – СОХРАНИТЬ СЕБЯ

Каждый народ – это неповторимая культура, история, традиции, образ жизни. И, конечно же, язык. Язык любого народа является инструментом сохранения и передачи следующим поколениям его культурного наследия. Язык – это душа народа, язык – это последняя крепость человека. Нет языка, нет нации.

Устойчивая и грамотно построенная языковая политика может способствовать сохранению основы национальной культуры – языка, а также стабилизации межнационального согласия в полиэтническом регионе страны. Языковая политика в полиэтнических регионах России соответствует принципам и приоритетам российской государственной этноязыковой политики в целом. Одной из приоритетных позиций «Стратегии национальной государственной политики России» на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ В. В. Путина, является сохранение и возрождение языков и культур народов страны, содействие укреплению единства ее граждан.

Законодательство, гарантирующее защиту прав и свобод человека, гражданина, ребёнка в области изучения родного и иных языков, представлено следующими нормативно-правовыми актами: Конвенцией о правах ребёнка; Конституцией Российской Федерации; Федеральным Законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Законом Российской Федерации «Об образовании»; Федеральным государственным образовательным стандартом; Конституциями республик, входящих в состав РФ.

Культура Дагестана – самая древняя на территории Российской Федерации и, как известно, Дагестан – самая многоязычная и многонациональная территория нашей страны. Численность населения республики по данным Росстата составляет 3 086 126 чел. (2019).

Дагестан всегда представлял огромный интерес для лингвистов всего мира. Это страна гор и гора языков. У нас в Дагестане четырнадцать письменных и восемнадцать бесписьменных языков. Первые сведения о дагестанских языках содержались в исследованиях русских лингвистов А. Шифнера, А. Дирра. А генерал русской армии П. Услар первый издал еще в XIX веке грамматику по всем дагестанским язы-

кам, которыми и по сей день пользуются ученые всего мира. При советской власти центром по изучению кавказских языков являлась Грузия. Ныне он переместился в Дагестан.

Поскольку дагестанским языкам присвоен статус государственных языков, Закон «Об образовании» подразумевает изучение родного языка в качестве обязательного предмета в образовательных учреждениях, в которых обучение ведется на русском языке. Обязательное обучение в школах родному языку их носителей прописано в Конституции РД.

Именно фактор обязательности обучения языкам служит гарантией достаточного уровня и качества образования, что обеспечивает не только более ответственное отношение учащихся к предмету «родной язык», но и государственную поддержку преподавания в школах данной дисциплины.

К сожалению, в Дагестане пока нет ни концепции развития дагестанских языков, ни какой-либо другой программы их развития, ни финансирования на их реализацию. Более того, в 2014-2015 учебном году в Республике Дагестан около 500 мононациональных сельских школ перешло на русский язык обучения. Это серьезное нарушение прав ребенка на получение образования в начальной школе на родном языке. Здесь речь идет не о городских школах.

Языковая картина мира весьма изменчива. Это можно проследить не только на примере малых, но и средних, и крупных языков. Так, 100 лет назад на русском и английском языках в мире разговаривали примерно одинаковое число людей. Сегодня на английском говорят в 5 раз больше. За последние 25 лет численность людей, владеющих русским языком, в мире сократилось более чем на 50 миллионов человек.

По данным лингвистов, 14 языков исчезло на территории России за последние 150 лет. Из них пять – в постсоветский период. Еще около 18 языков находятся на грани исчезновения, то есть осталось не более 20 пожилых носителей этих языков. Главным фактором исчезновения становится то, что язык в семьях перестают передавать детям.

В Дагестане из года в год сужаются сферы влияния родных языков. О недостаточном использовании дагестанских языков в сфере образования говорит тот факт, что до сих пор отсутствуют какие-либо нормы по использованию родных языков в дошкольных образовательных учреждениях РД, что противоречит концепции полилингвального образования, одобренной Правительством РФ, которая предполагает обязательное введение родного языка, начиная с младшей группы дошкольных образовательных учреждений.

Пока, к сожалению, нет системного, глубокого исследования анализа причин постепенного сужения сфер употребления дагестанских языков и снижения уровня владения родным языком.

Использование дагестанских языков в системе образования должно найти свое отражение в целевых долгосрочных и краткосрочных Программах по сохранению и развитию языков народов Республики Дагестан.

К сожалению, до сих пор не принят Закон «О языках народов Дагестана», где можно было бы предусмотреть меры по сохранению и развитию языков народов Дагестана. Есть только статья 11-я Конституции Республики Дагестан, которая гласит: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана. В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Важными представляются также разработка и финансирование республиканских целевых программ, реализация которых приведет к изданию художественной, научной, учебной и учебно-методической литературы на языках народов Дагестана.

Необходимо уделить серьезное внимание воспитанию и обучению в детских дошкольных образовательных учреждениях, а также подготовке специалистов, работающих в области сохранения и развития языков народов Дагестана. Языку, как и народу, надо служить, самоотверженно бороться за него.

Молодое поколение дагестанцев, особенно в городах, плохо знает культуру, быт, традиции, обычаи своих предков. Оно почти не знакомо с национальной литературой, фольклором, своими обрядами и обычаями. Сегодня мы не задумываемся о том, что творится с нашими языками, о том, что человек, не владеющий родным языком, фактически лишается связи со своим этносом и в определенной степени чувствует себя обделенным. А ведь родной язык благотворно влияет на жизнь человека.

Отсутствие ясной государственной политики в этой области на современном этапе является причиной их маргинализации, ускоренного вытеснения родных языков из всех сфер жизни нашего общества, вплоть до бытового общения.

«В «Красную книгу языков народов России» занесено 18 дагестанских языков: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, кубачинский, рутульский, гиндинский,

хваршинский, цахурский, цезский», – говорит Магомедов Магомед Ибрагимович – директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор.

Причинами вымирания языков является:

– искусственное объединение нескольких родственных языков в один;

– отсутствие или неадекватность информационных ресурсов на родных языках в сети Интернет, в сфере радио и телевидения, издании литературы;

– не придание языку предусмотренного законом статуса;

– сложный порядок согласования учебных пособий;

– создание искусственных препятствий для изучения родных языков (русский как родной);

– отсутствие позитивной практики устойчивого двуязычия;

– низкий удельный вес национально-регионального компонента в Федеральном базисном учебном плане;

– сокращение количества языков.

Если на сегодняшний день посмотреть картину изучения родных языков в г.Кизляре, то она такова: гимназия №1 – аварский; СОШ №2 – авар., дарг., кумык.; СОШ №3 – авар.; гимн. №6 – авар.; СОШ №7 – авар., дарг.; СОШ №9 – дарг., кумык.; СОШ №11 – авар.; Прогимназ «Ласточка» – авар.

Невеселая картина. Вот и делайте выводы, уважаемые...

Принятые в 2018 году поправки о «добровольности» изучения национального языка направлены на дальнейшее сокращение лиц, знающих и применяющих национальный язык, его забвение, вытеснение на этом этапе русским языком.

Следует отметить, что основной международный документ о защите прав детей – Конвенция о правах ребенка – не предусматривает ни добровольности при получении образования, ни добровольности при изучении отдельных предметов. Напротив, Конвенция предусматривает обязательность начального образования.

Часть 4 статьи 43 Конституции РФ предусматривает обязательность основного общего образования. Такая обязательность вытекает не из стремления государства принудить ребенка или его родителей к выполнению некоей обязанности в чужих интересах, а из презюмирования вывода о том, что ни ребенок, ни его семья на стадии получения образования могут не осознавать его социальной и духовной ценности, влияния полученных знаний и навыков на судьбу ребенка и будущее страны в целом.

Нет никаких оснований считать, что изучение национального языка должно осуществляться на иных принципах, нежели изучение других важных предметов.

Язык каждого этноса уникален и уже в силу этого обстоятельства нуждается в тщательном изучении и бережном сохранении.

Все дагестанские языки по фонетическим, морфологическим, семантическим признакам объединяются в языковые семьи.

Языковые семьи:

Иберийско-кавказская

Тюркская

Индоевропейская

Каждая языковая семья делится на подгруппы:

Иберийско-кавказская языковая семья самая крупная, объединяет 5 п\гр:

а) аваро-андо-цезская – самая многочисленная п\гр. Объединяет 15 языков, литературный язык создан на основе хунзахского диалекта;

б) даргинская п\гр. объединяет несколько диалектов, литературный язык создан на основе акушинского диалекта;

в) лакская п\гр имеет несколько диалектов;

г) лезгинская п\гр объединяет лезгинский, табасаранский, цахурский, рутульский, агульский и язык жителей сел. Арчиб Чародинского района;

д) нахско-дагестанская п\гр.

Тюркская языковая семья объединяет:

кумыкский, азербайджанский, ногайский языки.

Индоевропейская языковая семья:

татский или горско-еврейский.

К дагестанско-нахской ветви иберийско-кавказской семьи языков относятся аварцы (вместе с 14 этносами, имеющими самостоятельные, но близкие аварскому, языки, а именно, ахвахцами, каратинцами, андийцами, ботлихцами, годоберинцами, тиндалами, чамалалцами, багулалами, хварщинами, дидойцами, бежтинцами, гунзибцами, гинухцами и арчинцами), даргинцы (включая кубачинцев и кайтагцев), лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры и чеченцы.

К тюркской группе алтайской языковой семьи относятся кумыки, азербайджанцы и ногайцы.

К индоевропейской языковой семье принадлежат таты или горские евреи, говорящие на татском языке, который относится к иранской ветви языков.

Приоритетные направления развития родных языков

В сфере образования:

- создание региональных нормативных актов, юридически закрепляющих достаточный объем, содержание, условия преподавания родного языка в образовательных учреждениях;
- создание условий для овладения родными языками всеми желающими;
- сохранение, создание и развитие сети образовательных учреждений, в которых преподаются родные языки;
- совершенствование системы подготовки педагогических кадров в области преподавания родных языков;
- совершенствование методики преподавания родных языков;
- создание научно-методической структуры, призванной осуществлять разработку учебно-методического обеспечения, соответствующего современным требованиям обучения родному языку;

В сфере науки:

- разработка методик и технологий обучения родным языкам на основе современных достижений мировой науки и педагогической практики в области методики преподавания языков;

В сфере средств массовой информации:

- создание условий для функционирования, развития и широкого распространения периодических изданий, особенно детских;
- увеличение объема и сферы телерадиовещания на родных языках;
- создание тематических программ и передач по телевидению и радиовещанию, посвященных культуре, искусству, людям, вошедшим в историю края;

В сфере культуры и искусства:

- широкое использование дагестанских языков в массовых, зрелищных и культурных мероприятиях;
- поддержка формирования театрального искусства

В сфере книгоиздания:

- создание условий и поддержка развития книгоиздания на родных языках;
- стимулирование издания литературных произведений, особенно детской и молодежной литературы, на родных языках;

В сфере информационно-коммуникационных технологий:

- широкое внедрение новых технологий в сферу обучения, информационного взаимодействия;
- создание и поддержка интернет-сайтов на родных языках, способствующих сохранению духовного наследия народа, распространению родных языков;

– создание и расширение библиотеки дагестанской литературы в Интернете.

Обеспечение реализации Концепции.

Если мы поработаем над приоритетными направлениями развития родных языков во всех выше перечисленных сферах, то мне кажется, мы сумеем сохранить не только родные языки, но сохранить историю и самобытность народов Дагестана.

В конце хочется процитировать слова Р. Гамзатова: «Для меня языки народов – как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют и звезды. Пусть у каждого человека будет своя звезда».

Иманахмедова З. Г.

аспирант кафедры истории России
ДГУ, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О РОЛИ КИЗЛЯРА В УСТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ ТОРГОВО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПУТЕЙ РОССИИ С ВО- СТОЧНЫМИ СТРАНАМИ В XVIII в.

Аннотация: *Рассмотрена роль города Кизляр в установлении новых торговых и дипломатических связей России со странами Востока, показана ретроспектива социально-экономического развития края в изучаемое время. Сделан акцент на то, что несмотря на сложную политическую ситуацию, купцы были самым организованным сообществом в указанный период в регионе.*

Ключевые слова: *купец, Кавказ, экономика, Терек, таможня, Кизляр.*

Среди городов, возникших на Тереке в XVIIIв., огромное значение имел Кизляр, являвшийся главным политическим, экономическим и культурным центром на Северном Кавказе. Значение этого города было чрезвычайно велико, т.к. через него осуществлялись не только торговые сношения России с Северным Кавказом, Закавказьем и странами Востока, но и политические, дипломатические контакты [1,с.14].

История торговли со странами Востока и Азии через российские города крепости, одной из которых являлся город-крепость Кизляр, приобрела особое значение еще с конца XX века, когда Россия начала

строить отношения с новыми соседями после распада СССР. Это способствовало возрастающему интересу исследователей к истории внешнеторговой деятельности России на Кавказе и Востоке и определяло ее значимость.

Проблеме восточной торговли России и участия в ней российского и иностранного купечества в XIX веке в советской и российской историографии уделено немало внимания. Но необходимо констатировать один главный недостаток – отсутствие обобщающих работ по заявленной тематике. Кроме того, отсутствует в литературе и освещение довольно большого числа частных вопросов, составляющих в своем единстве саму эту проблему.

В XVIII веке задачи внешней политики России совпадали с интересами представителей торговли и промышленности, которые были направлены на Восток. Для России совпадение внешнеполитических задач и протекционистской политики было связано с укреплением своих позиций в мире и внутри страны, хотя для внешней торговли всегда приоритетными были планы развития отечественной промышленности.

На территории Северо-Восточного Кавказа присутствовало достаточное количество восточных купцов, для которых главной была деятельность между Россией и странами Востока, связанная с региональной и посреднической торговлей. Восточные торговцы к началу XIX в. стали привычными обитателями российских городов, даже отдаленных от своих стран [2,с.293].

Правительство осознавало, что торговля является одним из самых важных доходов в казну, поэтому всячески поощряло инициативу восточных купцов приехать торговать в страну, для чего проводило покровительственную политику.

Именно функции транзитного узла, которые Кизляр играл ранее в торговле России с Ираном, обусловили посреднический характер города в торговле с восточными странами. По мнению исследователя Миронова Б.Н., следует отметить, что кроме трех традиционных форм торговли, следует выделять еще такой тип торговли, как транзитная, потому что при нем конкретная территория служила практически перевалочным пунктом, когда товары доставлялись из одного региона в другой [3,с.170].

Сформировавшийся социальный и культурный облик города Кизляра, изменения его обычного уклада жизни были связаны с нахождением в городе-крепости купцов, а также транзитными путями, которые

шли через город. Благодаря выгодному положению Кизляра, сюда стекалось купечество самых разных национальностей, в том числе тезики, русские купцы, персияне, грузины, евреи, индийцы и т.д. Достаточно развитыми, по мнению исследователя Иноземцевой Е.И. торговые отношения с русскими купцами [4,с.401].

Большая роль в установлении торговых и дипломатических отношений принадлежала кизлярским комендантам, которые выступали в роли дипломатов, от имени русского правительства вели переговоры с представителями иностранных государств, грузинскими царями, феодалными владетелями Кавказа и Закавказья. Для тайной переписки правительством и с русскими резидентами в сопредельных государствах коменданты имели тайный шифр. Коменданту подчинялись таможня и карантинные посты, которые собирали пошлинные сборы с привозимых в Кизляр и Россию товаров, а также наблюдали, чтобы из страны не вывозились недозволенные товары [5,с.207].

Кизлярские коменданты принимали посланников иностранных государств, вступали с ними в переговоры и оперативно принимали решения, и, естественно, докладывали вышестоящим властям – Астраханскому губернатору, Коллегии иностранных дел и т.д.

Вопрос восточной торговли имел очень важное значение для России потому, что ранее она велась через земли Османской империи, которая была длительный период недружественно настроена. Для России активизация именно этого направления в торговле была связана с задачей перевести ее на более удобную и безопасную трассу, которой стала со временем Каспийско-Волжская трасса. Именно Кизлярские купцы держали в своих руках торговлю России с Закавказьем и Персией [6,с.99].

Российские купцы могли вести полноценную торговлю только на территории своей страны, и они боролись с восточными купцами за превосходство над ними на российском рынке. Под давлением российских торговых людей эта борьба в 1685 г. вылилась в жесткие правила торговли для восточных купцов.

Список использованной литературы

1. Гарунова Н.Н. Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII- первой половине XIX в. // В сборнике: Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI вв., материалы к историко-археологическому изучению региона Доклады и сообщения XXI межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2017. – С. 14-17.

2. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв.: [монография] / Ф. З. Феодаева. – Москва: Таус, 2008. С.293.

3. Миронов Б. Н. Внутренний рынок в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / Б. Н. Миронов – Л.: Наука, 1981. – С.170.

4. Иноземцева Е.И. Притерские армяне в процессе интеграции народов Северо-Восточного Кавказа в экономическую систему России (XVIII – первая половина XIX в.) [Текст] // Общероссийская и национальная идентичность. Материалы международной научно-практической конференции 19-20 апреля 2012 г. – Пятигорск, 2012. – С.401-404.

5. Кидирниязов Д.С., Рабаданова А.У., Гарунова Н.Н. Дагестан в политике России, Ирана и Турции в середине 90-х гг. XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5-1. – С. 207-210.

6. Юхт А.И. Торговые связи России со странами Востока в 20-40-х годах XVIII в. Историческая география России в XVIII в. М., 1881. Ч.1. – С.99.

Гаджимагомедова А.Ш.

магистрантка 1 курса,

ДГУ, г. Махачкала

Гаджиева Ф.Г.,

к.и.н., доцент кафедры истории Дагестана,

ДГУ г. Махачкала

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НИЗОВИЙ ТЕРЕКА

Аннотация: *В статье обозначена важность изучения краеведения для воспитания патриотизма, определены особенности изучения краеведения для Низовий Терека на примере деятельности краеведа Д. Васильева.*

Ключевые слова: *краевед, история, традиция, архив, Низовья Терека.*

Традиция и новизна, современность и история неразрывно связаны между собой, хотя традиции легко забываются, а история плохо изучается новыми поколениями. Но случаются в судьбе страны или

народа такие повороты, как российская перестройка конца XX века, когда история заставляет пристально и серьезно всмотреться в разбитые зеркала и найти в традиционных формах ответы на насущные вопросы.

Энтузиастам-краеоведам было трудно не только в 30-ых годах XX в. или после Великой Отечественной войны, но и в наши дни, наверное не сладко будет и при будущем глобализме. Ведь настоящим краеведам нужны факты и истина, они ее ищут не для материальной выгоды и не для власти. Настоящий краевед – патриот «малой родины» и Великого Отечества, верное дитя, любитель и служитель родной земли и народа [2].

Трудно переоценить значение содержательного исследования «Очерки историй Низовий Терека» известного на Кизлярщине краеведа, большого энтузиаста своего дела Д.С. Васильева [1], в котором на основе широкого круга разнохарактерных источников, изученных автором более чем за 30-летний период поисковой работы, рассматриваются вопросы экономического, социально-политического и культурного развития региона в досоветский период. Важное место в работе отведено истории возникновения и развития города Кизляра.

Труд Д.С. Васильева, по мнению многих маститых кавказоведов современности, содержит ценный материал по истории социально-экономического развития терского левобережья. В работе освещаются не только вопросы, связанные с терским казачеством (появление его в низовьях Терека, основные этапы развития, занятия и пр.), но и рассматриваются процессы колонизации Восточного Предкавказья другими этническими группами (армянами, грузинами, ногайцами). Показано здесь и зарождение и развитие капиталистических отношений, уделено внимание социальным движениям населения региона. Особо важен тот факт, что труд Д.С. Васильева подчинен освещению чрезвычайно актуальной и сегодня имеющей не только научное, но и политическое значение проблеме исторической интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав России. Вместе с тем торговля была фактором культуры диалога, культуры цивилизованного общения, уважения обычаев и веры партнеров в торговле.

Важно отметить, что территория приморского Дагестана и нижнего Притеречья извечно была контактной, интегральной зоной для народов Северо-Восточного Кавказа, через которую проходила древняя торговая магистраль, сообщая между собой не только страны Востока и Запада, Европу, Персию и Индию, но и народы Северо-Восточного Кавказа. Здесь непрерывно шла крупномасштабная транзитная

торговля между Востоком и Западом, в которую были вовлечены в той или иной степени и народы региона.

Книга Д.С. Васильева – это многоплановое научное исследование с широким охватом актуальных вопросов исторического прошлого народов, населяющих низовья Терека в XVI – нач. XX вв., пользующееся большим спросом в научных кругах современного Северо-Восточного Кавказа. Книга оказалась востребованной не только в Дагестане, о чем свидетельствуют многие ее оценки в изданиях профессиональных историков Северного Кавказа [3].

Неутомимый исследователь-краевед Д.С. Васильев оставил свой яркий след в освещении прошлого уникального уголка российской земли, каким являются низовья Терека. Приезжие ученые XVIII-XIX веков проводили важные экспедиционные исследования, результатами которых пользуемся до сих пор. В архивных материалах, в земско-статистических сборниках, в таблицах оценки земель, в сельскохозяйственных обзорах губерний и уездов находим самые разнообразные сведения об истории, климате, почвах, рельефе, фауне и флоре, природных богатствах края. Но несмотря на столь солидные изыскания, все еще остаются большие пробелы в истории родного края. Пробелы идут по всем направлениям. Особенно по древней истории. Любитель-краевед Васильев Д.С. здесь произвел, можно сказать, взрыв и сдвинул дело с мертвой точки.

В краеведческой работе участвуют историки и географы, биологи и геологи, искусствоведы и фольклористы, литературоведы и текстологи, архивисты и археологи, музейные и библиотечные работники, агрономы и природоведы, учителя и воспитатели, писатели и журналисты, архитекторы и музыканты, спортсмены и бизнесмены, студенты и школьники, экскурсоводы. Все, кому небезразлична история и судьба родного народа и края. Интерес к истории родного края, к истории семей и родов вырос неизмеримо. Наступает новый период развития страны, республики и, конечно, краеведческого движения в целом, когда родинovedение должно быть прерогативой государственной заботы.

Кропотливое изучение историй населенных пунктов, топонимических памятников продолжается и набирает силу в начале XXI в., актуальным остается изучение научного наследия, жизни и деятельности людей [4].

В стороне, часто незаслуженно забытой, осталась целая плеяда других известных краеведов: и Яблочанский, и Мьялковский, и Дави-

дов, и Глазев, и Серебрякове и т.д. Это люди, которые не всегда получают за свой труд адекватное вознаграждение, люди, которые с энтузиазмом делали и делают нужное и важное дело – сохранение и приумножение истории. Пусть им не ставят памятников, не пишут о них книг, но о них помнят. И это самое главное. Они являлись и являются подвижниками своего дела, активными проводниками нужных и важных дел [5].

Студенты, которые всегда являются наиболее передовой и последовательной частью населения, должны идти впереди в вопросе увековечивания памяти людей, на чьих книгах мы учимся. Поэтому мы взяли на себя право первыми положить начало систематизации и углубленному изучению наследия Васильева Д.С., выступили с инициативой провести первыми публичных чтений, с целью сохранения и популяризации его взглядов. На Васильевские чтения приезжают студенты и ученые из Махачкалы, Кизляра, преподаватели, представители обществности, сотрудники музеев, поэты, деятели культуры, представители прессы, органов местного самоуправления. Четыре года подряд мы со студентами исторического факультета ДГУ проводим Васильевские чтения и издаем сборники в память о человеке, который много сделал для своего края.

Список использованной литературы

1. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. – 286с.

2. Гарунова Н.Н. Биография Глазова Владимира Алексеевича: "Лермонтовского Печорина нашего времени" // Вторые Васильевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. – Кизляр, 2010. – 202с.

3. Иноземцева Е.И. Парадигма торгово-экономического интегрирования России с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – первой половине XIX в. // В сборнике: Россия и Кавказ: история и современность материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. – Махачкала. – 2012. – С. 421-431.

4. Гарунова Н.Н. Казачьи городки и крепости в НИЗОВЬЯХ Терека в XVII-XVIII вв: мифы и реальность. – Махачкала: Радуга, 2017.

Арсланбекова У.Ш.,
к.филол.н., доцент ДГУНХ,
г. Махачкала.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА

Аннотация: *В статье рассмотрены способы модернизации языка, которые означают усвоение ценностей и культурного наследия большинства, сопровождаемые языковым сдвигом.*

Ключевые слова: *модернизация, носители языка, культура, традиции, фольклоризация.*

Сложные общественные, политические и идеологические процессы, изменившие среду обитания человека, легли в основу утраты языков и ослабления сообществ их носителей. Такие изменения можно назвать модернизацией или глобализацией.

Модернизация языкового сообщества осуществляется тремя способами. Первый способ – модернизирование собственной культуры на условиях культуры большинства и добровольной ассимиляцией с последним. Второй способ – отказ от модернизации и поддержка традиционной формы культуры в новой ситуации, несмотря на связанные с этим сложности изоляции. Третий способ – попытка самостоятельной модернизации с сохранением своей культуры, но с одновременным обогащением ее элементами окружающей культуры большинства.

Модернизация на условиях культуры большинства означает усвоение ценностей и культурного наследия большинства, что часто сопровождается языковым сдвигом. Из-за того, что язык является во многих отношениях краеугольным камнем культуры, его утрата обычно довольно скоро приводит к обеднению или полному исчезновению культуры меньшинства. В связи с функционированием образования, управления и средств массовой информации на языке большинства привело к тому, что язык меньшинства и поддерживаемая им культура замкнулись исключительно в семейном кругу в стороне от общественной жизни. В то время, как культура большинства изменяется согласно потребностям современного общества, у традиционной культуры не остается возможности за ней следовать. Вопрос о том, в какой степени культура меньшинства может жить дальше, если лежащий в ее основе язык умирает, не имеет простого ответа. Следует различать случаи, когда мы говорим о потере языка на

индивидуальном уровне или же на уровне всего сообщества. Даже в том случае, когда язык исчезает на уровне всего сообщества, некоторые черты традиционной культуры могут сохраняться после завершения языкового сдвига. Это возможно прежде всего тогда, когда хотя бы часть сообщества сохраняет традиционные промыслы. Примером этого могут служить балхарские и кубачинские изделия, поддерживающие определенные черты материальной культуры и отношения к окружающей среде. Важно подчеркнуть тот факт, что смена языка не является законом природы. Носители языка меньшинства сами решают начать говорить со следующим поколением на языке большинства. Такой выбор часто обосновывается необходимостью получения образования, привычкой двуязычной семьи использовать дома язык большинства и стремлением обеспечить детям максимально успешную жизнь в обществе, говорящем на доминирующем языке. Все это обычно сопровождается идеями о том, что потеря менее распространенного языка в семье и обществе – это незначительное и неопасное явление, и от сохранения этого языка нет никакой пользы. Модернизация на условиях культуры большинства обычно ведет либо к потере своего языка и культуры, либо по крайней мере, к значительному обеднению культурного наследия меньшинства. К сожалению, в настоящий момент это наиболее _ распространенный по всему миру тип модернизации.

Отказ от модернизации означает активное стремление противостоять культурным изменениям. Меньшинство, которое реагирует на модернизацию таким образом, часто находится в опасности вступить в конфликт с большинством. Тем не менее, отказ от модернизации может оказаться действенным способом сохранения культурной самобытности. Часто в культуре большинства живет глубоко укоренившееся представление о том, что язык меньшинства и поддерживаемая им культура могут существовать исключительно в качестве «музеефицированного» пережитка прошлого.

Модернизация культур народов России привела к фольклоризации. Это значит, что меньшинствам разрешается осуществлять свои культурные практики только в тех условиях, которые одобряются представителями большинства. Обычно на первое место в подобных случаях выходят национальные блюда, одежда, музыка, ассоциируемые с традиционной культурой, и прочие безобидные с точки зрения окружающей культуры черты. Таким образом, фольклоризация представляет собой демонстрацию локальной культуры на условиях культуры большинства, и ее можно

считать противоположностью успешной модернизации местной культуры. Такое положение дел используется в ситуациях, которые следуют протоколу проведения мероприятий в культуре большинства и организованы почти исключительно на русском языке.

Модернизация предлагает представителям большинства возможность познакомиться с локальными культурами. Она может приводить, например, к возникновению такой литературы или музыкальных текстов на менее распространенном языке, которые будут интересны и для большинства. Таким образом, культура меньшинства может стать более известной, войти в состав всеобщего мирового культурного капитала.

Список использованной литературы

1. Алпатов В.М. 2000: 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва: ИВ РАН.

2. Вахтин Н.Б. 2001: Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин.

3. Вахтин Н.Б. & Головки Е.В. 2004: Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб.: Гуманитарная Академия – Европейский университет.

Гайтамирова С.А.

к.ист.н., ст. преподаватель кафедры истории
древнего мира и средних веков
«Чеченский государственный университет»

Gaitamirova S.A.

Ph. D., senior lecturer of the Department of history
the ancient world and middle ages of the
«Chechen state University»

**ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ТОРГОВЫХ
ОТНОШЕНИЯХ МЕСТНЫХ НАРОДОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**THE IMPORTANCE OF THE CITIES OF THE TEREK REGION
IN THE TRADE RELATIONS OF LOCAL PEOPLES IN
THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURY**

Аннотация: *Статья посвящена исследованию жизнедеятельности местных народов в городах Терской области. Города имели особое значение в жизни народов области как центра процветания ремесел и интенсивной торговли. Развитие торгово-промышленного сословия меняло постепенно облик и социальную структуру городов. На основе статистических данных освещается развитие промышленного производства, показана динамика роста различных отраслей производства городов Кизляр, Владикавказ, Грозный. Рассматриваются особенности экономического развития городов Терской области, новые способы вовлечения их в капиталистическую систему хозяйства, товарно-денежные отношения которые способствовали вхождению области в систему всероссийского рынка.*

Ключевые слова: *административные единицы, ярмарки, винокуренное производство, Всемирная выставка, сыроваренный завод, мукомольная продукция, производитель, Кизляр, Владикавказ, Грозный.*

Annotation: The article is devoted to the study of the vital activity of local peoples in the cities of the Terek region. Cities were of particular importance in the life of the peoples of the region as a center for the prosperity of crafts and intensive trade. The development of the commercial and industrial estate gradually changed the appearance and social structure of cities. Based on statistical data, the development of industrial production is highlighted, the growth dynamics of various industries in the cities of Kizlyar,

Vladikavkaz, and Grozny is shown. The features of the economic development of the cities of the Terek region, new ways of involving them in the capitalist system of economy, commodity-money relations that contributed to the entry of the region into the system of the all-Russian market are considered.

Key words: administrative units, fairs, distillery, World Exhibition, cheese factory, flour mill, producer, Kizlyar, Vladikavkaz, Grozny.

Во второй половине XIX в. на юге Российской империи происходил процесс втягивания Северо-Кавказских городов во всероссийский рынок и капиталистические производственные отношения.

В 1856 г. на территории будущей Терской области было 4 города: Георгиевск, Пятигорск, Моздок и Кизляр. Численность в них составляла:

Георгиевск – 5 595 чел.

Пятигорск – 6 858 чел.

Моздок – 9 953 чел.

Кизляр – 10 075 чел. [17, с.223-227].

Города имели самостоятельный административный статус. 31 марта 1860 г. Александр II подписал «О преобразовании крепости Владикавказ в город». Показательно то, что эта трансформация произошла по причине необходимости «развития на Кавказе торговли и промышленности» [6, с.59].

В городах Терской области преобладающим было русское население, но это были, в основном, не казаки Терского казачьего войска, а пришлое население из Центральной России, Поволжья и других русских земель. Один за другим города получали статус самостоятельной административной единицы. Но такой правовой статус до 1893 года имели лишь два города: столица Терской области – Владикавказ и Моздок. В 1893 году подобный статус получили Грозный, Пятигорск, Георгиевск и Кизляр [11, с.7], и в начале XX века – Кисловодск.

С 1890-х гг. развитие городов Владикавказа и Грозного вплоть до начала Первой мировой войны шло высокими темпами, оставаясь главными центрами промышленного предпринимательства. Это подтверждается и данными о росте населения. Так, с 1897 по 1915 гг. население Владикавказа выросло в 1,7 раза, с 43 740 чел. до 73 243 чел., а г. Грозного (вместе с промыслами) – в 4,5 раза, с 15 564 чел. до 70 000 чел. [8, с.37].

Крупнейшим центром промышленного предпринимательства края был город Кизляр, который долгое время оставался единственным го-

родом во всем Предкавказье. Большинство русских жителей на протяжении более столетия составляли военнотруженики. Занятием горожан было садоводство, шелководство, виноделие, скорняжное и оружейное дело и другие ремесла.

В начале XIX века из Кизляра вывозилось до трех тысяч бочек виноградной водки, которую сбывали на Макарьевской и Ирбитской ярмарках, в Москве, Петербурге, Риге и других городах [16, с.448-450].

В середине XIX века в Кизляре насчитывалось двенадцать винокуренных заводов, одиннадцать салотопенных, четыре кирпичных и два кожевенных предприятия [7, с.284], кроме того, в городе работали ремесленники – кузнецы, слесари, медники, оружейники, кинжалщики, сапожники и др.

Если до середины 1860-х гг. на Северном Кавказе функционировали примитивные винокуренные заведения огневого типа, то в 1866-1867 гг. в Кизляре возникают новые паровые с ректификаторами виноградно-водочные предприятия, которые позволяли получать более дешевый и качественный виноградный спирт. К 1875 году в Кизляре уже не было ни одного действующего «огневого завода» [14, с.172].

В 1888 году в Кизляре предприниматель Д.З. Сараджев впервые в России начал производить коньяк [22, с.313]. В 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго кизлярскую «виноградную водку» наградили Бронзовой медалью и Почетным дипломом [9, с. 96]. Винокуренное производство получило свое развитие и в других городах Терской области, хотя Кизляр оставался крупнейшим центром производства «виноградной водки».

В 1860-х гг. во Владикавказе был пущен в строй Свято-Троицкий винокуренный завод компании Каргапова и Кейтрудова на кукурузном сырье. К 1883 году на заводе, который перешел в собственность предпринимателя Царакова, работало 200 рабочих [4, с.119].

В 1885 г. Д.З. Сараджев открыл во Владикавказе новый крупный хлебно-винокуренный завод, производивший кукурузную и ячменную водку [22, с.313].

В 1892 году винокуренных и водочных заводов в области было 92, из них в Кизлярском отделе (вместе с г. Кизляром) – 81, во Владикавказе – 4; в 1900 году из 108 винокуренных и водочных заводов 100 находилось в Кизлярском отделе и г. Кизляре, а 2 находилось во Владикавказе. В 1913 году из 60 винокуренных предприятий на Кизляр и Кизлярский округ приходилось 56, в том числе на Кизляр – 45 [18, с.87]. Кизляр оставался крупнейшим центром винокурения.

Коньяки фирмы Д.З. Сараджева были награждены золотыми медалями на выставках в Париже (в 1889 г. и 1900 г.), Чикаго (1893 г.), С.-Петербурге (1894 г.) и других городах [23, с.319].

В области производили не только вино, но и пиво. В 1913 году во Владикавказе было 4 пивоваренных завода, на каждом из которых работало 14 – 15 человек рабочих: это заводы «Надежда» И.И. Тертерова, «Звезда» З.Л. Кикнадзе, заводы Н.Г. Глебова и Ф.И. Прохаски. Два пивоваренных завода, находившихся в Грозном, были более крупными, чем владикавказские: на заводе, принадлежавшем Е.И. Бронке, было занято 18 рабочих, а на крупнейшем в области заводе «Вена» Товарищества пивоваренного завода – 43 рабочих. По 25 человек рабочих было на двух пивоваренных заводах Пятигорска – Г.Р. Лейцингера и В.Д. Стоман. Небольшими были и три пивоваренных завода в Моздоке (Ф.Н. Лауэр, С. Таубмана, Н.И. Томас), на них работало от 5 до 12 человек рабочих [27, с.294-322].

Большое значение для экономики Кизляра имело рыболовство и промышленная переработка рыбы. Кизлярские предприниматели одни из первых в России освоили производство рыбных консервов, которые были удостоены в 1893 г. бронзовой медали и почетного диплома на Всемирной выставке в Чикаго [14, с.190].

Вторым по значению и численности жителей был город Моздок. Наиболее развитой отраслью по переработке сырья в Моздоке была выделка сафьяна. В середине XIX века производство сафьяна приобрело товарный характер, продукцию отправляли на всероссийский рынок.

Переработкой сельскохозяйственного сырья занимались и в других городах области. В 1873 г. отставной есаул Прокопов устроил сыроварню близ Георгиевска. Тогда же в Баксанском ущелье был открыт сыроваренный завод Х. Урусбиева. В 1874 году на этом заводе было выработано до 400 пудов швейцарского сыра. Сыры заводов Урусбиева и Аглинцева из Пятигорского отдела были удостоены малых серебряных медалей на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 г. «Изготовление сыров, в том числе и швейцарских, имеет будущность и при более благоприятных условиях может иметь важное экономическое значение в крае», – писала газета «Терские ведомости» в 1889 г. [3, № 95].

В 1867 г. во Владикавказе начали работу винокуренно-пивоваренный и кожевенный заводы Корганова, к 1870 г. заработали маслобойный завод Федорова, канатно-веревочный завод Максимовой с сыновьями, хлопчатобумажные фабрики Петрова и Карелина, воскобойный

и медоспускательный завод Токарева, воскобелительный и свечной Алехина, мыльно-свечной Егунова, водочный – Шаура [9, с.110].

В 1874 г. во Владикавказе насчитывалось сто девяносто четыре промышленных предприятия, в том числе одиннадцать салотопенных, три скотобойных, два вытапливающих воск, десять свечных, четыре мыловаренных, шесть кожевенных, три канатных, пять водочных, два табачных, четыре маслобойных, пять хлопчатобумажных и др., на которых было занято 448 рабочих [9, с.111].

По данным всероссийского справочника, в 1880 г. во Владикавказе действовало три кожевенных, два свечных, два мыловаренных, один пивоваренный заводов [5, с.1186]; в Георгиевске – три кожевенно-дубильных, три свечных, два мыловаренных заводов. Из г. Кизляра в Россию вывозили фрукты, виноград, вино, кожи и шерсть.

Даже в годы кризиса и застоя возникали новые предприятия, например, в 1902 г. – картофельно-крахмальный завод И.Ю. Мацковского во Владикавказе, в 1904 г. – ватная фабрика Т.А. Токаревой (там же), в 1908 г. – пивоваренный завод «Звезда» З.Л. Кикнадзе [25, л.19].

Предприятия крупнейших предпринимателей, производивших муку и пшено, а также масло, находились в Пятигорском отделе. В 1913 году в Пятигорском отделе (вместе с городами Пятигорск, Георгиевск и Кисловодск) было произведено 45,2% всей продукции фабрик и заводов области, а крупнейший центр мукомольной продукции – Георгиевск – почти сравнялся по сумме производства с Владикавказом, далеко опережая другие города [15, с.87].

Наиболее крупными предприятиями Владикавказа, занимающимися переработкой сельхозпродукции в 1913 году были:

- табачная фабрика Б.С. Вахтангова;
- винокуренный завод Е.И. Сараджевой;
- макаронная фабрика А.С. Прохановой;
- крахмальный завод «Товарищество крахмального завода» [19, с.135-136].

Относительно крупными предприятиями, годовая стоимость продукции на каждом из которых превышала 100 тыс. руб., во Владикавказе, были:

- две мукомольные мельницы Я.О. Худякова;
- пивоваренный завод И.И. Тертерова;
- мукомольные мельницы Щербининых [20, с.131-146].

В 1869 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич предложил построить железную дорогу от Ростова-на-Дону до Владикавказа. Концессия на сооружение железной дороги была представлена

в 1872 г. акционерному обществу Ростово-Владикавказской дороги, основанному Р.В. Штейнгелем. Движение по новому пути было открыто 2 июля 1875 г. на всем протяжении от Ростова до Владикавказа, т.е. на расстоянии 652 версты [10, с.122].

Железная дорога оказала огромное влияние на экономическое развитие городов Терской области, способствуя вовлечению новых территорий во всероссийский рынок, развитию промышленности и предпринимательства, усилению влияния российского и зарубежного капитала.

Промышленный подъем 90-х гг. XIX в. затронул отделы, округа и города Терской области крайне неравномерно. В эти годы продукция «фабрик и заводов» быстрее всего росла в Грозненском округе и Грозном, Владикавказе, Моздоке, Кизлярском отделе.

Быстрое развитие Грозного связано с началом промышленной добычи нефти, что резко увеличило производство продукции строительного комплекса и обслуживающих нефтепромышленность отраслей. Владикавказ, будучи столицей области, был и ее крупнейшим городом, в котором быстрее всего развивались отрасли, обслуживающие местное население.

Первый крупный и современный для тех лет кирпично-черепичный завод барона Л.В. Штейнгеля и В.И. Грозмани в 1905 г. во Владикавказе дал половину всей продукции кирпичных заводов города вместе взятых. На заводе работало до 140 человек рабочих. Завод выпускал высококачественный кирпич и так называемую марсельскую черепицу, которые находили широкий сбыт по всей линии Владикавказской железной дороги вплоть до Баку. В городе появился и другой крупный кирпичный завод – Г.П. Петросова и Г.Д. Симонова. Производительность этого завода перед войной составила почти 4 млн. штук кирпича [26, л. 27].

Первый кирпично-черепичный завод в Грозном был открыт в 1891 г. В 1900 году в городе было 6 таких заводов, в 1913 году – 8 [12, с.97; с.87].

Ведущим производителем кирпича и черепицы в Грозном был С.М. Хангельдиев. Из 8 заводов города в 1913 году четыре принадлежали ему, на них работало 221 человек – больше, чем на двух крупнейших кирпично-черепичных заводах Владикавказа [27, с.308]. Качество кирпича и черепицы, производимых на заводах Хангельдиева, было высоким, о чем свидетельствует тот факт, что в 1910 году С.М. Хангельдиев получил на выставке в Марселе золотую медаль за свой кирпич и черепицу [21, № 206].

Крупнейшим промышленным центром области в начале XX века был Владикавказ. В 1904 г. на Владикавказ пришлось более 70% фабрично-заводской продукции (без нефтяной, горнорудной и железнодорожных мастерских) терских городов и более 40% промышленной продукции всей области [13, с.111].

Во Владикавказе уже тогда были довольно крупные по масштабам области предприятия в традиционных отраслях. Так, Справочная книга «Вся Россия» на 1902 г. выделяла во Владикавказе такие наиболее крупные предприятия (по данным на 1900 год):

– кирпично-черепичный и алебастровый завод барона Л.В. Штейнгеля (160 рабочих);

– мебельная фабрика А.Ф. Крейчи (25 рабочих);

– типо-литография В.П. Просвирина (25 рабочих) [2, с.2627-2629].

Из предприятий Грозного всероссийский справочник называет: чугунно-литейный завод Д.М. Фаниева (65 рабочих), механический М.И. Хохлова (40 рабочих), а также нефтеперерабатывающий завод «Успех» искусственной минеральной воды М.Ф. Дыдышко и П.М. Онанова [2, с.2631-2632].

Другой отраслью строительного комплекса, получившей развитие в области, было лесопильное производство. Так, крупный лесопильный завод был основан в 1914 г. во Владикавказе предпринимателем Г.О. Воробьевым [24, с.607].

Промышленное предпринимательство часто выросло из торгового, причем торговая деятельность не бросалась. Так, в Пятигорске торговый дом Лейзеровича перед войной пустил городской трамвай, организовал производство колесной мази, при этом продолжал торговлю различными товарами: железно-скобяными, кожевенными, нефтяными, обувными. В Кизляре, занимавшийся мануфактурной торговлей, торговый дом Топчиевых имел винокуренный и ректификационный завод. В Моздоке торговавший зерном Т.С. Кондратьев построил просорушку и мельницу [33, с.135].

В первые десятилетия пореформенного периода гораздо быстрее росло торговое предпринимательство горских народов. Развитие промышленного предпринимательства в пореформенный период характеризовалось широким распространением раннекапиталистических форм производства – ремесленных мастерских, мануфактуры.

На рубеже XIX–XX вв. предпринимательский класс активно пополнялся за счет представителей местных народов. Среди местных предпринимателей преобладали хозяева мелких и средних предприя-

тий. Однако были и отдельные исключения, особенно в нефтяной промышленности. Яркий пример тому – Тапа Чермоев, основавший в 1912 году предприятие «Алдынская нефть», в 1914 г. была основана фирма «Старо-Юртовская нефть», учредителями которой были другие чеченские предприниматели – Башировы, Бадыевы, Батукаевы, Мирзоевы и Шаптукаевы. Появились местные предприниматели и в горнорудной промышленности: Б. Кануков, Абисаловы, А. и Б. Тугановы.

Значение городов как экономических центров с каждым годом возрастало. Города Терской области были связаны с внутренней и внешней торговлей России, чему способствовала железная дорога. Расширялась ярмарочная торговля, увеличивался ассортимент привозимых на ярмарки товаров и сбыт местных изделий на общероссийских ярмарках. Предпринимательская деятельность способствовала развитию инфраструктуры городов, внедрению в производство современных технологий, оказала определяющее влияние на экономическое развитие Терской области.

Список использованной литературы

1. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. (социально-экономическое развитие в 80-х гг. XIX-30-е гг. XX в.). Махачкала. 1996. 228 с.
2. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской Империи. 1902. СПб., 1902. 228 с.
3. Газ. Терские ведомости. 1889, № 95.
4. Джанаев А.К. К истории формирования рабочего класса в Северной Осетии (материалы для исследования) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т.19. С.115-135.
5. Дубле Е.О. Всеобщая статистика России. Сборник 500 000 адресов. М.: Е. Дубле, 1878-1880. Год 3. 1880, 129 с.
6. История Владикавказа (1781–1990 гг.). Сб. док. и мат-лов. / Сост. М.Д. Бетоева, Л.Д. Бирюкова. Владикавказ: Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея», 1991. 1014 с.
7. Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852. 776 с.
8. Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т. 4. Вып. 1. Грозный, 1964.
9. Ларина В.И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во второй половине XIX века и его влияние на окружающее

горское население // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXI. Вып. 1. Орджоникидзе, 1958.

10. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров. Т. II. СПб., 1902. 355 с.

11. Ортабаев Б.Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX – начале XX вв. Орджоникидзе: Книжная типография Управления по делам изд-в, полиграфии и книж. торговли, 1978. 84 с.

12. Отчет Начальника Терской области за 1913 г. Владикавказ, 1914. 103 с.

13. Отчет Начальника Терской области за 1903 г. Владикавказ, 1904. 124 с.

14. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. (1861-1900 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 201 с.

15. Рассчитано по: Отчет начальника Терской области... за 1913 год.

16. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Императорская типография, 1809. 527 с.

17. Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год. Вып. 1. СПб., 1858. 330 с.

18. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Т. XXVI. 351 с.

19. Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1915. 407 с.

20. Терский календарь на 1914 год. Владикавказ, 1914. 187 с.

21. Терский край. 1910. № 206.

22. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. Т.2. СПб., 1905. 1808 с.

23. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. Под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. Т.1. СПб., 1905. 1808 с.

24. Указатель действующих в России торгово-промышленных предприятий. Вып. XI-XII. Вязники, 1925. 501 с.

25. ЦГА РСО-А. Ф. 46. Оп. 1. Д. 34. Л. 19

26. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 161. Л. 27.

27. Шапсович М.С. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку, 1914. 388 с.

Плисс Т.В.
студентка 1 курса,
Рязанский колледж культуры (г. Рязань)

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ОДЕЖДЫ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Аннотация: *Рассмотрены изменения в форме одежды терских казаков, которая только к началу XX века приобрела упорядоченный вид согласно приказам Военного ведомства.*

Ключевые слова: *форма, гимнастерка, фуражка, казаки, черкеска, война, плетъ, украшения.*

Основным отличием обмундирования терских и кубанских казаков от других казачьих войск России было то, что только два этих войска носили форму кавказского образца без лампасов: черкеску с бешметом присвоенного войску цвета, папаху бурку и т.д. [1,с.13]

Формы одежды Терских казаков неоднократно изменялись в истории казачества, но к началу XX века они приняли более или менее упорядоченный вид, что явилось результатом многочисленных приказов по Военному ведомству и по Главному управлению казачьих войск.

В ходе первой мировой войны [2,с.27]цвет черкески менялся в сторону защитных оттенков: она могла быть коричневой, коричнево-серой /табачного цвета/, сине-серой и даже цвета хаки. На черкеске полагалось иметь, согласно циркуляру Главного штаба № 223 от 1896 г. газыри из серебра /белого металла/, хотя допускалось ношение газырей и из других металлов, из белой кости, с разнообразной гравировкой или без нее. Количество газырей на одной стороне груди доходило до 9, но только в нечетном исчислении. Газыри никакими галунами и т.п. не обшивались. Галунные украшения были в форме одежды Конвоя императора. Разреза сзади черкеска не имела. Как и не имела цветных окантовок и обшлагов.

Бешмет мог иметь нагрудные карманы. Шаровары офицеров и нижних чинов представляли собой прямые брюки, заправляемые в сапоги. Брюки никогда не носились на выпуск, как не носилось и галифе. Папаха согласно приказу ВВ № 380 от 1871г. была черной из смушки или мерлушки /шкура ягненка/ высотой от 15 до 25 см. Носились и так называемые «трухменки» – мохнатые папахи туркменского образца, принятые в Сибирском и Оренбургском войсках. Выпуклое, выступающее несколько выше меха верха папахи донце, было из светло-голубого сукна с крестообразно пришитой серебряной или белой лентой,

которая проходила и по окружности папахи. Кокарда носилась по центру передней части папахи, или не носилась вовсе если казак находился на льготе

Офицерская кокарда имела наружный гофрированный овал. Цвета кокарды были общевойсковыми для всех родов войск. Во время первой мировой войны кокарды могли закрашиваться в защитный цвет. Фуражка первоначально относилась только к офицерскому обмундированию и имела общевойсковой покррой, но с голубым околышем и голубым кантом на тулье. Тулья была не широкой, в отличие от современных армейских фуражек. Носилась первоначально без подбородочного ремешка, который появился лишь перед мировой войной. Плетеных ремешков казаки никогда не носили, так как парадным головным убором являлась папаха. На молебне фуражку держали в свободно опущенной левой руке кокардой вперед, тульей от себя за верхний край тульи. В годы первой мировой и гражданской войны офицеры имели право носить обмундирование общearмейского образца, полевого фасона. Однако нижние чины носили и дальше шаровары, а не галифе или бриджи, а офицеры – брюки суженки, т.е. зауженные бриджи полевого покроя. Казаки-терцы гимнастёрку черного или защитного цвета никогда галунами и выпушками не украшали.

Гимнастерка имела стоячий воротник высотой 44 мм с двумя пуговицами на нем и двумя или тремя на планке. Застегивалась или справа налево, или слева на право. Нагрудные карманы были прорезные или накладные с одной пуговицей на клапане. Две пуговицы на клапане имели грузинские рубашки. В годы мировой и гражданской войны офицеры часто носили френчи или кители со стоячим или отложным воротником. На отложном воротнике носились петлицы с серебряной окантовкой и погонной пуговицей в верхней части петлицы. Казачья шинель была серой и по покрою схожей с современной армейской. Пуговицы серебряные с орлом, на разрезе сзади пять пуговиц гимнастёрочного размера. Пуговицы с орлом были серебряными /белыми/, согласно Пр.ВВ № 518 от 1904 г. золотые пуговицы в казачьих войсках не носились. В военных условиях пуговицы могли быть защитного цвета. Погоны офицерские были серебряные, как и во всех казачьих войсках, но терцы имели голубые просветы и голубой подбой. Звездочки на погонах были золотые одинакового размера для всех офицеров от хорунжего до генерала, но больше размером, чем в современной армии у младшего офицерского состава. Погонная пуговица была около 18мм в диаметре. На полевой форме носились погоны защитного цвета с голубыми просветами, но можно было носить и с просветами

из желтой шелковой тесьмы. Последней оформлялись и «зигзаги» на погонах генералов. Полевые звездочки могли быть защитного цвета. Казачьи войска никаких эмблем не носили, как и не носили никаких орлов и т.п. В 1914 г. были отменены носившиеся ранее на погонах номера и шифры полков, сотен, батарей и т.п. Шифрами Волжских полков были Вг 1, Вг 2, Вг 3. Погоны на шинелях были пришитыми, на черкесках и гимнастёрках пристяжными. Ни до первой мировой войны, ни во время гражданской, казаки-терцы трехцветных треугольников на рукавах не носили, т.к. последние были отличительным знаком Добровольческой армии генерала Деникина, в которую терцы никогда не входили.

Нижние чины плечевых ремней не носили. Шашка носилась в этом случае на узком плечевом ремне, утвержденном приказом по ВВ. Офицеры и нижние чины могли носить шашку и на кавказском поясе, имевшем узкие ремешки с креплениями для шашки. При ношении офицером шашки на плечевом ремне вне строя, поясной ремень мог и не надеваться. Только к походной караульной форме одежды относился башлык из голубого сукна, обшитый накрест от лобовой части белой тесьмой, При отсутствии зимней формы одежды башлык не надевался. Существовали определённые /неписанные/ правила ношения и заправки концов башлыка старослужащими и молодыми казаками. Бурки черного цвета носились казаками как во время службы, так и при нахождении на льготе, но преимущественно в соответствующее времени года состояние погоды. Деталью формы одежды терского казака являлся утвержденный в 1912 году нагрудный знак Терского войска. Все без исключения казачьи войска получили в этом году нагрудные знаки, которые носились на всех видах формы на левой стороне груди ниже государственных и других наград, под карманом гимнастерки или же под газырями, Учрежденный 18.2.1912 г. этот знак приурочивался к трехсотлетнему юбилею войска. состоял из изображения орла, герба Терской области, Кавказского креста и казачьей атрибутики в виде булавы и шашки. Указан год основания войска 1557.

Принадлежностью казачьей формы были и темляки на шашках. Офицерский темляк состоял из черной ленты с прошитыми серебром краями и серебряной кистью с желудем. Плетка имела деревянную рукоять с петлей для ношения на кисти руки или на эфесе шашки. За голенищем сапога казак плетку не носил. Рисунок плетки терского казака, именуемый в Приказе ВВ «плеткой горского казака» отличался от рисунка плетки «степового казака». Чертежи плетки со всеми раз-

мерами имеются в приложении к приказу ВВ о казачьем конском снаряжении. Холодное оружие терского казака состояло из шашки и кинжала. Это требование сохранялось с периода Кавказской войны до начала XX века [3,с.181].

До 1904 г. оружие это было произвольных образцов. С этого же года были приняты на вооружение шашки и кинжалы ККВ- Кавказского казачьего войска [4,с.18]. Изготавливались в Златоусте, имели клеймо ККВ и год выпуска. С 1913 г. разрешено было императором пользоваться любым, даже «дедовским» холодным оружием.

Список использованной литературы

1.Иноземцева Е.И. Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции низового корпуса императорских войск в Юго-Западном Прикаспии (1722-1735 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. №2 (46). С. 13-19.

2. Кидирниязов Д.С. Дагестан и народы Северного Кавказа в системе политических взаимосвязей в первой трети XVIIIв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 27-35.

3.Garunova N.N. Contentious aspects of the term "Caucasian war" in the works of the north caucasian historians // Life Science Journal. 2014. T. 11. № 11s. С.171-177.

4.Гарунова Н.Н. История города Кизляр: XVI – середина XIX. – Махачкала,1998. – 80с.

Сулейманов Н.

Профессор кафедры «Гуманитарные предметы», д.ист. н.
Азербайджанский Государственный
Экономический Университет.

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Для международных отношений XVIII века было характерно острое соперничество между великими державами. Одним из регионов, входившим в сферу геополитических интересов России, Англии, Франции и Османской империи, был Кавказ, что стало причиной острых противоречий между этими государствами. Военное, политическое и экономическое ослабление Османского и Сефевидского госу-

дарств также способствовали возрастанию интереса и усилению позиций западно-европейских государств и России в данном регионе. Экономическое развитие европейских государств и Российской империи, начиная с XVIII в., все больше стало придавать значение торгово-экономическим связям с Южным Кавказом.

Внимание России привлекали природные богатства Южного Кавказа, разнообразные сырьевые ресурсы и выгодное стратегическое положение. Еще в XVI веке, с захватом Казани и Астрахани Россией, были созданы условия для установления контроля этого государства над Волжско-Каспийским торговым путем. Целью России было посредством Волжско-Каспийского пути приблизить к себе торговый путь, идущий в Индию, и направить по нему всю торговлю с Ираном, Турцией и другими восточными странами, обеспечив тем самым России посредническую роль в восточной торговле в целом. Кроме того, Россия добивалась доступа к сырьевым запасам Азербайджана, Кавказа, особенно шелку-сырцу, красителям и стремилась превратиться в основного их производителя и продавца [1].

В результате проведенных Петром I реформ, Россия преодолела экономическое отставание от европейских государств. Развитие русской промышленности привело к росту потребностей в сырье и рынках сбыта. Россия также проявляла особый интерес к Каспийскому морю и, для превращения его во внутреннее, строила захватнические планы [2].

Петр I, с целью изучения торгового пути через Каспийское море в Индию и экономического потенциала Прикаспийских областей, отправил в 1695-1706 гг. туда миссию во главе с Семеном Маленковым, которая побывала в некоторых землях Прикаспия и Шемахе. Однако внезапная смерть Маленкова свела на нет это мероприятие. Отправленные в 1700 году в Каспийское море во несколько кораблей главе с Мейером не были допущены сефевидскими правящими кругами до находящихся под их контролем пристаней [3].

Упадок Сефевидского государства в начале XVIII века оказал влияние на политическое положение на Кавказе. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Османское государство начало предпринимать шаги для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. Сефевидский шах Султан Гусейн, с целью получения помощи от Российского государства, в 1713 году направил в Петербург Фазлулла бека для заключения «Договора о дружбе и торговле». В это время Петр I терпит поражение в войне, которую он вел с целью выхода к Черному морю с османами, и переключает свое внимание на укрепление русских позиций на Каспийском море.

Однако европейские государства, в особенности Англия, не желали присутствия России в бассейне Каспийского моря. С этой целью Англия всячески подталкивала Османское государство на завоевание Кавказа, запугивая его окончательным захватом этого региона русскими. Не случайно, в начале XVIII века османский двор превратился в главное место антирусской пропаганды английской агентуры. [4] Англия всеми способами старалась не допустить продвижения России на Кавказе. Так, в начале XVIII века в постоянных нападениях османов на Северный Кавказ и Кабарду большую роль играла английская дипломатия.

Петр I принимал решительные меры для усиления России на Кавказе и противодействия Османскому государству в его стремлении добиться своего превосходства в этом регионе. Он дал распоряжение Сенату держать под контролем кавказские народы, использовать все средства для привлечения их на сторону России и не допустить соединения с османскими военными силами [5].

Однако войны со Швецией и османами в начале XVIII века дипломатическая поддержка османов Англией и Францией против кавказской политики России не позволяли ей вести военные действия на Кавказском направлении. Поэтому Петр I стал использовать методы разведывательного характера. Результатом отправленных на Кавказ русскими в 1716 и 1718 годах экспедиций Никиты Кожина и Саймонова стало создание больших карт и специального атласа Каспийского побережья [6].

Главной задачей посланного в Сефевидское государство в 1716 году Артемия Волынского было изучение западного побережья Каспия при условии налаживания торговых связей с сефевидами и прохождения через территорию Ширвана. Он также должен был определить торговый потенциал Азербайджана и собрать сведения о шелковой торговле, открыть в некоторых городах Сефевидского государства, главное в Шемахе, консульства, изучить внутривосточное положение страны и ее военные возможности. Он также должен был собрать сведения о дорогах Азербайджана, населении, его занятиях и производствах, водных источниках и полезных ископаемых [7].

В 1718 году А.Волынский подписал с сефевидами выгодное торговое соглашение. Учитывая торговые интересы России на Кавказе, он настаивал на открытии русского консульства в Шемахе. Однако этой цели он достичь не смог. Наконец, ему удалось получить согласие на открытие консульства в Исфахане и вице консульства в Шемахе. Назначение в Шемаху вице консулом военного человека – Баскакова, и

посылка туда специалистов по геодезии больше преследовало политические, нежели экономические цели [8].

А.Волынский также имел секретное предписание отметить границы Прикаспийских областей Сефевидского государства, выявить наличие дорог для движения войск, состояние сефевидской армии и крепостей [9].

После возвращения в Россию в своем рапорте императору Волынский писал о тяжелом положении Сефевидского государства, неподчинении местных правителей центральной власти, восстаниях в стране и нежелании населения платить налоги и предложил Петру I незамедлительно начать военный поход для захвата Прикаспия. По его мнению, из-за раздела Сефевидской империи Россия «малыми силами могла большую часть ее приобрести» [10].

Главной задачей, посланной в 1720 году под руководством офицеров русской армии Д.Вердена и Ф.Саймонова к Прикаспийским территориям экспедиции, было создание карты этих территорий и присылка подробного отчета об их состоянии.

В 20-ые годы XVIII века Сефевидская империя переживала самый тяжелый период своей истории. После победного завершения войны со шведами Петр I ускорил подготовительные работы для движения в направлении Южного Кавказа.

Захват Гаджи Давудом, который воспользовался ослаблением центральной власти в Сефевидском государстве, вместе с Сурхай ханом Казикумухским и уцмием Гайтакским Шемахи в августе 1721 года. Его желание захватить весь Ширван и Дербент и создать независимое государство, переговоры между османским правителем султаном Ахмедом и Гаджи Давудом планы османов по захвату Южного Кавказа, осада в марте 1722 года афганскими мятежниками столицы Сефевидского государства Исфахана после разгрома шахских войск очень беспокоили русское правительство. Петр I писал русскому консулу в Иране С.Абрамову, что «мы обязательно должны стать хозяевами морских побережий, и не можем пустить сюда турок» [12].

18 июля 1722 года Петр I вместе с флотом из 274 кораблей (на кораблях было 5 тыс. моряков и 22 тыс. пехоты) и сухопутными войсками, вместе составляющими военные силы в 106 тыс. человек, начал поход на Прикаспийские территории. В Манифесте, составленном на русском, персидском и азербайджанском тюркском языках, и сефевидскому двору Петр заявил, что пришел в Прикаспийские земли не для войны с сефевидами, а для наказания бунтовщиков во главе с Гаджи Давудом и отщепенцев за разграбленных и убитых ими русских купцов.

Не будучи сторонником оказания сопротивления русским, наступающим в направлении Дербента, Имамгулу бек 23 августа 1722 года преподнес императору ключи от Дербентской крепости. Таким образом, Дербент был захвачен без сопротивления [13].

Крушение русских кораблей с провиантом, плывущих для взятия Баку, обострение русско-османских отношений по кавказскому вопросу, опасность новой войны со Швецией стали причинами отступления Петра I к Астрахани и возвращения в Петербург. Однако император отдал приказ генералу Матюшкину продолжить поход. В 1723 году русские войска подошли к Решту. 12 июля 1723 года был захвачен Баку. Согласно подписанному 12 сентября 1723 года послом Тахмасиба II Исмаил беком договору с Россией, Прикаспийские области перешли к ней. Однако недовольный условиями договора шах Тахмасиб II отказался утвердить его [14].

Для того, чтобы остановить движение русских на другие территории Азербайджана, в октябре 1723 года османские войска начали наступление в направлении Гянджи и Ширвана и захватили Шемаху. Россия избегала военного конфликта с османами. Поэтому в декабре 1723 года через посла Наполеона османам было предложено заключить договор, при условии сохранения за каждой стороной завоеванных ими территорий. Предложение османов, что только занятые русскими гарнизонами территории могут стать предметом переговоров, не было принято. Однако русское правительство было сторонником продолжения Неплюевым переговоров и обмена мнениями с османами при посреднической помощи посла Франции в Стамбуле Бонака [15].

Одновременно Россия вела переговоры с кавказскими правителями, стараясь перетянуть их на свою сторону. В это время большое количество казаков и их семей было переселено на земли вокруг шамхальства Тарковского. Россия начала укрепляться на оккупированных Прикаспийских землях [16].

Наконец, 12 июня 1724 года между Россией и Османским государством был подписан Стамбульский договор. Этим договором были определены сферы влияния каждого из этих государств на Кавказе. Азербайджан, включая Иреван, и вся Грузия отошли к османам, а Прикаспийские области были объявлены сферой влияния России [17].

После смерти Петра I произошли изменения в кавказской политике России. Эти изменения были связаны с ослаблением интересов России к Прикаспийским областям, большими затратами на содержание здесь войск, распространением инфекционных заболеваний среди

солдат из-за неблагоприятного климата, обострением русско-османских противоречий вокруг Кабарды, усилением европейского уклона во внешнеполитическом курсе России, поддержкой Англией и Францией османских походов на Кавказ, укреплении центральной власти в Сефевидском государстве и успехами в деле возвращения потерянных земель.

Согласно заключенным между Россией и Сефевидами 21 января 1732 года Рештскому и 21 марта 1735 года Гянджинскому договорам Россия вынуждена была покинуть Прикаспийские области, включая Дербент. Таким образом, в последние годы правления сефевидской династии, в результате выдающейся полководческой и дипломатической деятельности Надир хана, завоеванные Россией Дербент и Прикаспийские области, были освобождены.

Список использованной литературы

1. Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.Н.Волынского в Азербайджан. Баку: «Элм», 1979, С.11-12.
2. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. Баку: «Элм», 1985, С.44.
3. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723. Москва: «Издательство МГУ», 1951, С.81.
4. Гезалова Н.Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII века (на основе сведений англоязычных источников и историографии). Баку-Москва, 2010, С.39-40.
5. Лысцов В.П. Указ.соч., С.109.
6. Дарабади П.Г., Алиев Н.А. Геополитическое соперничество в Каспийском регионе и Азербайджан (с древнейших времен до конца XX века). Баку, АВВМУ, 2001, С.147.
7. Əliyev F.M. XVIII əsrin birinci yarısında Şimali Azərbaycanın ticarət. Bakı: “Azərbaycan SSR EA nəşriyyatı”, 1964, С. 59-60.
8. Там же, С.16-18.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.ХVIII. Москва: «Наука», 1969, С.366.
10. Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. Москва, 1868, книга 3-я, С.167.
11. The Cambridge history of Iran/ From Nadir Shah to the Islamic Republic (edited by Peter Avery) Volume 7, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp.XXIII, 1072, 90 pictures, p.378.
12. Azərbaycan tarixi. 7 cildə, III cild, Bakı: «Elm», 1999, С.358-359.

13. Azərbaycan tarixi. Dərslük, Bakı: “Bakı Universiteti” nəşriyyatı, 2014, С.146.

14. Там же, С.361-362.

15. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис. Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899, С.66.

16. Туманский Ф. Описание похода Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям. Российский магазин, часть 3. СПб, 1793, С.141.

17. Azərbaycan tarixi. Dərslük, s.148.

Мамедов А.Ф.,

доктор философии по истории,
ведущий научный сотрудник Института Истории имени А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В 1921-1923 гг.

Ключевые слова: *Азербайджан, бой, Красная армия, Советская власть, регион, восстание.*

Key words: *Azerbaijan, battle, the Red Army, Soviet authority, region, uprising.*

Осуществляемые Советской властью мероприятия стали причиной роста напряженности, недовольства населения в регионах Азербайджана. Эти недовольства, охватывавшие все регионы Азербайджана, проявлялись в разных формах, иногда в виде массовых выступлений, а также стихийной борьбы отдельных людей и групп против органов власти.

В первые годы Советской власти население Джавадского уезда, отчаявшееся от беспредела большевиков и частей Красной армии, начинает бунтовать. Одной из причин справедливого недовольства населения было наличие армян в составе частей Красной армии [8, 6]. Охрана железнодорожной станции Гаджигабул была полностью сформирована из армян. В жалобе населения Гаджигабульского участка указывалось о грубом обращении армянских солдат с мусульманским населением, об их несанкционированных обысках в домах [9, 188].

Грабеж и погромы со стороны солдат, отправленных после убийства двух красноармейцев жителями пункта Гарадонлув села Молдай и Верхний Отузики с целью ареста виновных, становятся причиной начала волнений. Солдаты, не найдя убийц, разграбили село Молдай, арестовывая всех, кто попадался им на глаза, и возвратились в село Петропавловка, где концентрировались силы красных. Взволновавшееся население села, покинув свои дома, отошло в село Галагайын, где собрались повстанческие силы. Первого июня в бою между повстанцами и группировкой, направленной в село Галагайын командиром дислоцировавшегося в Петропавловке полка Смирновым, были убиты 5 красных солдат, остальные были вынуждены отступить в Петропавловку [3, 3 арха].

Во время боев, происходивших 2-3 июня в селе Галагайын, оно несколько раз переходило из рук в руки. Наконец, не смотря на вытеснение ценой больших потерь повстанцев во главе с Сарыхан Ширванлы, его население покинуло село вместе с повстанцами. Направленный в связи с событиями по указанию Н. Нариманова в село Галагайын Алиев информировал, что около 200 трупов осталось на улице после боя и село полностью разрушено [2, 66].

В оперативном сообщении от 20 сентября 1920 года говорилось, что в результате объединения жителей 7 сел вокруг Сарыхан Ширванлы число повстанцев дошло до 4 тысяч, готовящихся перейти в наступление на красные части в населенном пункте Мугань [5, 21]. Повстанцы, вынужденные отступать перед превосходящими красными частями, сдавали свои позиции. Через некоторое время с переходом Сарыхан Ширванлы с несколько сотен человек по ту сторону Араза, волна восстаний в регионе начинает спадать. Лишь после убийства Сарыхана Ширванлы на территории Ирана в начале января 1921 года удастся временно стабилизировать ситуацию в уезде [2, 68].

Губинское восстание, охватившее Гусарский, Девечинский и Хачмазский населенные пункты уезда, начинается с событий в Кузуне 25 августа 1920 года. В этот день начальник Гусарской милиции, арестовавший 2 кузунцов, на обратном пути в Гусар, попадает в окружение кузунцов. Узнав о начавшейся перестрелке между сторонами, председатель Гусарского Ревкома Аббасов срочно высылает отряд из 28 солдат 4-го Кавказского полка на место происшествия. В то же время другой отряд во главе с Назаровым, направленный для ареста нескольких кузунлунцев, также подвергся окружению со стороны вооруженных кузунлунцев. На помощь был отправлен отряд во главе с начальником гарнизона Ризиним. Оба отряда были окружены около

200 вооруженными кузунлунцами. В произошедшем бою погибли 22 красноармейца вместе с командиром Терентьевым и ранены пятеро и один сотрудник милиции [10, 43]. Двое из повстанцев попали в плен, один из них решением военного совета был расстрелян в Гусаре, а другой был отправлен в Губу. Кроме этого, еще 2 жителя села Кузун, 2 проводника и помощник начальника милиции населенного пункта Хазра были арестованы в качестве подозреваемых [4, 2 арха]. Остатки красных частей, разгромленных повстанцами, не решаясь организовать очередную атаку, решили дожидаться в Губе дополнительных сил.

4 сентября начинается широкомасштабная операция против кузунских повстанцев. Красные части, усиленные дополнительными силами, занимают позицию в селе Аных. 5 сентября утром в село Кузун были отправлены представители с требованием сдаться и сдать оружия. Когда представители не вернулись обратно своевременно, село Кузун было подвергнуто обстрелу из пулеметов. К полудню красные частивошлив село, покинутое повстанцами. Дома около 15 повстанцев были сожжены дотла [10, 47]. Завершив 8 сентября операцию в Кузуне, красные частис захваченными пленными возвратились к вечеру в Гусар. Шестеро из пленных были расстреляны в Гусаре. Председатель Гусарского Революционного Комитета Аббасов в письме в центр предлагал во избежание повторения восстания вместе с образованием вооруженных отрядов из местного населения переселение неприсоединившихся к восстанию мирных жителей на зимние пастбища Мюшкурского участка и уничтожение селения Кузун до основания [11, 76 арха].

Попытка правительства арестовать бывшего члена парламента Азербайджана, бывшего влиятельным лицом в регионе, Хамдуллу Эфенди, привела к восстанию в Девечи. Вожди Девечинского восстания Хамдулла Эфенди, качаг Маил и Алибек Зизикли, обратившись к населению уезда, призывали их к борьбе “для спасения веры и религии, единства Ислама.” В ответ на этот призыв восстали также жители селений Чичи, Сюгат, Захрамли, Зейвы, Пирабадила и других деревень региона. Отход повстанцев, потерявших до 500 человек в решающем сражении между сторонами после прихода из Баку дополнительных сил, позволяет красным частям захватить деревню. Раненый Хамдулла Эфенди уходит в горы вместе с остатками своего отряда [11, 45]. В телеграмме от 11 сентября 1920 г., посланной Чрезвычайным комиссаром Губинского уезда Мусабековым и уполномоченным Военного совета 11-й армии Хамзой Н. Нариманову говорилось: “Отряд дивичинского Хамдуллы Эфэнди разгромлен.

Наши части захватили все важные пункты и в результате обстрела снарядами в деревне начался пожар. Деревни Гяндов, Лейти, Билиджи и Ляджат в огне. Вчера вечером мы захватили деревни Захрамли, Пирабадил, Зейва и Чичи. Захваченные деревни совершенно пусты, в этих деревнях никого нет» [11, 51]. Несмотря на сообщения о подавлении восстания, Хамдулла Эфенди, прятаящийся в горах, продолжал вести борьбу в течении длительного времени.

Впервые месяцы Советской власти в южном регионе Азербайджана, в Лянкеранском уезде, произошли волнения под руководством Хусейна Рамазана, Шахверена, Гулама Тагиева и турецкого полковника Джамал бека. Ичаринский Гулам Тагиев смог создать достаточно сильную группу из своих родственников Исрафилбека Ахмедбекова, Гавали-бека и недовольных Советской властью [12, 98]. (Шахверен, бывший в начальный период Советов помощником начальником второго участка пункта Зуванд Лянкяранского уезда, убив комиссара милиции Козлова, хотевшего арестовать его как бывшего офицера Национальной армии Азербайджана, ушел в горы вместе со своим братом Ашрафом и начал борьбу [12, 34]. Хусейн Рамазан, являвшийся помощником губернатора иранской Астары, со своим отрядом также вел борьбу против Советской власти в уезде [1, 2]. Арестованный после апрельского переворота Джамал-бек, сбежав из тюрьмы в конце июля, приезжает в Ленкоранский уезд и, связавшись с Шахвераном, начинает борьбу [12, 111]. Эти группы, действовавшие первое время несогласованно, смогли за короткий срок наладить связь и начать действия по плану.

В Ленкоранском уезде образовалось своеобразное двоевластие. В письме, отправленном в Управление Внутренних Дел от 22 июля 1920 года, говорилось по этому поводу: “В настоящее время в уезде идет сражение между двумя враждебными группировками. Одну из этих групп возглавляет Шахверен, а другую группу – сторонников советского правительства – Хорандли Ширали и Атаман Мамедов. Силы этих групп неравны, преимущество на стороне Шахверана.” [1, 3].

Побег Джамал-пашив конце июля 1920 года из тюрьмы к повстанцам ускорил формирование повстанческих групп. После того, как объединенные повстанческие силы, захватив Астару и Шахагач, приблизились к Лянкярану, красные части покинули город и направились к острову Сары в заливе Кызылагач.

Объединенные силы генерала Салимова, Наджафгулу-хана, Гусейнали-хана и Асад-хана Талышинского в августе-сентябре 1920 года стали представлять угрозу для Советской власти в Лянкяране. 24 августа, продвинувшись вперед, они встали в 15-20 километрах от города. Председатель Лянкяранского уездного военно-революционного комитета Б. Егоров в своем письме в Баку писал, что ситуация крайне серьезная, и, что в уезд должны быть направлены дополнительные силы [14, 49].

В начале сентября между сторонами происходили сражения за деревни Ховузбулак, Агдаш и ГойтепеII, а русский гарнизон, расположившийся в селе Эшшекчи, был разгромлен. Часть красноармейцев была убита, попала в плен, пропала без вести и очень немногие из них смогли вернуться в село Привольное, где находились основные силы. Переходившие по несколько раз из рук в руки Ховузбулак и Агдашкандар были полностью уничтожены [12, 98].

По оперативной информации на начало октября 1920 года в распоряжении у Шахверана, долгое время сражавшегося в Зуванде, находилось 500 вооруженных людей [12, 116]. Хотя ленкоранские повстанцы смогли сохранить массовость борьбы против правительственных сил до начала 1921 года, постановление Азербайджанского Революционного Комитета о помиловании добровольно сдавшихся в срок до 5 апреля привело к затуханию восстания. Так, Гулам Тагиев, глава повстанцев, начал переговоры с властями. А Хусейн Рамазан в марте 1921 года вместе со своими близкими соратниками перешел к мирной жизни [13, 88]. Шахверен, перебравшийся в Иран, продолжал некоторое время оказывать сопротивление, но позже был убит.

В исследуемое время одним из центров восстания против большевиков в Азербайджане являлся Гейчайский уезд. Во главе Гейчайского восстания, которое начиналось с небольших столкновений, вместе с местными влиятельными людьми, стояли и турецкие офицеры, которые были тесно вовлечены в подготовку мятежа. Повстанцы, свергнув Советскую власть в селах Истису, Чайковушан, Гулельдарбей, Мамедоглу, Топчу и других, создавали в них новые руководящие органы, назначая старшин, приставов и сотников. Местные коммунисты же спаслись бегством. Власти, обеспокоенные слухами о том, что около 3000 человек из Дагестана пришли на помощь повстанцам, стали вооружать также население русских сел округе, чтобы предотвратить развитие восстания [4, 38]. После введения дополнительных воинских сил восстание было подавлено.

В дополнение к трудностям, создаваемым большевистской оккупацией, нападения дашнаков со стороны Зангезура также явились причиной волнений против Советской власти в Джабраило-Зангиланском регионе. В отчете председателя исполкома Губадлинского уезда от 23 мая 1921 года говорилось об этом: “Ситуация в уезде ухудшается с каждым днем. Самую же серьезную угрозу составляют дашнаки. Местные власти не в силах бороться с ними. Большинство советских служащих здесь люди подозрительные. Если своевременно не будет оказана помощь, в уезде начнется произвол.” [6, 12].

В Джабраил-Зангиланском районе повстанческие группировки возглавляли Бахлул Эфенди Хаджи Мустафа Эфенди оглу, Гасим Чалаби, бывший начальник полиции района Губадли, Тахмас, Адиль Фархад оглу и Кабил Гасымов [7, 15]. Не смотря на то, что центром восстания являлись деревни Алиянлы и Халлыг, в течение короткого времени восстание распространилось на Машанли, Дагтумас, Ахмадли, Эфенди, Юсифбейли, Назанзами, Чифтумас, Галабилар и другие деревни.

Отсутствие связи между восстаниями в различных уездах Азербайджана, их одновременное начало, явились основными причинами поражения движения народного сопротивления против большевиков в первые годы Советской власти.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф.27, оп.1, дело 658.
2. ГААР, ф.27, оп.1, дело 685.
3. ГААР, ф.27, оп.1, дело 694.
4. ГААР, ф.27, оп.4, дело 20.
5. ГААР, ф.27, оп.4, дело 25.
6. ГААР, ф.27, оп.4, дело 37.
7. ГААР, ф.27, оп.4, дело 42.
8. ГААР, ф.410, оп.1, дело 27.
9. ГААР, ф.410, оп.1, дело 121.
10. ГААР, ф.2095, оп.1, дело 4.
11. ГААР, ф.2095, оп.1, дело 19.
12. ГААР, ф.2484, оп.1, дело 62.
13. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin İşlər İdarəsi Siyasi Sənədlər Arxivi (ARPIİSSA), Surət fondu, iş 351.
14. İbrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti. Bakı, Elm, 1996.

Политическая ситуация в Азербайджанской ССР в 1921-1923 гг.

Резюме

Во время формирования новой власти в регионах Азербайджана военные подразделения Красной армии и ее Особый отдел фактически контролировали ситуацию в них. После апрельского переворота формальная власть в Азербайджане была у коммунистов-мусульман, однако фактическое руководство находилось в руках Москвы, ее 11-й армии и Чрезвычайной Комиссии. Произвол военных и советских властей вызвал в 1920–1923 годах волнения в регионах Азербайджана. В статье на основе первоисточников рассматривается вопрос о беспорядках в уездах Джавад, Губа, Девечи, Лянкяран, Гейчай, Губадлы и Джабраил.

The political situation in the Azerbaijan SSR in 1921-1923

Summary

During the formation of the new government in the regions of Azerbaijan, military units and a special army department actually controlled the current situation. After the April coup, the formal power in Azerbaijan was in the hands of Muslim Communists, but in fact the administration of the republic was at the disposal of Moscow, its 11th Army and the Extraordinary Commission. In 1920-1923, the arbitrariness of the military units and Soviet authorities caused unrest in the regions of Azerbaijan. The article based on the primary sources considers the problem of riots in the districts of Javad, Guba, Devechi, Lankaran, Goychay, Gubadly and Jabrail.

СЕКЦИЯ 2
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И КАВКАЗА В ЯЗЫКОВОЙ
СИТУАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мазанаев Ш.А.,
д.филол.н., профессор,
ДГУ, г.Махачкала
Самедов Д.С.,
д.филол.н., профессор,
ДГУ, г.Махачкала

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОМ РОДСТВЕ ДАГЕСТАНСКИХ
ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО РОДСТВА
АГУЛЬСКОГО И АРЧИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

***Аннотация:** В статье на лексическом материале агульского и арчинского языков рассматривается проблема генетического родства дагестанских языков, выделяются и описываются группы лексических единицразных частей речи, обосновывающие факт генетического родства и особенности исторической интерпретации семантических структур слов в пределах одного функционально-семантического поля.*

Ключевые слова: *агульский, арчинский языки, лексический материал, генетическое родство, ассоциативное поле, историческая интерпретация.*

При обосновании генетического родства языков большое значение, как известно, имеет исконное лексическое родство между языками, которое может быть подтверждено и подкреплено сходствами фонетического и грамматического характера. Так, например, «болгарский ученый Леков установил, что общий словарный фонд славянских языков составляет около 1120 слов» [4, с.8], что дает полное основание судить о лексическом (следовательно, и генетическом) родстве современных славянских языков.

Генетическое родство дагестанских языков – факт неоспоримый, что доказывается не только лингвистическими, но и археологическими и антропологическими данными. Однако степень родства между дагестанскими языками может быть неодинаковой, на основании чего

обычно в лингвистическом дагестановедении выделяются различные группы аваро-андо-цезских, лезгинских и т.д. языков [1, с. 22-23].

В пределах групп близкородственных дагестанских языков лексическое родство бесписьменных или младописьменных языков имеет особое значение, поскольку именно такие языки сохранили древнейший облик лексических единиц, исторически важный для интерпретации лексико-семантических процессов и современных результатов в лексических системах дагестанских языков.

Сохранению древнейшего состояния лексических единиц того или иного дагестанского языка способствовали его определенная «изолированность» в границах ограниченной территории проживания носителей языка и достаточно традиционный уклад жизни.

Лексическое родство агульского и арчинского языков, традиционно включаемых учеными в группу лезгинских языков, проявляется в различных лексико-грамматических разрядах слов, объединяющихся в конкретные лексико-семантические группы. Лексический материал, свидетельствующий и генетическом родстве агульского и арчинского языков, являющихся в историческом аспекте достаточно яркими представителями дагестанских языков, был собран нами из различных словарей агульского языка [2;3].

В пределах этих групп (названий частей тела человека, животных, объектов растительного мира, цветообозначений, семантических групп глаголов и т.д.), представляющих древнейшую общедагестанскую (прадагестанскую) лексику, выделяются различные подгруппы, в составе которых слова объединяются по степени генетического фонетического и семантического сходства:

1. Слова, совпадающие фонетической и семантической структурами: ахас (аг.) «спать» – ахас (арч.) «спать, лечь», кьул (аг.) «крышка» – кьул (арч.) «крышка». Совпадающие в фонетическом облике слова могут частично различаться оттенками значений, интерпретируемых в пределах одного семантического поля:

ухас (аг.) «пить» – ухас (арч.) «сосать грудь (о ребенке)», хас (аг.) «расти» – ххас (арч.) «расти» (о траве, урожае в поле), акьас (аг.) «делать что-либо, заниматься чем-либо» – аькьас (арч.) «мазать, лепить», ац1ас (аг.) «наполнить жидкостью» – ац1ас (арч.) «наполнить что-либо, насыпая или наливая» и т.д.

2. Слова, частично различающиеся по фонетическому облику и семантически интерпретируемые как единицы одной лексико-семантической группы или одного семантического поля, образуют отдельную группу:

ч1ал (аг.) «плевел» – ч1ар (арч.) «сорняки в пахотном поле», т1ун «ясли, кормушка» – т1оно (арч.) «специально сооруженное в виде небольшой ямы в хлеву кормушка для скота», угас (аг.) «гореть» – укас (арч.) «жечь; гореть», атас (аг.) «разрешить, позволить» – атис (арч.) «пустить; разрешить, позволить», къарк (аг.) «кора» – хъал(арч.) «кора», ракъ (аг.) «дорога» – де1къ (арч.) «дорога», ихъес (аг.) «жать (поле)» – эльъас (арч.) «жать (поле)», эмк1 (аг.) «пот» – амк1 (арч.) «пот» и т.д.

3. Самостоятельную подгруппу образуют слова, частично различающиеся фонетическим обликом, но совпадающие семантическими структурами:

агуна (аг.) «увидев» – аккуна (арч.) «увидев», алчас(аг.) «измерить; взвесить» – асмус (арч.) «измерить; взвесить», лек (аг.) «нога» – лек-ду (арч., мн.ч.) «ноги», мухур (аг.) «грудь» – мохор (арч.) «грудь», рукъ (аг.) «зола» – ди1къ (арч.) «зола», мукъ (аг.) «место» – бикъв (арч.) «место», цул (аг.) «осень» – сот (арч.) «осенью» и т.д.

4. Слова с разными лексическими значениями могут быть представлены в одном функционально-семантическом поле, где различия в лексическом значении имеют в историческом плане одинаковую ассоциативно-понятийную основу:

ахъ (аг.) «вниз» – ахъ (арч.) «нога» (нижняя конечность), мархал «лави́на» – марххал(а) (арч.) «снег», ат1ас (аг.) «налепить, вставить» – ат1ас (арч.) «отрезать», мик1 (аг.) «холод» – макв (арч.) «роса; иней» и др.

В некоторых случаях значения исторически настолько изменились, что выступают в качестве противопоставлений антонимического характера, но при этом такие слова сохранили единую понятийную основу: адик (аг.) «внизу» – яттик (арч.) «сверху» ат1ас (аг.) «вставить» – ат1ас (арч.) «отрезать; уменьшить» и др.

При анализе лексического сходства агульского и арчинского языков как в собственно лексическом, так и в лингвокультурологическом аспектах значительный интерес представляют названия национально-культурных реалий, являющиеся своего рода микрофрагментами национальных языковых картин мира (ср. аг. т1ун«ясли, кормушка» и арч. т1оно). Такие наименования интересны по своим внутренним образам и образным ассоциациям, которые изначально (на стадии первичной номинации) возникали в сознании носителей языка, хотя в некоторых случаях исходные внутренние образы достаточно стерлись и сейчас не ощущаются.

Из сравниваемых лексических единиц, естественно, исключаются древнейшие заимствования, ошибочно включаемые отдельными исследователями при доказательстве генетического родства дагестанских языков в общедагестанский лексический фонд в качестве исконной лексики, а также так называемые звукоподражательные и звуко-символические слова, которые к генетическому родству языков также не имеют отношения (ср. рус. куку-шка, ав. гагу, арч. гикку, дарг. гегуп), так как звукоподражательные слова независимо от реального генетического сходства представлены в разных языках мира.

Исследование исконного лексического фонда дагестанских языков в историческом плане должно стать стратегической задачей исследователей, занимающихся дагестанскими языками, так как определение общедагестанского лексического фонда, необходимого для написания исторической лексикологии, без этого трудно себе представить. Материал и результаты такого исследования имели бы значение и для лингвокультурологической интерпретации фрагментов дагестанской национальной языковой картины мира.

Список использованной литературы

1. Джидалаев Н.С. Языковая жизнь Дагестана // Языки Дагестана. – Махачкала, 2000. – С. 22–23.
2. Мазанаев Ш.А. Русско-агульский словарь. – Махачкала, 2012.
3. Рамазанов М.Р. Агульско-русский словарь. – Махачкала, 2010.
4. Самедов Д.С. Введение в славянскую филологию. Курс лекций. – Махачкала, – 100 с.

Омарова З.С.,
к.филол.н., доцент,
ДГУ, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА «ЖУРАВЛИ»

Аннотация: *В статье рассматривается проблема языка русского перевода известного стихотворения Расула Гамзатова «Журавли», написанного на аварском языке. На примере данного стихотворения поднимается вопрос о сохранении в переводах произведений Расула Гамзатова особенностей авторского языка, символики и национально-культурной специфики.*

Ключевые слова: *Расул Гамзатов, стихотворение «Журавли», язык русского перевода, авторская и национально-культурная специфика.*

Тема войны в поэзии Расула Гамзатова является одной из ключевых и значимых как в лингвистическом, так и в лингвокультурологическом аспектах. В ряду стихотворений и поэм, посвященных теме войны, значимое место занимает стихотворение «Журавли». Символический образ белых журавлей, актуализированный в данном стихотворении при помощи различных языковых средств, повторяется в разных стихотворениях Расула Гамзатова. Так, в стихотворении «Когда летят журавли» поэт пишет:

Когда летят по небу журавли,
Я о погибших думаю, тоскую.

.....

Только б не было больше войны.

Последняя строчка «Только б не было войны» повторяется в конце каждой строфы стихотворения как мольба, молитва, обращенная к Всевышнему от поэта и всех людей на Земле. В пронзительном крике журавлей поэт как бы слышит голоса солдат, не вернувшихся с полей жестоких сражений и превратившихся в белых журавлей.

Из двух стихотворений о белых журавлях всему миру известно стихотворение Расула Гамзатова «Къункъраби» («Журавли»), посвященное солдатам, не вернувшимся с войны и в образных ассоциациях поэта превратившимся в белых журавлей. В данном стихотворении использованы лексические и лексико-синтаксические средства языка, связанные с темой Великой Отечественной войны:

рагъда камарал васал «убитые на войне сыновья», къанаби «могилы», хъах1ал къункъраби «белые журавли», пашманго бут1рулги къулун «печально склонив головы», хъах1илал зобал «голубые небеса», ч1варал гьудулзаби «убитые друзья», къункърабазул гьаркъал «голоса[= крики] журавлей» и др.

«Журавли» – величественная и одновременно трагическая песня, ставшая благодаря переводу на русский и другие языки всенародной и бессмертной, как и образы воинов, погибших на полях сражений. Это стихотворение стало символом скорби и надежды на то, что люди планеты одумаются и станут жить в мире и согласии.

Замечательный перевод стихотворения «Журавли» на русский язык все же не всегда совпадает с соответствующими фрагментами текста на аварском языке. Так, например, использованное в первой же строфе оригинала сочетание камарал васал переводится как «не пришедшие... солдаты» (вместо «сыновья»), вместо слова рагъ «война» использовано сочетание «кровавые поля», сочетание къанабакъ лъун гьеч1ин «не похоронены в могилах» переводится как «не в землю легли» и т.д.

Чтобы иметь возможность сравнить литературный перевод стихотворения и его дословный перевод на русский язык и почувствовать национально-культурный и авторский компоненты стихотворения, мы даем оба фрагмента перевода:

Дида ккола рагъда камарал васал
Кирго рукъун гьеч1ин, къанабакъ лъеч1ин,
Доба борхальуда хъах1ил зобазада
Хъах1ал къункърабазде сверун ратилин.
Мне кажется, что сыновья, погибшие на войне,
Нигде не похоронены и в могилы не положены.
Там на высотах голубых небес
Превратились в белых журавлей.

[Пословный перевод]

В переводе Наума Гребнева:

Мне кажется, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю легли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Вторая строфа:

Гьел иххаз, хаселаз, халатал соназ
Нилье салам къун роржунел руго.
Гьельин ниль пашманго, бут1рулги рорхун,

Ралагьулел зодихь щибаб нухалда.
Они весной, осенью и годами долгими
Летают, приветствуя нас.
И поэтому мы, печально головы подняв,
Смотрим в небеса каждый раз.

[Пословный перевод]

Чтобы подчеркнуть вечность времени, вечность боли и трагедии войны, Расул Гамзатов использует формы множественного числа существительных ихх «весна» (ихх-аз), хасел (хасел-аз) «осень», халатал сонал (сон-аз) «долгие годы» в наречном (= временном) значении. Вечная утрата сыновей (=солдат) на войне актуализируется употреблением формы настоящего времени глагола роржунел руго «летают» (в значении «продолжают летать»).

Как свидетельствуют переводы, компоненты хъах1илал зобал «голубые небеса» и хъах1ал кьункъраби «белые журавли», связанные с природным, зооморфным и религиозным кодами культуры, красной нитью проходят через стихотворение «Журавли». Синтез этих кодов культуры способствует усилению коннотативного компонента стихотворения.

В литературном переводе стихотворения, сделанном Наумом Гребневым, чтобы подчеркнуть вечность полета журавлей, используется лексико-синтаксическая конструкция «они до сей поры со времен тех дальних... летят...», что создает синтаксическую синонимию с соответствующим фрагментом оригинала текста.

При сравнении дословного перевода стихотворения и литературно обработанного выявляются и другие особенности. Например, имплицитный в аварском варианте смысловой компонент «замолкаем» [глядя в небеса (ср. ав. зодихь ралагьулел «смотрим в небеса»)] в переводе Н. Гребнева эксплицируется употреблением соответствующего глагола «замолкаем [глядя в небеса]». Переводчик не только эксплицирует смысловые компоненты стихотворения, но и использует синонимические конструкции. Например, вместо аварского варианта хъах1ил зобазда «в голубых небесах» в одной из строф использовано эмоционально-образное сочетание «в сизой мгле» или же вместо сочетания гьельул гьаркьидальун «его [журавлиным] голосом» употреблена конструкция «по птичьей окликающей», создающая в стихотворении эмоционально-экспрессивный фон.

С клином журавлей Расул Гамзатов сравнивает отряд (кьукъа) убитых друзей. Определяя символику места (бак1) в журавлином клине, обозначенном в переводе Н. Гребнева сочетанием «промежуток

малый», Расул Гамзатов использует экспрессивную вопросительно-утвердительную конструкцию Дун вач1ине гьениб тарабцин гурищ? «Не для того ли оставлено [место в журавлином клине], чтобы я прилетел [=в небеса]»?

И в дословном, и в литературном переводе стихотворения «Журавли» в целом его смысл и назначение актуализируются одними и теми же ключевыми, концептуально-символическими и смыслообразующими компонентами типа белые журавли, журавлиный клин, печально замолкаем, глядя в небеса, кровавые поля (битв, сражений).

В стихотворении «Журавли» разными языковыми средствами (лексическими, морфологическими, лексико-синтаксическими и т.д.) актуализируется вечная память о погибших солдатах, которую бережно и печально хранят живые на Земле.

Самедов Д.С.,
д.филол.н., профессор,
ДГУ, г.Махачкала

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АРЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования инфинитивных конструкций в арчинском языке; выделяются и описываются лексико-семантические группы глаголов, контролирующих употребление инфинитива; определяются и обосновываются семантико-синтаксические условия оформления субъектного актанта теми или иными падежными формами.

Ключевые слова: арчинский язык, инфинитивные конструкции, субъектный актант, вершинные глаголы.

Вопросы синтаксиса арчинского языка, являющегося одним из бесписьменных языков Дагестана, изучены недостаточно. Этим определяется актуальность поднимаемой в данной статье проблемы. В связи с этим в настоящей статье рассматриваются группы глаголов, при которых как в простом, так и в сложном предложениях субъективный актант оформляется инфинитивом. Исследование соответствующего материала показывает, что это могут быть модальные, фазовые и респективные глаголы, глаголы речи, движения, а также отдельные

глаголы типа кьинч1ас-эхмус «бояться», эхмус «забыть», представляющие эмоциональные и интеллектуальные концепты.

Модальные глаголы

Именно эти глаголы, прежде всего, требуют оформления зависимого предиката инфинитивом. Глагол квашас «быть должным» констатирует долженствование агенса – актанта в эргативе (1) или в номинативе (2) (в зависимости от переходной/непереходной семантики предиката) совершить действие:

1. Буваму куммул ас квашу.

Мать (эрг.) еду (ном.) делать (инф.) быть должным (аор.).

Матери пришлось (была должна) приготовить еду.

2. Бува э1ммус кваршу.

Мать (ном.) плакать (инф.) быть должным (аор.).

Матери пришлось плакать.

Глагол кес «быть возможным» констатирует позволение агенту совершить некоторое действие (агенса оформляется эргативом: 3):

3. Бец1от1уттуму куммул куммус кер.

Больной (эрг.) еда (ном) кушать (инф.) быть возможным (конст.).

Больному можно кушать.

Глагол их1тимал-кес «быть возможным» может выступать в значении эпистемической модальности, обозначая субъективную оценку говорящим возможности наступления действия. В этом случае агенса оформляется номинативом при инфинитиве непереходной семантики (4):

4. Лобур бец1от1иши-бекес их1тимал-эди.

Дети (ном.) болеть (инф.) быть возможным (аор.).

Дети могли заболеть (=возможно, заболели бы).

Инфинитив непереходной семантики контролирует агенса в эргативе, если глагол их1тимал-кес употребляется в эпистемической модальности (5):

5. Адамчай хьи1н эбкас-абас их1тимал-и.

Люди (эрг.) мост (ном.) разрушить (инф.) быть возможным (фут.).

Люди могут разрушить мост (=возможно, разрушат).

Модальный глагол бец1ас «мочь; уметь» (=быть в состоянии что-либо делать) сочетается только с инфинитивами агентивных глаголов. Субъектные актанты при этом глаголе оформляются эргативом (6).

6. Зари гья1тара эхас берц1ар.

Я (эрг.) река (ном.) переходить (инф.) мочь (конст.).

Я могу переходить реку.

Вершина сентенциального актанта оформляется потенциальным инфинитивом и при глаголе кьан-кес «хотеть» «любить». Субъект предиката кьан-кеспри этом оформляется дативом (7):

7. Лагъас абтту ваккус кьан-этти.

Сын (дат.) отец (ном.) видеть (инф.) хотеть (аор.).

Сын захотел увидеть отца.

Респективные глаголы

Респективные глаголы обозначают положительное отношение субъекта в номинативе и дативе к реализации действия, обозначенного инфинитивом. Это глаголы кус-бекес «привыкать», «научиться чему-либо», ри1зи-кес «соглашаться», х1адур-кес «быть готовым, готовиться» (8, 9, 10):

8. Эл дивиммул ат1ас кус-эбтти.

Мы (ном.) ковры (лок.) ткать (инф.) научиться (аор.).

Мы научились ткать ковры.

9. Бува-дия ри1зи-эбтти ло ол1мус т1аларас.

Мать-отец (ном.) согласиться (аор.) дочь (ном.) учиться (инф.) отправить (инф.).

Родители согласились отправить дочь учиться.

10. Нен икзамиммул л1ос х1адур-этти.

Мы (ном.) экзамены (ном.) сдавать (инф.) готовиться (аор.).

Мы подготовились сдавать экзамены.

Фазовые глаголы

Из фазовых глаголов в качестве вершинного предиката, при которых сентенциальный актант оформляется инфинитивом, выступает глагол бий-эльльас «начинать». В зависимости от переходности-непереходности семантики инфинитива субъект при вершинном предикате может быть оформлен эргативом или номинативом (11, 12):

11. Тор кьигъ-бос бий-эрльльу.

Она (ном.) кричать (инф.) начинать (аор.).

Она начала кричать.

12. Учителли хабар обл1мус бий-эбльльу.

Учитель (эрг.) рассказ (ном.) читать (инф.) начинать (аор.).

Учитель начал читать рассказ.

В качестве фазового глагола в переносном значении «начинать» может быть употреблен глагол ххирих-кес «шевелиться». Субъектный актант при этом оформляется номинативом (13).

13. Дия мах1ла абас ххирих-эвтти.

Отец (ном) дом (ном) делать (инф.) начинать (аор.).

Отец начал строить дом.

Глаголы речи

Из глаголов речи инфинитив присоединяют: рагIилIос «обещать» (букв. «слово дать»), хветтас «клясться». Первый глагол с внутренним объектом рагIи «слово» является переходным, поэтому субъектный актанта при нем оформляется эргативом, а второй глагол непереходной семантики контролирует субъект в номинативе (14, 15):

14. Ушму рагIи лIомушиолIмус.

Брат (эрг.) слово (ном.) дать (аор.) хорошо учиться (инф.).

Брат обещал (=дал слово) хорошо учиться.

15. Салдат хветту ВатIан цIунабас.

Солдат (ном.) поклясться (аор.) Родина (ном.) защищать (инф.).

Солдат поклялся защищать Родину.

Глаголы движения (перемещения)

В качестве вершинного предиката могут употребляться глаголы целенаправленного перемещения. В глаголах речи в арчинском языке, как и в ряде других дагестанских языков, не обозначается средство (способ) перемещения, поэтому на русский язык такие глаголы могут переводиться по-разному (пойти – поехать, прийти – приехать и т.д.). Способом разграничения характера перемещения служит лексическое обозначение средства перемещения (самалетлит уIхъа «полетел на самолете», машиннитуIхъа «поехал на машине») или указание на большее расстояние посредством обозначения исходного и конечного пунктов перемещения (Московлашхъвал «из Москвы приехал. – ср. Тов хъвал «Онпришел»).

Субъектный актанта при глаголах движения, присоединяющих инфинитив, оформляется номинативом. Наиболее продуктивно употребляются глаголы хъеIс «пойти», алIис «прийти», гъеIршшаIс «бежать». Переходность или непереходность семантики зависимого инфинитива не влияет на падежную форму субъекта при вершинном предикате: регулярно употребляется номинатив (16, 17, 18):

16. Устартил бирхвмус оIбхъаI.

Мастера (ном.) работать (инф.) пойти (аор.).

Мастера пошли работать.

17. Хом буцIцIи ацас баIхъаI.

Женщины (ном.) коровы (ном.) доить (инф.) прийти (аор.).

Женщины пришли доить коров.

18. Зон кумакк абас веIршуI.

Я (ном.) помощь (ном.) сделать (инф.) побежать (аор.).

Я побежал [чтобы] оказать помощь.

При глаголах типа эхмус «забыть», кынчлас-эхмус «бояться» кус-абас «научить», льльас «учить», «научить», кус-бекес «научиться» зависимый предикат оформляется инфинитивом несовершенного вида процессуального значения (19):

19. Усталлибез члелн абас кус-абу

Мастер (эрг.) я (дат) стена (ном) делать (инф.) научить (аор.).

Мастер научил меня строить стену.

Глагол кус-абас «научить» является каузативным, поэтому его субъектный акт оформляется только эргативом (см. 19).

Глагол кус-бекес «научиться» допускает присоединение инфинитива как переходной, так и непереходной семантики. Субъект при вершинном предикате при этом всегда оформляется дативом (20, 21):

20. Эз хьалин пагьбос кус-эбтти.

Я (дат.) папирота (ном.) курить (инф.) научиться (аор.).

Я научился курить папироты.

21. Артистлис муши хьебус кус-эбтти.

Артист (ном.) хорошо танцевать (инф.) научиться (аор.).

Артист научился хорошо танцевать.

При глаголе льльас «научить, учить чему-либо» субъектный акт оформляется эргативом, что говорит о каузативном характере данного глагола (22):

22. Тренелли эз льльан-ас льльо.

Тренер (эрг.) я (дат.) плавать (инф.) научить (аор.).

Тренер меня научил плавать.

К приведенным глаголам по характеру синтаксической организации предложения можно присоединить и предикаты изну боллос «разрешить», (кому, что делать), кумак абас «помочь» (кому, что делать). Предикат изну боллос имеет переходную семантику, поскольку содержит внутренний объект изну «разрешение» (букв. «разрешение дать»), поэтому при нем субъект оформляется только эргативом (23):

23. Умму лагьас лагум хабус изну болло.

Отец (эрг.) дочь (дат.) песня (ном.) петь (инф.) разрешение (ном.) дать (аор.).

Отец разрешил дочери спеть песню.

Глагол-предикат кумак абас «помогать» также содержит внутренний объект кумек «помощь» (букв. «помощь делать»), контролирующий субъект в эргативе (24):

24. Зари ушмус махла абас кумак абу.

Я (эрг.) брат (дат.) дом (ном.) строить (инф.) помощь (ном.) делать (аор.).

Я помог брату построить дом.

Отмеченное выше позволяет заключить, что употребление инфинитива в арчинском языке в простом и сложноподчиненном предложении, в котором инфинитив может иметь собственный субъект, отличный от субъекта главного предиката и формировать зависимую предикацию, контролируется конкретными лексико-семантическими группами глаголов. В свою очередь лексико-синтаксические свойства инфинитива предопределяют падежную форму субъектного актанта вершинного предиката.

Кидирниязов Д.С.,

д.ист.н., профессор, Институт истории,
археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала

РАЗВИТИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация: *В статье на основе документальных, фольклорных материалов и специальной научной литературы рассматривается как местные народы пользовались вторыми языками. Также показано, что тюркский язык до середины XIX в. выполнял роль межнационального общения в полиэтническом регионе.*

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, народы, взаимоотношения, язык, хозяйство, торговля, куначество.*

Abstract: *On the basis of documentary, folklore materials and special scientific literature the article examines how the local peoples used the second languages. It is also shown that until the middle of the XIX century the Turkic language played the role of interethnic communication in a multiethnic region.*

Key words: *Russia, North Caucasus, peoples, relations, language, economy, trade, kunachestvo.*

Двужычые как социальное явление было известно издавна. Наблюдаются общие черты в фольклоре, в религиозных верованиях северокавказских народов. Многоязычный Северный Кавказ. В конце XVIII в. академик В.Ф. Миллер подчеркивал: «Кавказский хребет – это гора языков – представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом

пространстве, сгущивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов» [20, с. 69].

Представители народов Северного Кавказа, удивительно интересного полиэтнического региона, нередко владели вторыми языками, которыми почти до второй половины XIX в. являлись сначала тюркский (азербайджанский, кумыкский, ногайский), а затем русский.

Тюркский язык, в частности ногайский являлся для моздокских осетин, кабардинцев, казаков и др. языком межнационального общения. Так, на Кубани до середины XIX в. ногайский язык был одним из языков в общении местных народов друг с другом, так и с российскими властями [14, с. 53]. В середине XIX в. русский офицер Кавлянковский, проводя рекогносцировку дорог через Главный Кавказский хребет, отмечал: «Зная ногайское наречие татарского языка, я имел большую выгоду говорить с цебельдинцами (этническая группа абхазов – Д.К.) непосредственно без переводчика. Карачаевцы, близкие соседи цебельдинцев, имея происхождение татарское, говорят языком близким к ногайскому, а многие из цебельдинцев, находящиеся в частых сношениях с ними, знают их язык» [22, с. 240].

Азербайджанский, кумыкский, ногайский языки использовались многими народами на Северо-Восточном Кавказе. Русский же язык, вытесняя тюркский, становится основным межнациональным языком на Северном Кавказе со второй половины XIX в. Основные факторы, способствовавшие распространению двуязычия, – экономический (торговля, отгонное животноводство), а также своеобразие расселения, времени проживания этнической общности среди различных национальностей и т.д.

История русско-северокавказских отношений убедительно показывает, что знание местных языков, особенно тюркского, среди восточнославянского населения (русских, украинцев, казаков) сделалось массовым явлением. Все военные и научные экспедиции, отправляемые российскими властями в различные районы Северного Кавказа, дипломатические и прочие переговоры с горцами российское правительство осуществляло при посредничестве терско-гребенских казаков, прекрасно знавшие местные нравы, обычаи и свободно владевших северокавказскими языками, особенно тюркским [16, с. 313].

О длительных и тесных связях между народами Северного Кавказа свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. В каждом языке народов края встречается масса слов, заимствованных у близких и далеких соседей. Но особенно распространенными в описываемое

время стали тюркские языки (на Северо-Западном Кавказе – ногайский, а на Северо-Восточном – кумыкский) [2, с. 28].

Тюркские лексические заимствования чеченского языка являются одним из следствий тюркско-вайнахских (чеченцы и ингуши) языковых контактов, результаты которых находят отражение не только на лексическом, но и на иных – фонетическом и морфологическом – уровнях структуры языков чеченцев и ингушей. Так, например, саьрмасек – чеснок, саба – мыло, кема – корабль, урам – улица, бажа – свояк, йоргIа – иноходец и др. [23, с. 83, 94, 117]

Проникновение тюркских лексических и иных элементов в язык чеченцев и ингушей является следствием многовековой территориальной смежности носителей этих языков, использования тюркских языков в качестве основного средства межнационального общения [8, с. 389].

Длительные и тесные связи были между ногайцами, кумыками, осетинами и моздокскими кабардинцами. Жители Моздока в соответствии с национальной принадлежностью хорошо знали свои языки – осетинский, русский, ногайский, кабардинский, армянский, грузинский. Межнациональным языком общения многонационального города до конца XIX в. оставался ногайский. В «Терских ведомостях» указывалось, что жители Моздока прекрасно говорят «по-ногайски» и «по-кумыкски» [12, с. 326]. Кроме того, осетины не только хорошо знали ногайский язык, но и ногайские песни, предания и легенды [9, с. 21]. Так, в женской одежде моздокских кабардинцев, как и в мужской, прослеживаются влияние культуры народов, живущих по соседству с моздокскими кабардинцами (русское, ногайское [в частности, «каптал» – бешмет, платки женщины], кумыкское, осетинское). Очень близкими связями моздокских кабардинцев с другими народами, особенно с ногайцами, обусловилось многоязычие. Большинство моздокских кабардинцев владело наряду с родным языком ногайским, русским и осетинским [3, с. 58].

Для моздокских кабардинцев ногайский язык стал вторым языком, языком межэтнического общения. Многие ногайцы долгое время проживали вместе с кабардинцами, другие бывали частыми гостями у кабардинцев. Это способствовало их сближению, установлению дружественных связей. Много терминов материальной и духовной культуры моздокские кабардинцы заимствовали у ногайцев, например: «тырнауш» – грабли, «кьюий» – колодец, «кьуда» – сват, «амай» – дедушка» «балдуз» – свояченица, «кьадаш» – дядя (от слова «кьардаш» – род-

ственник), «тукум» – род и многие другие. Ногайский чай был постоянным повседневным напитком моздокских кабардинцев. Его пили со сливками, маслом и черным перцем. Сватов моздокские кабардинцы называли ногайским словом – «къуде», угощение сватов – «къудэ-гъашхэ» тамаду стола моздокские кабардинцы – христиане называли «тойлыбаш» (от ногайского происхождения: той – свадьба, баш – голова).

У ногайцев моздокские кабардинцы восприняли не только язык, но и богатый фольклор – пословицы, поговорки, предания, сказки, свадебные и любовные песни, частушки, множество терминов материальной и духовной культуры. «Анасыз» – не имеющий матери, «анасын» – имеющий мать. Эти слова, заимствованные из ногайского языка, у моздокских кабардинцев выражали отчаяние, тоску, сожаление, а также торжество, восторг. Кабардинцам была хорошо известна и лирико-поэтическая поэма «Тахир и Зухра», о верной и трагической любви, бытовавшая у живущих по соседству ногайцев. Православные кабардинцы пели песни на ногайском и кабардинском языках. Кроме того, куначество, аталычество, побратимство, сыграло значительную роль в сближении моздокских кабардинцев с другими народами: ногайцами, кумыками, чеченцами, ингушами, осетинами и жителями казачьих станиц [15, с. 48, 54, 55, 56, 62, 64, 65, 66, 70, 71, 109–111].

Важное значение имеет установление конкретной языковой принадлежности тюркских топонимов, выявляемых на территории Чеченской Республики: их изучение имеет историческое значение. Наличие на территории Чеченской республики тюркских топонимов (гидронимов), способствует дальнейшему уточнению ареалов их распространения, решению вопроса об областях пребывания ногайцев. Например, микротопоним «НогІийин шовда» «Ногайцев родник» в местности, населенной в основном чеченцами тейпа (рода) ногІий – «ногай» Большого Кавказа, или находящийся в селении Чечен-аул микротопоним НогІийн боьра «Ногайская балка», НогІамирзин корта «Вершина Ногай-мирзы» в звене Терского хребта, с. Ногай-мирза-юрт [11, с. 233] в Надтеречном районе Чеченской республики.

Подробное описание исторических связей ногайцев с соседними осетинами дает Б.А. Алборов в статье «Говор осетин-иронцев Моздокского района: «Ногайский язык является интернациональным языком не только осетин, но и для живущих рядом с ними черкесов, армян и грузин... Их увлекает сочный красочный ногайский язык, и они исполняют на нем больше, чем на своем родном языке, ногайские песни и

сказки и пересыпают свою речь ногойскими пословицами и поговорками» [1, с. 275–276]. В.М. Миллером описан факт, когда ногойцы изъяснялись на осетинском языке [20, с. 70].

Некоторые исследователи отмечают, что в Дигорском ущелье жили ногойцы. Так, по мнению Г.А.Кокиева, ногойцы появились в горах Дигории одновременно с асами – дигорцами после распада Золотой Орды и продвижения кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа, то есть в XIV–XV вв. Он даже указывал название населенных пунктов и мест, где жили ногойцы. К ним, в частности, относятся Уаллагком и селение Стыр-Дигора [13, с. 19]. О том, что ногойцы здесь проживали, указывает и В.М. Миллер [20, с. 71]. Кроме того, как отмечал Г.А. Кокиев, ногойцы участвовали в этногенезе дигорцев (осетинские фамилии Кануковы, Абисаловы, Тугановы, Кубатиевы) [10, с. 89–90, 120].

От ногойцев осетины переняли и некоторые собственные имена: Мырза (Мурза), Мырзабег, Хъантемир, Хъанцау и др. [7, с. 161]. В абазинской антропонимии встречается значительное количество ногойских имен: НагIвайхан, Насыпхан и др. [5, с. 55], а среди дагестанцев и северокавказских народов фамилии: «Абазов», «Чеченов», Балкаров», «Кумыков», «Ногаев», «Кабардаев», «Урусов», «Черкесов» и др.

Как известно, дагестанские ремесленники–отходники часто выезжали в различные регионы Северного Кавказа на работу. Кроме того, наряду с практикой выезда на работу сохранялись и традиционные поездки мастеров для продажи своих товаров. Дагестанские ремесленники – отходники, посещавшие многие регионы Северного Кавказа, становились носителями языков тех народов, с кем вели торговлю. Как отмечал известный автор XIX в. О.В. Маргграф около 30 названий посудных изделий из меди с их названиями, вошли не только в быт, но и в языки многих местных народов [19, с. 218, 226].

В Кабарде были известны изделия аварских мастеров-медников. Как отмечает Б.Х. Мальбахов, «в каждом кабардинском доме можно было найти водоносный кувшин «гуэгуэн», кубганы «кьубгъан», таз и другие медные изделия, характерные для традиций дагестанского искусства. «такие тонкостенные кувшины, тазы, кубганы изготавливались мастерами аварского аула Гоцатль... Об их работе на территории Кабарды в XIX в. имеются документальные сведения» [18, с. 33, 34].

В середине XIX в. мастера–гончары из с. Сулевкент выезжали в Чечню, Ингушетию, Осетию и Кабарду для продажи там своих ремесленных изделий Следует отметить, что стремление мастеров–отходни-

ков из Сулевкента «освоить» традицию художественной формы, декора соседей, было заметно и в творчестве сулевкентцев. Так, появились среди изделий мастеров-сулевкентцев керамическая чашка для ногайского чая, скопированная с форм деревянных чаш адыгов, ногайцев. Такие посуды для чая пользовались спросом в Кабарде и Чечне [17, с. 142, 144]. Взаимовлияние северокавказских народов особенно заметно отразилось на их духовной культуре. Этот творческий процесс хорошо прослеживается в устном народном творчестве, в музыке, танцах. Отсюда проникают в языки названия утвари, мелодии и ритмы песен, танцев.

Идеи дружбы и мирного сотрудничества северокавказцев в фольклоре местных народов занимают одно из центральных мест, что обусловлено самой историей. Дружественные связи дагестанцев с другими народами Кавказа имеют многовековую традицию. Многие ногайцы чисто говорят на чеченском, а чеченцы на ногайском и кумыкском. Так, например, отношение ногайского народа к своим соседям выразительно и емко охарактеризовано в обращении к чеченцу: «Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым – я. Кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо... гор повторяет твое имя, ветер ногайских степей далеко несет звук моего имени. Чего бы, кажется, недоставало нам, и почему бы не жить нам дружно?» [4, с. 339].

В этих словах отразилось миролюбие ногайцев к народам, в соседстве с которыми они жили на протяжении столетий и имели самые тесные политические и торгово-экономические связи. История помнит немало примеров, когда северокавказские народы, в частности, дагестанцы вместе с вайнахами защищали свои земли от опустошительных набегов крымских и калмыцких правителей.

Как известно, древнейшим образцом эпического творчества многих народов края являлся нартский эпос. Следует отметить, что эпос любого народа в процессе своего становления отражает в художественном виде определенные этапы исторического развития создавшего его народа. В этом отношении значение нартского эпоса для народов региона огромно. К дагестанцам он пришел от осетин и кабардинцев. Следует отметить, что в Дагестане нартский эпос получил свое местное значение, став самобытным. В свою очередь, фольклор народов Дагестана оказал немалое влияние на устное народное творчество народов Северного Кавказа, прежде всего вайнахов [4, с. 304 – 305].

Дагестанская героико-историческая песня о Хочбаре известна и чеченцам. Вайнахская песня называется «Илли о Хушпаре, сыне Бахадур». Интересны предания, легенды, звучащие одинаково как в вайнахском, так и дагестанском фольклоре («О Байсунгуре», «Об Алерое», «О гостеприимстве», «О кровном враге» и т.д.) [25, с. 113, 156].

Длительные политические и экономические взаимоотношения народов Дагестана с чеченцами нашли свое отражение в фольклоре и в некоторых деталях домашнего быта. Образ Черного Ногай наделяется в чеченской героической песне (илли) всеми качествами благородного богатыря, не лишённого слабостей, но достойно соперничавшего с вайнахскими наездниками [24, с. 104 – 117].

Ногайцы, кумыки, карачаевцы и балкарцы – это наиболее близкие по языку, обычаям и истории северокавказские народы, что особенно ярко отражено у ногайцев и кумыков. В художественном творчестве наиболее ранняя общность и взаимосвязь у этих народов наблюдается в фольклоре: проникновение к кумыкам, карачаевцам и балкарцам сюжетов об Эдиге, Шора-батыре, Мамае, Адиль-Султане и др., а также ряда текстов казачьих песен, толгау и т.д.; влияние на ногайцев традиций карачаево-балкарского танца, поздних лирических песен, а также письменных произведений и др. Так обращает на себя внимание близость во всех отношениях друг к другу ногайских фольклорных произведений из цикла «кыска казак йырлар» и кумыкских «къанка къазакъ йырлар», пословиц, поговорок и т.д. Широко бытует среди ногайцев и кумыков сказание об Аманхоре – в устной и письменной формах [21, с. 38].

Как известно, Дагестан был своеобразным культурным центром, откуда арабская культура и литература распространялись во все районы региона. Так, среди балкарцев были известны свадебные и любовные песни «Сагид Жамал Бузжигит», «Шамса и Джанша», календарь «Рознаме», заимствованные из Дагестана. С замечательным восточным произведением «Тахир и Зухра» балкарцы и карачаевцы познакомились через кумыков и ногайцев [6, с. 191].

Одними из первых исследовательских работ, в которых, в частности, рассматриваются тюркские фольклорные и языковые взаимосвязи, были «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка» И. Адамова (СПб., 1851), являющийся сравнительной грамматикой тюркских языков; «Сборник ногайских и кумыкских текстов», изданный в Санкт-Петербурге в 1883 г. М. Османовым.

Среди кумыков распространена рукопись, в которой некий Бинасрадин сын Абдулмуслима написал кумыкские переводы известных

ногайских преданий о хане Тохтамыше и об Адиль-Султане Крымском. Кроме того, как показывают археографические исследования известного ученого-тюрколога Г.М. Оразаева, среди ногайцев, особенно Терско-Сулакского междуречья широкое распространение имели кумыкские рукописные тексты, а также печатные и литографированные арабографические книги, изданные в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Казани и Симферополе. Следует также отметить, что у ногайцев был распространен ногайский вариант поэзии суфийского направления «тюрки» («Кара ер» и др.) на возникновение которых немалую роль сыграло влияние кумыкской поэзии в жанре тюркю [21, с. 38].

Необходимо отметить, что о длительных и тесных контактах между местными народами свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. Кроме того, в каждом языке местных народов встречается масса слов, заимствованных у своих соседей. К тому же народы региона, как правило, владели языками соседей.

Список использованной литературы

1. Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района / Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гадиева. Т. 9. Орджоникидзе, 1932.
2. Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. № 1. М., 1967. С. 28.
3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
4. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
5. Ионова С.Х. Антропонимы в топонимии абазин // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988.
6. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1.
7. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1989. Т. 1.
8. История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1. С. 389.
9. Калоев Б.А. Моздокские осетины. М., 1995
10. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004.
11. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З. К. Очерки истории ногайцев XV- XVIII вв. / Махачкала: Народы Дагестана, 2003.
12. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016.

13. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.
14. Ктиторова О.В. Потенциал традиционной культуры в межэтническом взаимодействии // Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 апреля 2013 г.). Махачкала, 2013.
15. Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы (историко-этнографическое исследование). Майкоп, 2002.
16. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017.
17. Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. Махачкала, 1999.
18. Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. Нальчик, 1984.
19. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
20. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9.
21. Оразаев Г.М. К истории ногайско-кумыкских взаимосвязей // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986.
22. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
23. Русско-чеченский словарь. М., 1978.
24. Сб. Поэтика чеченских героических песен илл. Грозный, 1983.
25. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / Сост. Халидова М.Р. Махачкала, 1997.

Аскеров А. Г.,
к.ист.н.. доцент
Филиал ДГУ г. Кизляра

ПЕРСПЕКТИВЫ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *Статья посвящена анализу современного состояния малочисленных языков Северного Кавказа. Автор указывает на угрозу исчезновения значительного количества языков, носители которых проживают в этом полиэтничном регионе. Рассмотрены основные причины исчезновения языков Северного Кавказа, среди которых выделяются социально-экономические, историко-культурные и бытовые факторы. Предлагаются некоторые неотложные меры, направленные на сохранение и развитие малочисленных языков, при этом особое внимание уделено актуализации исследований лингвистов, проводившихся в течение XX в.*

Ключевые слова: *исчезающие языки, Северный Кавказ, языковая политика, развитие языка.*

Этническая картина Северного Кавказа мозаична и насыщена самыми разными красками, как нигде в других регионах России. «Каких только эпитетов не получил Северный Кавказ: и лаборатория национальных отношений, и край ста языков и народов, и бурлящий этнический котел. Немалую трудность для анализа этнической структуры региона представляет и тот факт, что во многих районах Дагестана некоторые аулы могут претендовать на статус самостоятельных этносов, настолько тонкой и неуловимой является здесь грань между этносом и этнографической группой, между языком и диалектом. Не случайно ученые расходятся в оценке количества народов в Дагестане в пределах от тридцати до ста!» [1, с. 106]. По происхождению языки Северного Кавказа относятся к трем лингвистическим семьям: иберийско-кавказской (северокавказской или кавказской), индоевропейской и алтайской. Кавказские языки подразделяются на три группы – абхазо-адыгскую, картвельскую и нахско-дагестанскую [19, с. 2001]. Индоевропейская семья на Северном Кавказе представлена осетинским языком, который делится на два основных диалекта: иронский (положен в основу литературного языка) и дигорский [19, с. 1978]. Алтайская семья на Северном Кавказе представлена тюркской группой, к которой относятся кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский и другие

языки [5]. В настоящее время многие языки Северного Кавказа находятся под угрозой исчезновения. Согласно прогнозу М. Краусса, в XXI в. из 6000 языков на Земле останется 600, то есть 90% языков мира исчезнут безвозвратно. М. Краусс выделяет три категории языков: умирающие, находящиеся в опасности и находящиеся в безопасности. К первым он относит те языки, которые уже перестали выучиваться детьми как родные. В опасности, по его мнению, находятся те языки, которые, если сохранятся существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии. Наконец, безопасные языки – это те, относительно которых нет сомнений, что дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем [4, с. 9]. Что касается языков Северного Кавказа, то ЮНЕСКО в «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» определило большинство этих языков как исчезающие. Не существует одного-единственного показателя, по которому возможно было бы определить, находится ли язык в опасности. Специалисты ЮНЕСКО выделили девять критериев, которые должны рассматриваться в совокупности: общее число носителей языка, доля носителей языка в общей численности населения, наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности, использование языка в новых областях и СМИ, вид и качество документации, государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус и использование, области употребления языка, отношение членов общины к родному языку, передача языка от поколения к поколению. Языки, согласно классификации ЮНЕСКО, могут относиться к одной из шести категорий: «находится в безопасности», «положение вызывает опасение», «язык находится под угрозой исчезновения», «язык находится в серьезной опасности», «язык находится в критическом состоянии», «язык исчез». Так, к числу вымирающих относятся языки горских евреев джухури, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и многие другие языки [21]. В Дагестане насчитывается, по данным атласа, более 25 языков, которым грозит исчезновение, а преподавание в школах республики ведется только на 14 языках. Некоторые кавказские народы (абазины, шапсуги) включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации». А ведь даже самые экзотические языки, на которых говорит очень малое число людей, являются носителями коллективной памяти и нематериального культурного наследия. Вильгельм фон Гумбольдт считал, что язык народа – его дух, дух народа – это его язык [11, с. 68].

Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые выражают характер народа. Вместе с тем духовные особенности народов определяют национальное своеобразие языков. Так, профессор А. Е. Кибрик предлагает следующую шкалу языков: здоровые языки, больные языки, исчезающие языки, мертвые языки. Чем ближе расположен язык на такой шкале к зоне «мертвые языки», тем больше оснований считать его исчезающим [14, с. 67-69]. По классификации А. Е. Кибрика, исчезающие языки разделены на пять групп:

1) языки, которыми владеют 2-3 человека, эти языки стоят на грани небытия;

2) «смертельно больные» языки;

3) «серьезно больные языки»;

4) «хронически больные языки»;

5) бесписьменные «исчезающие» языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения семьи и села (по преимуществу языки Дагестана: арчинский, гинухский, гунзибский, годоберинский и др.) [14, с. 67-69]. Действительно, все миноритарные этносы находятся в зоне этнического бедствия, и как справедливо отмечает В. П. Нерознак, «поэтому они должны стать объектом лингвоэкологии и ревитализации как приоритетного и неотложного направления государственной языковой политики» [20, с. 5]. Утрата языка его носителями - первый и чаще всего последний симптом исчезновения малочисленного этноса. В решении о включении тех или иных языков коренных малочисленных народов в «Красную книгу» составители справочника руководствовались этнодемографическими критериями (численность этноса от 50 тыс. и менее). Так, в «Красную книгу» вошли двадцать представителей нахско-дагестанской группы языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, агульский, ботлихский, годоберинский, гунзибский, каратинский) и два представителя абхазо-адыгской группы (абазинский и шапсугский) [20, с. 10]. А ведь язык каждого народа является вкладом в мировую цивилизацию. «Под воздействием происходящих в современном мире процессов активно стираются границы языкового и культурного различия народов. Проблема сохранения языкового многообразия становится проблемой морального состояния планеты» [8, с. 22]. Среди основных причин исчезновения языков можно выделить следующие: социально-политические, историко-культурные, геополитическое положение, религиозные факторы, количество носителей, бытовые (повседневная жизнь), особенности менталитета.

Рассмотрим названные причины подробнее.

1. Социально-экономические причины.

Тотальные депортации в годы Великой Отечественной войны. Поголовной депортации подверглись такие титульные народы Северного Кавказа, как карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы. В местах поселения депортированных народов (Средняя Азия и Сибирь) среди иноязычного населения представители северокавказских народов не изучали свои родные языки, что тоже сказалось на положении и без того малочисленных народов. Депортированные народы навсегда утратили значительную часть своих культурных ценностей. Однако после возвращения на историческую родину в 1957 г. началось постепенное изучение национальных языков и литератур.

Глобализация и миграция. Процесс исчезновения языков происходил во все времена. Однако сейчас ученые отмечают, что темпы вымирания ускорились. Это во многом объясняется процессом глобализации и вытеснения отдельных языков другими, более сильными языками (например, тотальное изучение молодежью английского языка). Известный российский философ Г. Д. Гачев отмечает, что «в ситуации современного мира, когда наступает стандартизирующая глобализация и своим катком давит народы и национальные культуры – тем более так называемые «малые», – тем важнее явить общезначимую философическую и художественную весомость творчества и вклада их в спектр и оркестр человечества» [9, с. 288] [10]. Многие люди уезжают из сел в города и постепенно теряют язык своего народа. «В современном мире рост миграции и урбанизации нередко сопровождается потерей традиционного образа жизни и принуждением говорить на доминирующем языке, который необходим или воспринимается как необходимый для полноценного участия человека в общественной жизни и процессах экономического развития», – отмечают специалисты ЮНЕСКО. М. Е. Алексеев считает, что «языковые коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы» [2, с. 17]. Автор говорит о пагубном влиянии переселения и миграционных процессов, при этом подчеркивая, что с отрывом народа от традиционной среды существования фактически теряется одна из важнейших функций его языка – моделирование характерной для данного языка картины мира. Эти факторы способствуют ускорению процессов утраты родного языка. Некоторые исследователи опасаются, что языковое многообразие ведет к непониманию и конфликтам. Другие считают, что носителям малых языков лучше перейти на язык большинства. Хотя эти точки зрения имеют

право на существование, нельзя допускать исчезновения языков, ведь при таком исходе мы не узнаем, какая мудрость таится в их поэзии, преданиях, написанных на умирающих языках. А конфликтов можно избежать путем распространения двуязычия, которое дает людям возможность обратиться к основному, доминирующему языку и культуре мажоритарного народа, не оставляя при этом своих родных языков. На Северном Кавказе двуязычие и многоязычие – довольно распространенные явления.

2. Историко-культурные причины.

Известно, что современная языковая ситуация в мире сложилась в результате урбанизации, миграции, под воздействием политических, межэтнических процессов, войн, развития туризма и других факторов. З. М. Га-буниа и Р. Г. Тирадо в монографии «Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации» (2010) отмечают тот факт, что многие кавказские этносы оказались в большем количестве на чужбине, чем на исконной родине [8], и это, конечно же, отразилось на языковой ситуации на Северном Кавказе. В начале XX в. практически все народы Северного Кавказа были бесписьменными. Российские ученые проделали огромную работу по созданию письменностей для ранее бесписьменных народов Северного Кавказа. По мнению Т. Т. Камболова, одной из главных задач в послевоенном СССР было преодоление языковых и культурных различий между многочисленными «народами» и «народностями» Советского Союза, чем и объясняется начавшийся в начале 1960-х гг. процесс закрытия национальных школ. «Наиболее ощутимо последствия тех реформ обнаружились уже в постсоветскую эпоху. В большинстве национальных республик родные языки оказались в состоянии угасания, число представителей миноритарных народов, не владеющих родным языком, постоянно возрастало, а сами языки, будучи вытесненными из социального функционирования и не адаптируясь к стремительно меняющейся жизни, теряли важнейшие лексические, стилистические, стилевые и, в целом, коммуникативные ресурсы» [12]. В 1991 г. был принят Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации», который утверждает языковой суверенитет народа, право на сохранение и развитие родного языка. «В начале 90-х гг. в большинстве национальных регионов началась работа по поднятию престижа родных языков, так как сужение их функциональных возможностей привело к почти полному отсутствию мотивации к изучению и использованию национальных языков, особенно среди молодежи» [18, с. 8].

Геополитическое положение. Как отмечается в аналитическом журнале «Кавказ», «даже неискушенному в геополитических тонкостях человеку достаточно одного взгляда на карту, чтобы оценить все стратегические преимущества региона, расположенного между Черным и Каспийским морями и связанного многими реалиями в единое целое... Вхождение в ареал великих мировых цивилизаций вместе с открытием богатых нефтяных месторождений в новое время крепко вписали регион в мировую коммуникативную систему. Этническая и конфессиональная пестрота населения, наличие явных и скрытых очагов напряжения, межнационального противостояния и территориальных претензий все больше и больше привлекают внимание мировой общественности к региону» [13, с. 48]. На Кавказе, как отмечают М. З. Габуниа и Р. Г. Тирадо, «происходит сплав нескольких цивилизаций – собственно кавказской, византийско-греческой и др. Кавказ – это мост между Европой и Азией и в то же время важнейший геополитический плацдарм, на котором разворачиваются столкновения великих держав» [8, с. 51]. В качестве религиозного фактора, ведущего к исчезновению языков, можно назвать то, что национальные языки Северного Кавказа недостаточно часто используются в качестве языка богослужения. Это могло бы способствовать изменению бедственного языкового положения. Количество носителей. Согласно предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее крупными национальностями на Северном Кавказе являются чеченцы (1,43 млн), армяне (1,18 млн), аварцы (0,91 млн), даргинцы (0,59 млн), кабардинцы (0,52 млн), кумыки (0,5 млн), лезгины (0,47 млн), ингуши (0,44 млн). Исходя из этих данных, остальные северокавказские народы (карачаевцы, балкарцы, черкесы, абазины, агульцы, табасаранцы и др.) считаются малочисленными, а их языки – исчезающими [6]. В «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» в России оказался 131 язык. Особенности менталитета. Если язык конкурирует с другим языком, и этот последний вытесняет его из общественного использования, сужая тем самым сферу его употребления, то уже есть повод для тревоги. В число ключевых для выживания языка входят такие важные факторы, как его использование в системе школьного образования, в работе средств массовой информации, для письменного сообщения. Еще один фактор – отношение людей, говорящих на этом языке, к нему и к языкам, с ним конкурирующим. «Ситуация становится драматической для языка в тот момент, когда подрастающее поколение больше не осваивает его как родной, – пишет Леман. – Тогда этот язык обречен умереть вместе с последним поколением говорящих на нем людей.

Опять же, само по себе количество говорящих, которое часто используют как показатель способности языка к выживанию, не так важно. Даже большие языковые общности могут сменить свой язык за несколько поколений, если считают его непрестижным с социальной точки зрения».

3. Бытовые причины (повседневная жизнь).

Основной причиной исчезновения языков является то, что родители перестают общаться с детьми на родном языке. В последние годы происходит изменение жизненных приоритетов молодежи и снижение роли родного языка в жизни этноса. Как отмечает С. У Пазов, «сегодня выгодней знать английский язык, потому что в дальнейшей трудовой деятельности в фирмах, акционерных обществах или за рубежом национальные языки могут и не понадобиться, а знание английского даст определенные преференции» [16, с. 92-93]. Многие люди, спокойно изъясняющиеся на родном языке, зачастую не владеют письменной речью. А ведь большинство сегодня, посвятив себя изучению иностранных языков, забывают о необходимости изучать свой, доставшийся им в наследство от далеких предков родной язык. Более того, даже в домашней обстановке многие представители городского населения северокавказских народов предпочитают разговаривать на русском языке. В последнее время часто можно встретить тех, кто может без труда понимать свой родной язык, но не говорит на нем или же говорит, смешивая с основным языком. Переключение на другой язык происходит тогда, когда носители одного языка адаптируют язык большинства или язык, считающийся престижным, или же язык уважаемых слоев общества. На последних этапах языкового переключения мы получаем «полуносителей» языка, которые могут без труда понимать язык, но не говорят на нем или же говорят, смешивая с основным языком. Среди населения Северного Кавказа распространены двуязычие и многоязычие. Но большинство людей, к сожалению, не владеют письменной речью своего родного языка. Поскольку самым страшным последствием того, что мы сейчас наблюдаем, является то, что в результате незнания родного языка многие оказываются оторванными от своей национальной культуры. Это приводит к формированию специфической субкультуры, в которой сливаются остатки разных национальных культур. При описании языковой ситуации в любой точке земного шара прослеживается связь целого ряда факторов социологического, демографического, лингвистического, экстралингвистического характера, под влиянием которых происходит признание языка той или иной националь-

ности в качестве ее родного. Так, З. М. Габуниа и Г.Р. Тирадо к экстралингвистическим факторам относят этно-территориальную компактность населения, интенсивность миграционных и переселенческих (местных) процессов, место проживания населения (город или село), религию, смешанные браки и др. К лингвистическим факторам, по мнению З. М. Габуниа и Г. Р. Тирадо, относятся такие, как степень изученности языка, его диалектов, степень отдаленности языков, состояние функционирования литературного языка и др. Если в качестве родного языка называется язык, связанный не с этническим происхождением, а с социальной обстановкой, в такой ситуации происходит постепенное исчезновение языка. Компактное проживание населения, низкий уровень миграции, жизнь в сельской местности, сохранение эндогамности способствуют сохранению и развитию родных языков [7, с. 17].

В связи с быстрым сокращением числа миноритарных языков необходимы как можно более полные описания живых языков. Этой цели служит российское энциклопедическое издание «Языки мира». Чтобы спасти культурное наследие, лингвисты срочно изучают исчезающий язык, составляют его словари, грамматики, учебники, делаются звукозаписи произношения, фольклора, диалектов, то есть все, чтобы в дальнейшем ученые или потомки людей, говоривших на исчезнувшем языке, смогли возродить его. Еще в начале XXв. в этом направлении работали сотрудники Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926-1937), архивный фонд которого находится в Государственном архиве Ставропольского края. Работы этого научного коллектива являются теоретической основой для дальнейшей разработки проблемы изучения истории, культуры и языков народов Северного Кавказа, а следовательно, и сохранения языков малочисленных народов, поскольку исчезновение любого языка фактически является культурной катастрофой: «Утрата языка по своим культурным последствиям – бедствие, размеры которого вообще трудно переоценить». В связи со сложившейся языковой ситуацией на Северном Кавказе мы вынуждены признать, что большая часть северокавказских языков, на которых сейчас говорят малые народы, через несколько поколений может исчезнуть с лица земли. Необходимо сохранить столько знаний об исчезающих языках, сколько возможно, чтобы последующие поколения не были лишены богатства этого многообразного пласта человеческой культуры, чтобы не пропали бесследно многочисленные труды

ученых-лингвистов, благодаря которым можно и нужно обеспечить сохранение миноритарных языков этого богатого в культурном и лингвистическом отношении региона.

Список использованной литературы

1. Авксентьев А. В. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 1998.
2. Алексеев М. Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987-1991 гг. М.: ИНИОН, 1992. С. 34-42.
3. Арутюнов С. А. Гора народов и языков // Мой Кавказ. 2008. № 1. С. 12-54.
4. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблеме исчезающих языков // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы межрегион. науч. конфер., посвящённой 30-летию кафедры общего языкознания. Уфа: Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2011.
5. Баскаков А. Н. Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 138-145.

Щеглова Е.В.,
к.п.н., доцент
Филиал ДГУ г. Кизляра

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация: *В статье рассмотрено влияние русской культуры на развитие культур народов Дагестана. Изучение культур, синтез культур, попытки понять чужую систему ценностей – вот шаги к многополярному миру. Русский язык – это язык межнационального общения, язык сплочения, сотрудничества и консолидации народов Дагестана.*

Ключевые слова: *русская культура, консолидация, межнациональное общение.*

Особенность культурного пространства Республики Дагестан заключается в том, что в сравнительно небольшом географическом пространстве сосуществует множество культур. Если взять по национальному принципу, то в Республике Дагестан обозначено столько же культур, сколько и народов. В историко-этнографическом справочнике «Народы мира» (М.; «Советская энциклопедия», 1988 г.) освещены материальные и духовные достижения более 10 народов Дагестана. В их числе даны некоторые сведения о культуре аварцев, агульцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, ногайцев, табасаранцев, рутульцев, цахурцев и т.д. Если выделить типы культур по общественным институтам, каждый из народов Дагестана имеет свою семейную культуру, нравственную культуру, культуру труда, физическую культуру, эстетическую культуру, экономическую культуру, педагогическую культуру, правовую культуру, управленческую культуру и т.д. Если взять по религиозному признаку то, на территории Дагестана представлены иудейская культура, христианская культура, мусульманская культура. Русская культура – одно из свершений человека, имеющие мировую значимость. Это совокупность духовных богатств, бесценный клад опыта, знаний, умений, уникальная и неповторимая практика творческого самовоплощения человека. В русский культурный опыт входят как высочайшие свершения, так и сложный, противоречивый путь к ним, трудные, напряженные духовные поиски и их неоднозначное отражение в различных формах. Так, например, бесспорным и бесценным явлением русской культуры является славянская письменность. А славянская письменность – это не только культурное явление мирового значения, но средство межнационального общения народов всей России, вобравшее в себя весь многовековой опыт их взаимоотношений. Наиболее жизнеспособными цивилизациями являются те, которые открыты к восприятию других культур, готовы обогащаться опытом, накопленным другими народами. Именно такой является славянская русская культура, вобравшая в себя культуры всех народов, проживающих на ее территории. Вот почему поистине справедливо мудрое народное изречение: «Культура объединяет, роднит народы, бескультурье сеет рознь».

Важное прогрессивное последствие для дагестанцев имело общение с выдающимися деятелями русской литературы. Позитивную роль в укреплении дружественных связей между горскими народами Кавказа и русским народом сыграли А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, А.А. Бестужев-Марлинский, А.И. Полежаев, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Тол-

стой и др. Кавказская, «Восточная» тематика в истории русской литературы приобрела характер литературной традиции. Обращение к сопредельному, экономически, культурно, политически связанному с Россией Кавказу было неизбежно в условиях постоянных взаимоотношений. Сюжет «Рассказа офицера» Бестужева-Марлинского показателен для русской литературы XIX в. После «Кавказского пленника» А.С. Пушкина кавказская тема приобрела значение литературной традиции. При том что сюжеты обоих сочинений соприкасаются, очевидно следующее: пока на Кавказ не придет мир, образ «кавказского пленника» не будет терять актуальности. В дальнейшем к этой теме обратился Л.Н. Толстой в своем «Кавказском пленнике» и следует признать, что сюжет этот не потерял актуальности, жизненности и в наши дни. Произведения русских писателей, основанные на кавказском (дагестанском) материале, оказались исторически позитивными на разных векторах своего воздействия: российский массовый читатель познакомился с новым для себя героем-современником – кавказским горцем. Литературные сочинения, позднее переведенные на языки народов Дагестана, явились стимулирующим средством в приобщении жителей горного края к более широкому (в перспективе – европейскому) культурному пространству. В XX веке, включая и предреволюционный период развиваются русско-дагестанские литературные связи. Между литературами России и Дагестана возникают и развиваются взаимоотношения, основанные на стремлении к тесному взаимодействию. Влияние русской литературы на дагестанскую шло непосредственно через подлинник, перевод, личные контакты сторон и опосредованно – через общность жизни в пределах единого региона, единой страны. Осваивался опыт русской культуры и путем заимствования художественных приемов, мировоззренческих позиций, литературных форм и жанров. Дагестанская литература доходила до широкого читателя страны благодаря переводам на русский язык. Переводами стихотворений классиков дагестанской литературы С. Стальского и Г. Цадасы занимались С. Липкин, Я. Козловский, Н. Ушаков, В. Державин, Н. Гребнев, а также Р. Фатуев, Н. и Э.Капиевы.

В 1960-е гг. целая плеяда талантливых дагестанских литераторов представила свое творчество широкой читательской аудитории: Р. Гамзатов, Ф. Алиева, Р. Рашидов, М. Гаирбекова, Н. Юсупов, А. Абу-Бакар, О.-Г.Шахтаманов и др. Русско-дагестанские литературные связи прошли три стадии: от сближения и влияния русской культуры на дагестанскую – к тесному взаимодействию и далее – к братству двух культур. Неценима роль русского языка в жизни народов Дагестана.

Благодаря длительному общению народов Дагестана с русским народом происходило обогащение и развитие языков народов Дагестана. Благодаря русскому языку дагестанские языки обогащались новыми терминами, пополняли свой словарный запас. Русский язык способствовал формированию русскоязычной национальной интеллигенции, созданию книгоиздательского дела, стал важным фактором и культурным сотрудничеством России и Дагестана. С годами стремление дагестанцев к русскому языку становилось более очевидным. Русскому языку суждено было стать языком межнационального общения, языком сплочения, сотрудничества и консолидации народов Дагестана. Факты ярко свидетельствуют о приобщении населения Дагестана к русской культуре через русский язык. Проникновению русского языка в горскую среду способствовало несколько факторов: рост русскоязычного населения, открытие и функционирование русских светских школ, развитие массового отходничества в города России, вовлечение представителей дагестанских национальностей в общественно-политическую деятельность. Влияние русского языка на дагестанские языки в советский период не ограничивается заимствованием отдельных лексических единиц, а принимает многоплановый и обширный характер. Из русского языка и через его посредство из других языков в языки Дагестана проникают целые пласты лексики. Последовательное применение принципа двуязычия в Дагестане стало важнейшим условием успешного функционирования и распространения русского языка как языка межнационального общения. Двуязычие создает среду, в которой происходит дальнейшее развитие и обогащение национального языка, вместе с тем растет потребность в овладении русским языком как языком межнационального общения.

Список использованной литературы

1. Башкирова Е. Трансформация ценностей демократического государства // Мир России. – 1999. – № 4
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – М., 2005.
3. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики. – М., 1998.
4. Мирзоев Ш.А. Культура и традиции народов Дагестана. – Махачкала, 2005.

Смеянов В.А.
преподаватель КППК
г.Кизляр

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: Известно, что сегодня под угрозой исчезновения находятся около пятидесяти языков, носителями которых являются малочисленные народы России, проживающие на Кавказе и Дальнем Востоке, в Сибири и на Севере европейской части нашей страны. Из шести уровней шкалы жизнеспособности языков, разработанных ЮНЕСКО («находится в безопасности», «положение вызывает опасение», «язык находится под угрозой исчезновения», «язык находится в серьезной опасности», «язык находится в критическом состоянии», «язык исчез»), языки народов Северного Кавказа, в том числе и дагестанские, соответствуют уровню языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Язык любого народа является инструментом сохранения и передачи следующим поколениям его культурного наследия. Устойчивая и грамотно построенная языковая политика может способствовать сохранению основы национальной культуры – языка, а также стабилизации межнационального согласия в полиэтническом регионе.

Для сохранения, развития и совершенствования языка, расширения сфер его функционирования, роста его роли в общественной жизни большое значение имеет системный подход к языковой ситуации в регионе. Причины сложившейся языковой ситуации в результате языковых процессов, происходящих в языковой общности, выявляются на основе научных исследований ученых. Важным источником при разработке проблем и осуществлении практических мер, составляющих языковую политику государства, являются социолингвистические данные. Языковая политика – это уникальный околожыковой фактор, который способен воздействовать на все стороны развития языков: на общественные функции языка в региональной языковой ситуации, классификацию его функциональных разделов, таких как стили, жаргоны, диалекты и т. д., а также на внутреннюю структуру его различных уровней, равно как и на графику и письменность.

Языковая политика в полиэтнических регионах России соответствует принципам и приоритетам российской государственной этно-

языковой политики в целом. Одной из приоритетных позиций «Стратегии национальной государственной политики России» на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ В.В. Путина, является сохранение и возрождение языков и культур народов страны, содействие укреплению единства ее граждан. Органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления рекомендуется руководствоваться положениями Стратегии при работе в данной сфере.

Современные процессы отмирания языков принято связывать со «стихийными силами глобализации». Однако жизнеспособность языка, прежде всего, определяет человеческий фактор – ценностные ориентации носителей языков, их языковая компетенция, профессиональный подход к проблеме сохранения и развития языков.

Языковую ситуацию, наряду с другими, образуют такие факторы, как национально-демографический; материальный, лингвистический и некоторые другие, благоприятное сочетание которых способствует успешному функциональному развитию языков. Лингвистический фактор, определяющий структурное и функциональное состояние языка, в приведенном ряду является доминантным: функциональная мощь языка определяется наличием функциональных стилей, терминологических систем, письменных традиций и др. Функциональную мощь языка определяет также уровень разработанности норм литературного языка. Все эти факторы в значительной степени зависят от сознательного воздействия общества на язык, т.е. от национально-языковой политики, которая выражается в языковом планировании и языковом строительстве, в частности, в принятии и реализации языковых законодательных актов. Именно законодательные акты, направленные на регулирование языковых проблем, способствуют расширению социальных функций языков. Существенным фактором является языковое строительство, суть которого есть воздействие на состояние и функционирование языков. Иначе говоря, можно воздействовать целенаправленно как на внутреннюю структуру, так и на функциональную сторону языка. В первом случае говорят о нормировании в области произношения, лексики, морфологии, синтаксиса, включая также мероприятия по разработке и совершенствованию письменности, графики и т.п. Во втором случае воздействие может быть оказано на расширение или сужение функций языка в определенной языковой ситуации, на состояние отдельных подсистем единого языка (стилей, жаргонов, диалектов). При этом воздействие на языковую структуру осуществляется через функциональную сторону языка.

Осознание огромной социальной и культурной роли литературного языка требует эффективной работы по совершенствованию его норм. Изучение, точное описание и закрепление языковых норм является важнейшей общекультурной задачей. Развитие норм зависит от уровня развития языка в целом, его статуса, условий, в которых он функционирует. Так, унификация и совершенствование норм литературных языков Дагестана стимулирует создание благоприятных условий для сохранения и развития языков в целом.

Таким образом, защита национальных языков от влияния глобализации заключается в сознательном и грамотном подходе к вопросам федеральной и региональной языковой политики.

В связи с увеличением исследований, посвященных правовым вопросам в области языковой жизни, некоторые ученые отмечают политизацию языка. Однако при всей многоаспектности исследований вопросов языковой политики, языкового планирования и языкового строительства, все они преследуют общую цель – возрождение, сохранение, защиту и развитие языков народов Российской Федерации. Следует лишь отметить, что отступление от общих принципов Стратегии национальной политики Российской Федерации в исследованиях, использование разных терминологических источников могут препятствовать достижению этой общей цели.

В рамках социо-лингвистики исследуются такие понятия, как языковое сообщество, языковая ситуация, языковая политика, языковое строительство и др. Несмотря на то, что термин «языковая ситуация» применим в большинстве случаев по отношению к большим языковым сообществам (странам, регионам, республикам), в контексте общей языковой ситуации возникает как минимум не меньшая необходимость освещения состояния национальных языков, являющихся родными для немногочисленных этносов. Языковой политикой называют комплекс мер, принимающихся как целым государством, так и отдельным регионом или этносом для положительного изменения состояния языка и его норм, для расширения выполняемых языком функций и увеличение его сфер обслуживания. Схема и механизмы проведения языковой политики учитывают интересы народа и корректируются в соответствии с его запросами. Языковая политика применяется, как правило, в следующих социальных сферах: образование, искусство, культура, государственно-социальные взаимоотношения, религия, наука и т. д.

Возросший интерес к вопросам языковой политики объясняется тем, что в наше время стало актуальным функционирование и развитие языков в современных условиях, вбирающих в себя такие аспекты, как

билингвизм, связь языка и культуры, языковое планирование, языковое строительство и т.п.

Законодательство, гарантирующее защиту прав и свобод человека, гражданина, ребёнка в области изучения родного и иных языков, представлено следующими нормативно-правовыми актами: Конвенцией о правах ребёнка; Конституцией Российской Федерации; Федеральным Законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Законом Российской Федерации «Об образовании»; Федеральным государственным образовательным стандартом; Конституциями республик, входящих в состав РФ.

Поскольку дагестанским языкам присвоен статус государственных языков, Закон «Об образовании» подразумевает изучение родного языка в качестве обязательного предмета в образовательных учреждениях, в которых обучение ведется на русском языке. Обязательное обучение в школах родному языку их носителей прописано в Конституции РД.

Именно фактор обязательности обучения языкам служит гарантией достаточного уровня и качества образования, что обеспечивает не только более ответственное отношение учащихся к предмету «родной язык», но и государственную поддержку преподавания в школах данной дисциплины, включая соответствующее финансирование.

К сожалению, в Дагестане пока нет ни концепции развития дагестанских языков, ни какой-либо другой программы их развития, ни финансирования на их реализацию. Более того, в 2014–2015 учебном году в Республике Дагестан около 500 мононациональных сельских школ перешло на русский язык обучения. Это серьезное нарушение прав ребенка на получение образования в начальной школе на родном языке. Еще раз подчеркиваем, что речь идет не о городских школах.

Если рассматривать процесс обучения родному языку в целом, не ограничиваясь школьным временным отрезком, то очевидно, что первые годы жизни ребенка (1–6 лет) являются самыми важными при овладении одним или более языками, поэтому родная речевая среда для него является крайне необходимой. Дальнейшее обучение ребенка в школе родному языку только укрепляет его речевую основу. К сожалению, некоторые родители запрещают своим детям изучать родной язык, не задумываясь о последствиях, которые приводят к маргинализации целых поколений, не владеющих родной речью. Многочисленные исследования подтверждают, что дети, начинающие образование на своем родном языке, более эффективно вливаются в учебный про-

цесс и в дальнейшем достигают больших жизненных успехов, по сравнению с начинающими образование в школе на новом, незнакомом языке.

Жизнеспособность языков малочисленных народов Дагестана зависит не только от законодательных документов, их реализации в рамках законов, но и от других обстоятельств. В частности, начавшийся со второй половины XX века процесс переселения горцев на равнину имел негативные последствия для всех дагестанских языков и культуры.

В Дагестане из года в год сужаются сферы влияния родных языков. О недостаточном использовании дагестанских языков в сфере образования говорит тот факт, что до сих пор отсутствуют какие-либо нормы по использованию родных языков в дошкольных образовательных учреждениях РД, что противоречит концепции полилингвального образования, одобренной Правительством РФ, которая предполагает обязательное введение родного языка, начиная с младшей группы дошкольных образовательных учреждений. Следует также законодательно закрепить пункт об обязательном введении родного языка для изучения на всех факультетах в вузах РД. Необходимо также ввести ЕГЭ по родным языкам для всех выпускников дагестанских школ. Что касается дошкольных образовательных учреждений, то по закону допускается создание детских садов (и других образовательных учреждений), функционирующих на родном языке по инициативе национально-культурных обществ. Пока, к сожалению, нет системного, глубокого исследования анализа причин постепенного сужения сфер употребления дагестанских языков и снижения уровня владения родным языком.

Использование дагестанских языков в системе образования должно найти свое отражение в целевых долгосрочных и краткосрочных Программах по сохранению и развитию языков народов Республики Дагестан. Ученые нашего института разработали программу по сохранению и развитию дагестанских языков. Однако наши старания и предложения остаются гласом вопиющего в пустыне.

В письмах, обращенных в органы государственной власти РД, предлагалось участие ученых в разработке научной составляющей целевых программ, однако до сих пор наша помощь не востребована.

К сожалению, до сих пор не принят Закон «О языках народов Дагестана», где можно было бы предусмотреть меры по сохранению и развитию языков народов Дагестана. Важными представляются также

разработка и финансирование республиканских целевых программ, реализация которых приведет к изданию художественной, научной, учебной и учебно-методической литературы на языках народов Дагестана.

Необходимо уделить серьезное внимание воспитанию и обучению в детских дошкольных образовательных учреждениях, а также подготовке специалистов, работающих в области сохранения и развития языков народов Дагестана.

Кроме этого, приветствуется создание в регионе специального экспертно-консультативного совета, призванного заняться проблемой сохранения дагестанских языков. Членов этого совета необходимо выбирать из числа ученых, преподавателей, журналистов и литераторов для оказания методической помощи по сохранению и развитию языков народов РД, а также для сотрудничества по данному направлению с общественными объединениями и органами государственной власти.

В последние годы в практику преподавания вводится модель полилингвального и поликультурного образования. Полилингвальное обучение не только является отражением общегосударственных и национально-культурных интересов в сфере образования, но и выступает как неотъемлемая часть современного образования с учетом общих тенденций развития многокультурной и полиэтнической среды и сохранения культурной и национальной самобытности народов нашей страны.

Основопологающим принципом функционирования модели поликультурного образования является применение родного (первого) языка в роли языка обучения и изучения. С другой стороны, русский язык, охватывая российское образовательное пространство, общественно-политическую, хозяйственную и духовную жизнь федеративного государства, выступает первостепенно важным в роли одного из языков обучения и изучения. Приведенный выше подход дает возможность одновременно сохранить фундаментальные образовательно-воспитательные функции родного (первого) языка, при этом специфически усиливая роль русского языка, делая его активным посредником при функционировании родного языка (первого) и эффективным катализатором диалога культур.

Для формирования родной речи и языковой культуры, необходима языковая среда – дети должны постоянно слышать родную речь. Однако эфирное время на родных языках мизерное: в Республике Дагестан на радиовещание на национальных языках выделяется около получаса ежедневно, на телевещании – всего по одному часу в неделю.

Для полноценного развития родные языки должны стать языками фильмов, мультфильмов, интернета, современной качественной литературы и цифрового телевидения и т. д.

В процессе выработки практических решений и принятия системы мер, представляющих собой основу языковой политики, важным источником является социолингвистическая информация. Языковая политика оказывает значительное влияние на языковую, этническую, экономическую и общественную обстановку в регионе. Однако и её эффективность зависима от перечисленных выше условий развития языка и общества, а результаты социолингвистических исследований в стране – от характера языковой ситуации в том или ином регионе РФ. При этом важную роль играет фактор отношения власти к проблемам языков.

Проблемы языковой политики освещаются в исследованиях по истории, теории языка, языкознанию, политологии, юриспруденции, социологии и др. К сожалению, сегодня мы наблюдаем такую ситуацию, когда не лингвисты, а политики, идеологи и окол властные структуры взяли на себя не свойственные им функции регулировать соотношение языков в полиэтничном социуме, не учитывая, с одной стороны, реальных потребностей всех групп населения и, с другой стороны, функциональных возможностей самих языков. Это подтверждают казусы языковой политики, которые выявляются в нашей республике, где дилетанты берутся решать языковые вопросы и проблемы дальнейшего функционирования языков.

Основной целью языкового законодательства является урегулирование по возможности языковых проблем, возникающих при языковых контактах, конфликтах и проявлениях неравенства.

Правовое закрепление принципов общегосударственной языковой политики, разрешение проблемы соотношения национальных государственных языков, закрепление прав установления основы правового режима языков – важные аспекты правового регулирования в области языкового законодательства.

При языковом строительстве в Республике Дагестан наиболее насущной проблемой является правильное распределение функциональных ролей между общегосударственным (русским) языком и дагестанскими языками, имеющими в республикетокой же юридический статус. Основой для национальной политики в стране и в ее республиках преимущественно является языковое законодательство 80–90-х годов двадцатого века. Увеличение сфер обслуживания языка и прогресс форм его функционирования – факторы, которые способствуют защите

и сохранению языка. Все они зависят от условий, наиболее важными из которых принято считать наличие или отсутствие государственного статуса языка.

Государственный язык, выполняя определенный объем функций, зависит от того, насколько развита общественно-коммуникативная составляющая данного общества и насколько четко поставлены и решаются задачи языковой политики того или иного региона. Не подлежит сомнению необходимость выполнения государственным языком роли языка межнационального общения. Следовательно, зачастую данные функции берет на себя язык, имеющий наибольшее число носителей и являющийся самым развитым в стране. Изучение государственных языков зачастую вознаграждается материальным и моральным поощрением. Понятия «официальный язык» и «государственный язык» близки, так как подразумевают, что данный язык употребляется в законодательстве и государственном управлении. Но в то же время их функции могут быть и отличными друг от друга в зависимости от принятого законодательства и конкретной языковой ситуации в сообществе.

Что касается «миноритарных языков», то круг выполняемых ими социальных функций гораздо уже, чем у мажоритарного языка, и не охватывает престижные сферы общения (речь идет о государственном управлении, международной деятельности, науке, высшем образовании и т.д.). К миноритарным языкам на Кавказе относятся преимущественно языки Дагестана. Напомним, что некоторые ученые ограничивают количество носителей миноритарных языков 50 тысячами людей, что, на наш взгляд, не всегда оправдано, так как независимо от количества носителей языки могут быть развивающимися или отмирающими.

Высокая социальная значимость при решении вопросов законодательного контроля использования языков, их равноправие, придание языку конкретного статуса сегодня актуализируются на мировом уровне, что требует пристального внимания и изучения. Опыт международных организаций по разработке основных стандартов проведения языковой политики в многонациональных обществах, несомненно, представляет практический интерес для ученых, занимающихся проблемой сохранения языков в многонациональных регионах для определения динамики развития современных международных стандартов в сфере языковых прав народов Российской Федерации.

Одним из международных документов, защищающих языковые права меньшинств, является «Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств». Российская Федерация присоединилась к

странам, подписавшим Хартию, однако не ратифицировала ее. Факт ратификации данного документа может положительно отразиться на развитии российского законодательства в сфере использования национальных языков, поможет в дополнении сложившейся системы регулирования использования национальных языков страны в общественно-культурном аспекте жизнедеятельности новыми системами защиты региональных и миноритарных языков, созданными международным сообществом.

Список использованной литературы

1. www.wikipedia.org/wiki/Кумыки (дата обращения: 6.03.2013).
2. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура. Кн. 1. Махачкала, 2000. С. 9.
2. Алиев К.М. Кумыкские общины за рубежом: история и современность // Возрождение. Махачкала, 1999. № 5. С. 39.
3. Алимova Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 15-16.
4. Материалы из Википедии (Азербайджанцы) – свободной энциклопедии (дата обращения 6.03.2013 г.).
5. Гаджиева С.Ш., Гольдштейн А.Ф. Жилище дагестанских терекменцев. XIX – нач. XX в. // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 45.
6. Алимova Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 19.

Магомаев В.Х.,
ЧГУ, д.ист.н., профессор кафедры
«Отечественная история и политология»
г. Грозный
Магомаева Ф.В.,
научный сотрудник
институт гуманитарных исследований
Академии наук Чеченской республики,
г. Грозный

**РОЛЬ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА
В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА МЕЖДУ СОБОЙ И РОССИЕЙ
В XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

Аннотация: *В статье обстоятельно показана роль российских городов в торгово-экономических и культурных взаимоотношениях местных народов с Россией рассматриваемого времени.*

Ключевые слова: *Россия, Иран, Турция, Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, взаимоотношения, торговля, правительство.*

Abstract: *The article shows in detail the role of Russian cities in trade, economic and cultural relations of local peoples with Russia of the considered time.*

Keywords: *Russia, Iran, Turkey, North Caucasus, Dagestan, Chechnya, relations, trade, government.*

Как известно, с середины XVI в. усиливается османская экспансия на Северный Кавказ. Проникновение султанской Турции на Кавказ с каждым годом усиливалось. Обладание Северным Кавказом давало Османской империи огромные преимущества перед шахским Ираном, да и поставило бы Россию в крайне невыгодное положение [1, с. 80 – 81].

Для мирной созидательной жизни и безопасности, для защиты от иноземных врагов адыги просили построить на Северном Кавказе русскую крепость с военным гарнизоном. Первая такая русская крепость была заложена в 1567 г. на левом берегу Сунжи, недалеко от впадения ее в Терек. [23, с. 29]. Однако она просуществовала недолго.

В начале 1588 г. в Москву отправилось адыгское посольство с просьбой к царю Федору Ивановичу, чтобы он взял их под свое покровительство... «И велел бы государь для их обороны от Турсково, от

Крымсково на Терке город поставить». [13, с. 49]. Таким местом избрали дельту Терека и его приток – реку Тюменку.

В 1588-1589 гг. город-крепость Терки ставили воевода М. Бурцев и дьяк Протасов. Активное участие в строительстве этой крепости принимал и А.И. Хворостинин.

Несмотря на важное военно-стратегическое и экономическое значение территории, где располагался Терский город, для жизни людей он был малоприспособленным. Во время половодья вода из Терека часто затопляла окраины города.

В конце XVI – начале XVII века Терский город становится военно-стратегическим, политическим и экономическим центром Северо-Восточного Кавказа.

Терский город был не только крепостью: около него образовались четыре слободки с многочисленным местным населением (Черкасская, Новокрещенская, Татарская и Окоцкая). На улицах Терского города, особенно в период его расцвета можно было увидеть армян, грузин, персов индусов, турок, не говоря уже о всех народах Северного Кавказа, в том числе и ногайцев. Терки был центром транзитной и местной торговли на Северном Кавказе. В городе, кроме официальных учреждений, появляются торговые ряды, гостиные двory, где останавливались русские и восточные купцы, а также северокавказские торговые люди. В городе создается таможня для взимания пошлин с привозимых товаров [2, с. 408 - 409].

С первых же дней своего основания г. Терки являлся посредником в торговле между Северным Кавказом, Закавказьем, Ираном, Индией и другими странами. Из Терского города в разных направлениях шли торговые маршруты: морем до г. Астрахани, Дербента, Баку и до Ирана; сухопутным путем в Закавказье и Иран через Кизлярский перевоз, а также на переправу через реку Аксай, далее через Койсу на Тарки, Бойнак и до Дербента. Из Дербента можно было пройти в Азербайджан и Иран. Кроме того, существовала Османовская дорога, шедшая от Дербента на Тарки, оттуда на Сунженский перевоз и дальше до берегов Азовского моря и Дона [21, с. 23 - 37].

В конце XVI – первой половине XVII в. из Астрахани в Терский город привозили металлические изделия, в том числе ярославские висячие замки, в небольшом количестве железо и цветные металлы, льняные ткани, кожевенные изделия, меха и др. [17, с. 116].

Терский город и Дербент в XVI-XVII вв. оказывали большое влияние на развитие производительных сил региона. Через г. Терки и Дербент на российский рынок из Дагестана шли изделия кубачинских и

других мастеров, оружейников, ковры, войлоки, паласы, овчины, бараньи шубы и др. По словам турецкого путешественника Эвлия Челеби, Дербент в середине XVII в. представлял собой торгово-экономический центр, имевший широкие связи с соседними народами, в том числе и с ногайцами, а также более отдаленными государствами [16, с. 113].

Нужно сказать, что ногайцы торговали и в других местах. Так, в 1589 г. терский воевода сетовал на то, что в «Терский город ногайские и кумыкские люди не приезжают и ездят: Ногаи в Кумыки торговать, а Кумыки в Ногаи» [7, с. 55].

Еще ранее, в 1569 г. польский дворянин Тарановский, проезжавший по Северо-Западному Кавказу отмечал, что черкесы торговали с ногайцами, поставляя последним сукна и прочие предметы своего изготовления, а взамен получали от них овец и прочий скот [18, с. 335].

В XVII в. ногайцы, черкесы и абазины приезжали торговать в Азак (Азов) «с телегами и со всякими продажными товарами» [10, с. 211].

В XVII в. Терки становится важным центром политических и экономических связей для народов Северного Кавказа не только между собой, но и с Россией. По некоторым данным, нерусское население Терков в 1669 г. составляло более тысячи дворов [6, с. 37]. Здесь жили или временно находились русские, ногайцы, кумыки, кабардинцы, осетины, азербайджанцы, армяне, персы, индийцы, немцы, поляки, литовцы, грузины и др. Большинство населения составляли дагестанцы и вайнахи (чеченцы и ингуши) [13, с. 265]. Два раза в неделю в базарные дни местные северокавказские жители пригоняли в Терский город лошадей и скот на продажу [20, с. 117]. У местных народов терские казаки приобретали оружие и необходимый для хозяйства инвентарь, а также лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства и земледелия, брали даже «жен невенчанных» [8, с. 96].

В XVI-XVII вв. оживленную торговлю вели в Терках и ногайцы. Они поставляли скот и продукты скотоводства. Здесь в торговле с ногайцами русские и другие местные народы были заинтересованы не меньше самих ногайцев. Ногайцев даже освобождали от пошлин [3, с. 77].

Терский город креп и расширялся. Однако, построенный из дерева, он со временем ветшал, строения, затопляемые во время половодья, приходили в негодность. Уже в 1615 г. астраханский воевода И.Н. Одоевский сообщал в Посольский приказ, что г. Терки и острог «огнил», строителей для ремонта мало, и просил разрешения послать туда знающих людей, хлеба, «зелья и свинцу» [9, с. 46]. Вскоре, опасаясь затопления в половодье, Терский город перенесли на новое место. К началу 1623 г. он был отстроен почти заново.

Признавая военно-стратегическую важность этой крепости, российское правительство время от времени посылало военных инженеров для укрепления Терского города. В конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. здесь были проведены работы по водопроводному делу [19, с. 292]. В 30-х гг. туда был послан голландский инженер Клаусен, укрепивший г. Терки валами.

В 1667 г. терские власти, обеспокоенные тем, что у реки Тюменки постоянно размываются берега, обратились к российскому правительству с просьбой о перенесении Терского города в другое место – Копань.

Российское правительство с доводами терских воевод согласилось и в 1668 г. было принято решение построить новый город и крепость. Вскоре из Москвы сюда был направлен специалист по градостроительству, а из Астрахани – 100 плотников. Уже в 1669 г. все строения были перенесены на новое место, а также переведено все население.

Через 20 лет, в 1688 г. г. Терки опять «не повезло»: от пожара город сгорел дотла. Опять в помощь терцам были присланы плотники из Астрахани, Казани, Царицына.

Во второй половине XVII в. экономические связи Северного Кавказа с Астраханью и с Россией через г. Терки еще более упрочились. Здесь торговали приказчики именитых русских купцов, в частности известного купца Е. Светешникова из г. Ярославля [4, с. 102 – 103].

В середине XVII в. Дербент, как и прежде, представлял собой крупный торгово-экономический центр, имевший широкие связи не только с народами Северного Кавказа, но и многими восточными странами. Эвлия Челеби указывает на выгодное расположение города, который являлся древней сухопутной транзитной трассой, связующей Восточную Европу со странами Востока. Из разных ворот города «начинались торговые пути, которые вели к Шемахе, в Кипчакскую степь, в Крым, Казань и к Терской крепости» [15, с. 64 – 66].

Но уже в конце XVII в. г. Терки стал вывозить больше товаров, чем Дербент, потому что через него вели торговлю с Астраханью торговые люди всего Северного Кавказа.

В июле 1722 г., во время похода русских войск в Прикаспий, Терки посетил Петр I. Он осмотрел крепость. Расположение города, «ему не понравилось, по низкому и нездоровому месту, а особливо, что укрепление оногo потопляемо бывает морскою прибылою водою» [5, с. 20]. Петр I приказал город уничтожить и создать крепость на более удобном месте.

22 сентября 1724 г. царь подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей крепости Терки. Новая кр. Святой Крест находилась у реки Сулак в 200 верстах южнее Терека, в 67 верстах от устья реки Аграхани, там, где Койсу делится на два рукава: Южный Сулак и Северную Аграхань. Крепость постепенно превращалась в город. Сюда же переселились местные народы, ранее жившие в Терках слободами. По сведениям И. Гербера, у местных народов, живущих близ крепости Святого Креста, одно из ведущих мест занимала торговля [14, с. 99 – 101]. Развитию торговли способствовало также и решение правительствующего сената от 24 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста» [22, с. 295]. На рынок посада крепости собирались представители всех народностей Северного Кавказа. В крепости Святого Креста наряду с местными северокавказскими торговцами большой обмен вели русские, армянские, грузинские, персидские, индийские купцы. Здесь собирался крупнейший конский базар, где счет шел на сотни голов. Кроме того, здесь же торговали крупнорогатым скотом, овцами.

И. Гербер, участник похода Петра I к побережью Каспийского моря, оставшийся в Дагестане вплоть до 1729 г. отмечал, что «за городом крепости имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянскими, горскими, чеченцами, татарами и прочие». Он писал, что ногайцы «торгуют лошадьми и верблюдами».

Нужно также подчеркнуть, что крепость Святого Креста служила и крупным узловым пунктом транзитной торговли России со странами Закавказья и Ирана [12, с. 63, 64]. Так, имеются архивные данные о доставке в Дербент «ис крепости Святого Креста» астраханским ногайцем с двумя работниками 57 верблюдов на продажу [11, с. 83].

В крепости Святого Креста существовала Гражданская канцелярия и таможня, зорко следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей и т.д. [24, с. 91].

В крепость Святого Креста, кроме традиционного ассортимента товаров: железа и деревянных изделий, канцелярской бумаги, ткани, кож, также из Астрахани и других городов поступало продовольствие.

Таким образом, крепость Святого Креста заняла место своего предшественника – Терского города в снабжении населения Северного Кавказа промышленными и продовольственными товарами из России.

Список использованной литературы

1. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.
2. Абдусаламов М.-П.Б. Из истории торговых связей кумыков с Россией XVII-XVIII вв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17-19 марта 2016 г./под общ.ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верременко. СПб., 2016.
3. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. Черкесск., 1957.
4. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVI в. // Исторические записки. 1940 № 8.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3-х ч. СПб., Ч. 1. 1869.
6. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала: Дагкнигиздат, 1986.
7. Виноградов В.Б. Время, годы, люди. Грозный, 1980.
8. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965.
9. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX вв. / Отв. ред. В.А. Золотов. Ростов-на-Дону: Изд-во ун-та, 1984.
10. Жан де Люк // Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XIУ-XУШ вв. / Сост., введение, коммент. и вступит. статьи Кидирниязов Д.С. Махачкала, 1999.
11. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.
12. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы\ Под ред. О. М. Косвена и Х-М. О. Хашаева. – М., Изд-во вост. лит.,1958.
13. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Док.и мат. – В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во АНСССР. 1957. Т. 1.
14. Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией // В сборнике: Провинциальный город в XVIII – XX вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Кизляр, 2008.
15. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с казаками // В сборнике: Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба

России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2008.

16. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016.

17. Кидирниязов Д.С. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа (XVIII – XIX вв.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 2018.

18. Короленко И.П. Записки о черкесах // Кубанский сборник. Екатеринбург, 1908. Т. 14. С. 335.

19. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М.: Изд. АН СССР, 1963.

20. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017.

21. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв. / Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.

22. Русско-Дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы). 1958.

23. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М.: Соцэкгиз, 1958.

24. Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О., Абдусаламов М.-П.Б. Комендант крепости Святого Креста: права и полномочия как представителя российской администрации на Кавказе (1722-1735 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28).

Мисиева Л.А.,
к.филол.н., доцент,
ДГУ, г. Махачкала

КОНЦЕПТ «СКУПОСТЬ» В ЗЕРКАЛЕ АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация: В статье в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах анализируются аварские паремиологические единицы, формирующие образ скупого человека. Рассмотрены коды культуры, с которыми соотносятся характеризующие паремиологические образы (в основном имеет место использование телесного и пищевого кодов культуры, что в силу обозначаемого признака скупости человека имеет свое обоснование). Обращается внимание на лексико-семантический состав паремиологических единиц; определяется его роль в формировании образа скупого человека и выражении национально-культурных коннотаций.

Ключевые слова: аварские паремиологические единицы, скупость, особенности лексического состава, коды культуры, национально-культурные коннотации, гендерные признаки.

Аварские паремиологические единицы, в отличие от фразеологических, в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах изучены недостаточно. Образ скупого человека рассмотрен в кандидатской диссертации Н.П. Идрисовой на материале фразеологических единиц аварского языка [4]. Гендерные аварские фразеологические единицы, ориентированные на человека, в сопоставлении с английскими рассматриваются в диссертационной работе Л.А. Мисиевой [9].

Ряд публикаций посвящен анализу различных концептов, выражаемых аварскими паремиологическими единицами. Так, в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах рассмотрены паремии, актуализирующие концепты «труд» [6, с. 131-133], «пьянство» [7, с.186-189], «время» [10, с. 51-53; 3, с. 217-222], «Родина» [11, с.30-36], «смерть» [12, с. 122-124]; в лингвокультурологическом аспекте исследованы аварские компаративные паремиологические единицы [11, с.103-107], рассмотрен вопрос о роли морфолого-синтаксического состава аварских паремиологических единиц как средства формирования паремиологических образов [5, с. 13-17].

Из научных работ, имеющих непосредственное отношение к вопросам, поднимаемым в данной статье, следует отметить статью С.Ц.

Магадовой, посвященную проблеме отражения образа щедрого и жадного человека в лакских фразеологических единицах [8, с.47–50], в которой в частности отмечается, что лексический состав фразеологических единиц, характеризующих жадного и щедрого человека, может иметь национально-культурную специфику, связанную с особенностями эмоционально-интеллектуального освоения носителями данного языка окружающей действительности» [8, с.47].

Исследование роли лексико-семантического состава паремиологических единиц в формировании образа скупого человека следует считать актуальной проблемой, так как такая проблема имеет не только собственно лингвистическую, но и лингвокультурологическую значимость: лексические составляющие паремиологических единиц могут быть наименованиями национально-культурных реалий и носителями национально-специфических коннотаций.

Аварские паремиологические единицы, отражающие образ скупого человека, не являлись предметом специального исследования. В связи с этим в данной статье рассматриваются особенности лексического состава характеризуемых паремий; внимание обращается также на коды культуры, с которыми соотносится фразеологический образ скупого человека, и символы, являющиеся культурными знаками языка.

Материалом для анализа послужили паремиологические единицы, собранные из сборника аварских пословиц и поговорок [2]. Паремиологические единицы в целях сохранения внутреннего образа и демонстрации соответствующих национально-специфических коннотаций в основном даются в буквальном переводе. В необходимых случаях в квадратных скобках даются комментарии.

Прежде всего следует отметить, что характеризуемые аварские паремиологические единицы через ключевой компонент *чехь* «живот» соотносятся с ключевым телесным кодом культуры. Использование данного компонента, сопровождаемого различными определительными компонентами, приводит к формированию образа скупого (=жадного) человека, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры, в которых негативная оценка обозначаемого качества и коннотации усиливаются причастными компонентами в роли предикатов, употребленными вместо финитных глагольных форм. В предикативно характеризующей функции употребляются и прилагательные:

Чехь г1орц1аниги, берг1орц1уларев [прич.] «Хоть живот сыт, глаза голодные». Чехьг1орц1арав [прич.] – бербакъарав [прич.], рукъбечедав [прил.] – рак1мискинав [прил.] «С сытым животом, но с

голодными глазами, с богатым домом, но с бедным сердцем» (букв. «Живот [у которого] сытый – глаза [у которого] голодные, дом [у которого] богатый – сердце [у которого] бедное»). Чохьолгурони мацІлъаларев[прич.] чадил гуронибицунарев[прич.] «Только язык животазнающий/понимающий (=знает), только о хлебе рассказывающий (=рассказывает)».

Как свидетельствует часть приведенных примеров, в формировании данного образа одновременно принимают участие два соматизма – чехь «живот» и бер «глаз». При этом признак скупости через предикативно характеризующие определительные компоненты усиливается подчеркиванием именно ненасытности глаз: бер гІорцІуларев «ненасытный» (букв. «глаза у которого ненасытные»), бербакъарав «ненасытный» (букв. «глаза у которого голодные») и т.д. Интересно и то, что в усилительной функции употреблена форма единственного числа бер «глаз» вместо формы берал «глаза». Такое явление особенно характерно для паремиологических единиц разных (в том числе дагестанских) языков.

Некоторые из рассматриваемых паремиологических образов строятся на основе противительно-уступительных смысловых отношений, характеризующихся логическим противоречием: [хотя] живот насытился, глаза не насытились; [хотя] живот насытился, глаза голодные и т.д.: ср. также: Бикъун [деепр.], бергІорцІичІев [прич.], кванан[деепр.], чехьгІорцІичІев [прич.] «Украв (=хотя украл), глаз не насытился, поев (=хотя поел), живот не насытился».

Отдельные паремиологические единицы, отражающие образ скупого человека, структурно и семантически организуются употреблением противопоставлений антонимического характера, что приводит к расширению коннотативных возможностей языковых средств в новых синтаксических условиях. Антонимические противопоставления могут носить и контекстуальный характер:

Чехь бакъарав, рукъ мискинав «Живот у которого голодный, дом у которого бедный». Жиндирабгочехьалькъварав, чияраббералькъварав «Своё животом съел, чужое глазами съел». Жинцагквани, чехьунтулев, чияцаквани, мугъунтулев «Если сам съест – живот болит, другой съест – спина болит» (в значении «ни себе, ни другим»).

Имеет место логически мотивируемая соотносительность некоторых фразеологических образов скупого человека с пищевым кодом культуры:

ТІабкІиниб хинкІ букІаго, харбидевуссунарев «Пока есть хинкалы на подносе, к беседе не приступает» (в усилительной функции для

обозначения множественности использована форма единственного числа хинк1 [вместо хинк1ал «хинкалы»]). Хъабинибрахъ бук1аго, гъудкодоса биччач1ев «Пока в крынке есть молоко, ложку из рук не выпускает».

Косвенно паремиологические образы скупого человека соотносятся с пищевым кодом культуры и через компоненты кваназе «есть», х1арччи «поднос для еды», беч1ч1изе «доить» [молоко], бер «глаза», чехъ «живот» и т.д.:

Жиндирабгочехъалькварав, чияраббералькварав «Свое животом ест, чужое глазами» (=съев свое, норовит съесть и чужое). Кванайкъарияв, х1алт1и х1алакъав «Еда у которого жирная [=ест хорошо], работа у которого худая [=работает плохо].

На принципе алогизма, небывальщины построены отдельные паремиологические образы, соотносительные и с зоомрфным кодом культуры. Достаточно часто такие паремиологические единицы характеризуются национально-культурными коннотациями, о чем свидетельствуют следующие паремиологические единицы:

Г1адада жо теларилан хвараб г1ака беч1ч1арай [прич.] – букв. «Чтобы напрасно не оставлять [=чтобы получить выгоду], подошедшую корову подоила». Хайир бук1ине хоногик1к1варав[прич.], к1к1араги беч1ч1арав [прич.] «Чтобы польза была, яйцо сбрил и комараподоил».

Признак скупости в отдельных паремиологических образах ассоциативно пересекается с отсутствием достоинства, с никчемностью человека, с его низкими морально-нравственными качествами (чаще так характеризуются лица мужского пола, что говорит об отрицательной коннотации, обусловленной гендерным признаком). Актуализация негативных образов лиц мужского пола мотивируется ментальностью носителей аварского языка, которые то, что прощают женщинам, не прощают мужчинам и соответствующие образы создают использованием языковых форм со значением осуждения. Отнесенность обозначаемого негативного качества к лицам мужского пола обычно обозначается употреблением в составе причастного предикативного компонента показателя -в первого [мужского] класса:

Боц1ухъ г1умру бичарав, чадиxънамуcбичарав «Ради богатства жизнь продавший [=продал], ради хлеба достоинство продавший [=продал]». Чехъсабаблъун бет1ер хварав «Из-за живота [ненасытного] голову [=достоинство] потерявший [=потерял]». Чадиxъгъанбичарав, чохъоцарехарав «За хлеб себя продавший [продал], из-за живота отвергнутый [окружающими]».

В таких паремиологических единицах выделенные причастные предикатные компоненты, соотносительные в русских переводах с глаголами, выражают негативные коннотации, связанные, прежде всего, с отрицательной оценкой лиц мужского пола.

Проведенный анализ концепта «скупость» в аварских паремиологических единицах, позволяет обобщенно отметить следующее.

Большинство анализируемых паремиологических единиц соотносится с телесным и пищевым кодами культуры, поддерживаемыми непосредственно или косвенно соответствующими лексическими составляющими. Функцию предикативно или определительно характеризующих компонентов выполняют в основном причастия и прилагательные, в составе которых гендерный признак актуализируется употреблением соответствующего показателя лица.

Категоричность негативных оценок и национально-культурных коннотаций поддерживается уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма (небывальщины), которым характеризуется обозначаемая ситуация. В ряде случаев многослойная модально-семантическая база аварских паремиологических единиц, отражающих образ жадного/ненасытного человека, определяется особенностями их лексико-семантического состава.

Список использованной литературы

1. Абдуразакова З.Г. Лингвокультурологическая характеристика аварских компаративных паремиологических единиц // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2014.

2. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. – Махачкала, 1972 (на ав.яз.).

3. Алиханова Л.Г. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц темпоральной семантики // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2014.

4. Идрисова Н.П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках: Автореферат ...дис. канд.фил.наук. – Махачкала, 2006.

5. Магомедова А.Н. Морфолого-синтаксический состав аварских паремиологических образов как средство формирования паремиологических образов // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2012.

6. Магомедова А.Н. Некоторые особенности лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2013.

7. Магомедова А.Н. Концепт «пьянство» в зеркале аварских паремиологических единиц // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2014.

8. Магадова С.Ц. К вопросу о фразеологических образах «щедрый» – «скупой/жадный, ненасытный» в ласком языке (лингвокультурологическая характеристика) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. VI. – Махачкала, 2012.

9. Мисиева Л.А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: Автореферат дис....канд.филол.наук. – Махачкала, 2008.

10. Самедов Д.С., Алиханова Л.Г. Наименования времен года в аварских паремиологических единицах, выражающих концепт «время» // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. – Махачкала, 2012.

11. Самедов Д.С., Магомедова А.Н. Концепт «Родина» в русских и аварских паремиологических единицах // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Выпуск VI. – Махачкала, 2012.

12. Самедов Д.С., Магомедова А.Н. Концепт «смерть» в русской и в аварской языковых картинах мира (на материале русских и аварских паремиологических единиц) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Выпуск VI. – Махачкала, 2012.

Бавбекова А.С.
старший преподаватель
Филиал ДГУ г. Кизляра

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Аннотация: *В данной статье рассматриваются причины снижения уровня культуры общества и анализируются возможности повышения коммуникативной компетентности студентов при изучении дисциплин «Методика преподавания русского языка в школе» и «Русский язык и культура речи».*

Ключевые слова: *коммуникация, интонирование русских предложений.*

Когда люди встречаются, они разговаривают. Не всегда, не везде, но в большинстве случаев. Они могут вступать в контакт, даже находясь далеко друг от друга, используя письменную речь.

Речь – это то, что составляет саму суть социального взаимодействия. А самые разнообразные виды разговоров – от повседневной болтовни до эмоциональных признаний. От деловых совещаний и переговоров до выступлений в средствах массовой информации – становятся предметом теории речевой коммуникации.

Русский язык является наиболее распространённым языком в России. Им владеют не только русские, но и другие народы нашей многонациональной Родины. Молодое поколение нашей республики Дагестан практически овладевает двумя языками, что значительно расширяет возможности культурного и интеллектуального сближения наций Дагестана, способствует укреплению их единства и дружбы.

Русский язык – это национальный язык, выразитель и хранитель духовной культуры русского народа. Он отличается богатством лексики, фразеологии, звукового и грамматического строя, выразительных и художественно – изобразительных средств.

Современный литературный язык оказывает огромное влияние на развитие и совершенствование национальных языков. Из русского языка в национальные языки вошли многочисленные слова, отражающие социально – экономические и культурные преобразования в жизни

народов России. Под влиянием русской литературы возникли ранее неизвестные национальным литературам жанры (повести, романы, басни), стили (научный, публицистический, официально – деловой, художественный).

Русский язык добровольно изучается во всех учебных заведениях национальных республик. Овладение русским языком, добровольно принятым даге станцами в качестве межнационального общения наряду с языком своей национальности, доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры. Русский язык, как и родной язык, является средством повышения культуры трудящихся республик, средством приобщения их к культурным достижениям других народов России и к мировой культуре, средством укрепления дружбы и взаимопонимания между разными народами.

Для того, чтобы учащиеся в республике овладели русским языком, русской речью обучение русскому языку начинается в дагестанской начальной школе с предварительного устного курса. В ходе игровой и учебно – игровой формы учащиеся овладевают определённым количеством слов, их сочетаниями, нормами произношения. У них и формируются навыки восприятия. Они учатся воспроизводить услышанное и составлять самостоятельное высказывание. Такие уроки получили название предварительного устного курса, или разговорных уроков.

Предварительный устный курс формирует только два вида речевой деятельности – аудирование и говорение. Лишь после овладения этими видами речевой деятельности можно приступить к обучению чтению и письму.

Цель устных разговорных уроков – создание артикуляционно – акустической базы, накопление необходимого количества слов. Формирование первоначальных навыков устной речи.

Задачи предварительного устного курса состоят в следующем:

- 1) сформировать у учащихся навыки правильного произношения и интонирования русских предложений;
- 2) накопить у детей необходимый словарно-фразеологический запас как основу обучения русскому языку;
- 3) привить учащимся навыки построения различных типов предложения и связной речи (небольшие рассказы по сюжетным картинкам и личным наблюдениям) [1,с.51].

Следовательно, основной задачей предварительного устного курса является формирование элементарной русской речи, способности пользоваться русской речью в коммуникативных целях. Такая речь в

пределах изученного материала по своему характеру должна быть свободной, естественной, спонтанной. Для достижения этой цели необходимо несколько усовершенствовать содержание и методы обучения в период предварительного устного курса.

В раннем возрасте устная форма любого языка усваивается легче. Это объясняется тем, что слуховой артикуляционный аппарат детей ещё не укрепились. Однако проведение лексических уроков на должном методическом уровне – дело не легкое. Оно требует от учителя большой эрудиции, методического мастерства, находчивости и сообразительности.

«Предварительный устный курс – это начало обучения русскому языку. На этих первых уроках закладываются те основы, которые будут опорой при дальнейшем обучении детей русскому языку как в восьмилетней. Так и в средней школе», – писал Ф.Ф Советкин [1, с. 24].

Представляется, что главным условием усвоения русской речи является её повторяемость в различных сочетаниях. Поэтому в тематических и поурочных планах работы одновременно с введением новых слов, словосочетаний, фраз, предложений необходимо предусмотреть повторение ранее изученных. Это – основное условие обогащения активного словаря и русской речи учащихся. Рекомендуется вести строгий учёт повторяемости изученной лексики.

В соответствии с требованиями программы по русскому языку учащиеся, оканчивающие национальную среднюю школу, должны свободно владеть русской речью в её устной и письменной формах, поэтому основным направлением курса русского языка в национальной школе является формирование и развитие русской речи учащихся. Развитие речи в школе включает работу над восприятием русской речи в тесной связи с изучаемыми лексико – грамматическими средствами русского языка. Это активное говорение; усвоение норм литературного произношения, написания, словоизменения, сочетаемости слов в предложении и стилистических возможностей отдельных слов, словосочетаний и конструкций; формирование и развитие умений и навыков связанного изложения мыслей в устной и письменной формах.

В процессе обучения русскому языку необходимо развивать и устную и письменную речь учащихся. На начальной стадии особое внимание необходимо уделять развитию устной речи, а на её основе – письменной речи учащихся [4,с.6].

Методика преподавания языка – одна из основных учебных дисциплин, формирующих профессиональные умения и навыки будущего учителя русского языка и литературы.

В связи с усилившейся коммуникативной направленностью в преподавании языковых дисциплин в школе и в вузе, возросло внимание к проблемам культуры речи.

С литературным языком тесно связано понятие культуры речи. Умение четко и ясно выразить свои мысли, говорить грамотно, умение не только привлечь внимание своей речью, но и воздействовать на слушателей, овладение культурой речи – своеобразная характеристика профессиональной пригодности для людей самых различных профессий: дипломатов, юристов, политиков, преподавателей школ и вузов, работников радио и телевидения, журналистов.

Изучение курса «русский язык и культура речи» предполагает знакомство студентов с основами знаний о речи, качествах речи, с нормами современного русского литературного языка. Поэтому на лекциях и практических занятиях по данной дисциплине студенты исследуют основные аспекты культуры речи (нормативный, коммуникативный, эстетический); в процессе выполнения разнообразных упражнений и заданий усваивают такие качества речи, как точность, понятность, чистота, богатство, выразительность устной речи.

Сведения по культуре речи включены в школьные программы и учебники по русскому языку (т.е. являются объектом изучения), следовательно, в курсе методики необходимо формировать профессиональные умения и навыки студентов, основанные на знании принципов, методов и приемов изучения данного языкового материала на уроках русского языка.

Знания по культуре речи являются одновременно и средством обучения, так как опора на эти знания позволит будущему учителю оптимизировать учебный процесс в школе [2,с.62].

Все вышеперечисленное является объектом изучения и в школе, а значит обуславливает необходимость рассмотрения в курсе методики преподавания русского языка такой темы, как «методика работы по культуре речи на уроках русского языка». На практических и лабораторных занятиях по данной теме студенты анализируют современные программы и учебники определяют в них и содержание курса «Культура речи», обсуждают методы и приемы изучения речевого материала на уроках русского языка разрабатывают упражнения и задания, позволяющие совершенствовать культуру речи школьников. Отдельные занятия посвящены анализу речевых и грамматических ошибок и их предупреждению в речевой практике учащихся. Готовясь к практическим занятиям, студенты изучают необходимую методическую литературу, конспектируют «Нормы оценки знаний, умений и навыков,

учащихся по русскому языку», составляют таблицу «Классификация ошибок и их графическое обозначение».

На лабораторном занятии студенты выполняют упражнения на нахождение, исправление ошибок (при проверке изложений и сочинений); составляют конспекты урока по теме «Работа над ошибками в изложении (сочинении)».

В курсе «Культура речи» студенты учатся владеть своим голосом, навыками публичного выступления, знакомятся со способами управления вниманием аудитории. Это является важным фактором эффективности педагогического общения, а слово в устах преподавателя становится средством воспитания культуры речи школьников. Учитель русского языка не просто обучает детей культуре речи, он сам должен быть образцом владения правильной русской литературной речью.

Очень важным в профессиональной подготовке студентов является изучение темы «Общение». На занятиях рассматриваются: структура речевого общения, ситуация общения, виды общения, усвоение специфики педагогического общения. Именно на таких занятиях по культуре речиформируется коммуникативная компетентность будущих учителей-словесников.

Студентам важно показать, что успех урока зависит не только от содержания выбранных методов обучения, но и от планирования его речевой структуры. При разработке конспектов уроков они должны научиться предвидеть, каким будет речевое взаимодействие учителя с классом.

Очень важным для формирования профессиональных умений и навыков студентов является изучение в курсе «Культура речи» методики преподавания темы: «Речевая деятельность. Виды речевой деятельности». Именно эта деятельность в ее разновидностях (чтение, письмо, говорение, слушание) должна составлять содержание любого урока русского языка в школе. Знание особенностей каждого вида речевой деятельности позволяет студентам осознанно подходить к составлению конспекта урока, целенаправленно планировать тот или иной вид деятельности на определенном этапе урока.

Будущий учитель – словесник должен владеть методикой развития речи на уроках русского языка, включающий в себя совершенствование у учащихся навыков создания жанров как устной речи (беседа, диалог, рассказ, ораторское выступление и др.), так и письменной речи (статья, реферат, расписка, заявление, очерк и др.) [З.с.26].

Знание особенностей всех жанров помогает студенту овладеть профессиональной речью, нормами речевого поведения в учебном процессе. К языковой грамотности студентов – будущих педагогов – должны быть предъявлены повышенные требования, так как по уровню грамотности выпускников вузов можно судить об их отношении не только к языку, но и к родному языку последующих поколений

Список использованной литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
2. Львов М.Р. Основы теории речи: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
3. Чуприкова Н.И. Психология обучения. – М., 1995.
4. Буржунов Г.Г. Методика преподавания русского языка в дагестанской национальной школе. 2-е издание, переработанное, Махачкала, 2004.

Назаралиева А. М.

докторант Института Археологии и
Этнографии НАНА г. Баку

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ-АШКЕНАЗАМИ АЗЕРБАЙДЖАНА

AÇAR SÖZLƏR: YƏHUDI AŞKENAZLAR, IDIŞ, XABAD OR-AVNER

Ключевые слова: *еврей-ашкеназы, идиш, Хабад ор-Авнер.*

Key words: *ashkenazi jews, yiddish, Chabad or-Avner.*

Родной язык является одним из важнейших элементов культуры. Это нечто большее, чем средство общения. Именно язык есть мерило и отражение внутреннего состояния нации, самый мощный фактор формирования этнического самосознания и достоинства, любви и уважения к родной земле [1, 134].

Уже в первый год существования независимого Азербайджана, в сентябре 1992 года был издан указ президента республики «О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языка и культуры

национальных меньшинств Азербайджанской Республики». Это был первый государственный документ подобного рода в бывших советских республиках. Он создал правовую базу для сохранения и развития национальной культуры и языка национальных меньшинств страны [2].

После обретения Азербайджаном независимости азербайджанскому языку был дан статус государственного. Не только мусульманские народы, но и евреи, проживающие на территории Азербайджана, нередко между собой общаются на азербайджанском языке [3, 27]. В сложившейся ситуации «бросаются в глаза» случаи, когда жители Азербайджана – представители других национальностей – свободно владеют нашим родным языком. Среди евреев разных поколений можно привести немало таких примеров [1, 135-136].

Одной из наиболее ярких личностей, коренной бакинкой с почти 90-летним жизненным стажем, поражавшей людей многогранностью своего таланта и огромным жизнелюбием, являлась Иветта Григорьевна Плям. Важной стороной ее личности было уважение к культуре той страны, в которой она жила, почтительное отношение к ее языку. Еще в сороковых годах, принятая на работу преподавателем в музыкальную школу-десятилетку по приглашению К.Сафаралиевой, она проявила эту способность, которая сразу была оценена руководством: из трех молодых преподавателей, оформленных на работу в этот период, только И.Плям было поручено вести занятия в азербайджанских классах. Переведенные с русских учебников и составленные ею конспекты по курсу музыкальной литературы, который она вела, «ходили по рукам» по всему Баку. Неустанная работа над собой, многочисленные переводы, общение с друзьями, коллегами, учениками на азербайджанском языке шлифовали ее речь. Как-то раз, посетивший музыкальную школу инспектор, проверяя учебный процесс, зашел на урок к Иветте Григорьевне. Оставшись доволен ведением занятия и лекциями педагога, говорившего на чистом азербайджанском языке, он потом долго не мог поверить в то, что эта молодая учительница была не азербайджанкой, а еврейкой [1, 136].

Хотя все евреи разделяют одну и ту же религиозную основу, почитают Тору и признают Талмуд, их культура и языки различны [4, 19]. Самой крупной еврейской общиной в мире является ашкеназийская. Как минимум до тридцатых годов XX века для евреев этой общины «домашним» языком был идиш. Как и все евреи ашкеназы в мире, евреи-ашкеназы Азербайджана говорили на идиш. Число людей, говорящих на идише накануне Второй мировой войны, оценивалось в 11

млн. человек. Оно резко сократилось в связи с уничтожением миллионов европейских евреев и позднейшим вытеснением идиша языками окружающих народов, а в Израиле – ивритом [5].

Сегодня идиш используется всё реже и реже. Старое поколение ашкеназских евреев владело идишом, среднее поколение в основном владеет русским языком, новое поколение владеет тремя языками: азербайджанским, русским и ивритом. Мой прадед Погостер Борис Бер-Шлемович в глубокой старости не был способен вспомнить, кто такие его дети, как их зовут, но когда ему принесли книгу на идиш, дедушка ее читал и сразу же делал подстрочный перевод.

Азербайджанское государство проводит политику поощрения свободного развития языков всех национальных меньшинств, проживающих на его территории. В школе номер 46, расположенной в Насиминском районе города Баку, преподается иврит. Также в Баку функционирует школа «Хабад ор-Авнер», где еврейские дети обучаются на своем родном языке. В школе учатся 200 учеников от детского сада до 11-го класса, а также работает 40 учителей. Данное учебное заведение следует государственным правилам, касающимся стандартов и учебных программ, но наряду с этим включает английский язык и классы иврита для всех учащихся.

Для сравнения можно сказать, что в Азербайджане для горских евреев так же как у других этнических групп еврейской диаспоры, всегда было характерно многоязычье. Что касается древнееврейского языка, то его престиж у горских евреев был всегда очень высок. Вот что пишет об этом Феликс Шапиро: «Для горских евреев Лошн-кодеш является святым языком – языком общения с Богом» [6, 74]. Несмотря на многоязычье, горские евреи сохранили свой собственный, татско-еврейский язык.

Список использованной литературы

- 1) Евреи в культуре и искусстве Азербайджана. Изд-во «Адилъ-оглы», Баку. 2008.
- 2) Айдын Балаев Лезгины Азербайджана. [http://anl.az/el/emb/Multikulturalizm/meqale / A.Balayev.Lezgini-Azerbaycana.pdf](http://anl.az/el/emb/Multikulturalizm/meqale/A.Balayev.Lezgini-Azerbaycana.pdf).
- 3) Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX веках. Баку, 2005.
- 4) Пол Кривачек Идишская цивилизация. Москва, Гешарим. 2012.
- 5) Барух Подольский Идиш и иврит. <https://www.slovar.co.il/idish.php>.

6) Ф.Л.Шапиро Горские евреи // Сборник статей и материалов. Иерусалим, 1983.

Aygün Məhərrəm qızı Nəzərəliyeva
Azərbaycandakı aşkenaz yəhudilərinin arasındakı müasir etnodil prosesləri

Xülasə

Məqalə Azərbaycanda yaşayan aşkenaz yəhudilərinin ünsiyyət vasitəsi kimi istifadə etdikləri dillərin tədqiq edilməsinə həsr edilmişdir. Azərbaycan dövlətinin onların sərbəst şəkildə yaşamaları üçün hər bir şərait yaratması da xüsusi olaraq vurğulanmışdır.

Aygun Maharram qızı Nazaraliyeva

Modern ethno-linguistic processes between ashkenazi jews of Azerbaijan

Summary

The article is devoted to the study of the languages used by ashkenazi jews as a means of communication. It is also especially noted that the Azerbaijani state has created all the conditions for their free residence.

Джамалов К.Э.,
д.п.н., профессор
ДГУ, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О СЛОВСОЧЕТАНИИ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, связанные с анализом словосочетаний в рутульском языке по структурно-семантической организации, формированию семантико-грамматических отношений между компонентами словосочетания и с особенностями семантики, впервые поднятые в данной работе на материале рутульского языка, не претендуя на исчерпывающее их рассмотрение.

Ключевые слова: семантика стержневого слова, подчинительная связь, смысловые отношения между компонентами словосочетания, перцептивные глаголы, ментальные глаголы.

Словосочетание в рутульском языке, как и синтаксис простого предложения совершенно не изучены. Что касается синтаксиса сложного предложения, то в 2014 году изданы «Очерки по синтаксису сложного предложения (Самедов Д.С. и Джамалов К.Э.). В данной статье

мы не претендуем на всесторонний анализ и исчерпывающее описание словосочетаний в рутульском языке. Эта первая попытка рассмотрения словосочетания по основным критериям, а именно выявить типы словосочетаний в рутульском языке (простые, сложные и комбинированные); рассмотреть словосочетания по главному слову: именные (субстантивные), глагольные и наречные; рассмотреть вопрос о видах подчинительной связи слов в словосочетании (согласование, управление и примыкание); дать анализ словосочетаний по выражаемым ими смысловым отношениям между компонентами, образующими словосочетание, (определительные, объектные и обстоятельственные). В рутульском языке связь между компонентами словосочетания устанавливается на основе подчинительных отношений: согласования, управления и примыкания. В отличие от лезгинского, табасаранского и агульского языков, где отсутствует категория грамматического класса, а в рутульском языке имеются 1У грамматических класса, которые в какой-то степени соответствуют категории рода в русском языке (особенно 1 и 11 классы – класс мужчин и класс женщин).

Простые словосочетания в рутульском языке образуются из двух знаменательных слов на основе одного из вида подчинительной связи: дидыд хал «отцов дом», гъабхыдысыв «высокая гора», былахадхъед «родниковая вода», дарсбыргъакъын «делать уроки», паркагъяйгъыІн «гулять в парке», кІыбйиркыын «приходить быстро», хъудхъусдымартатаба «пятый этаж», хъибадихылисгъухъун «сказать трижды». Мы относим к простым словосочетаниям, состоящие и из трех слов, где объединяются морфологически неоформленные основы, например: дидыфангъагъачІун «выйти с отцом» или если деепричастие относится к главному слову в качестве единого компонента, например: ниныд бадана хъуІгъуІра «ради матери прихожу», мактабадиулихъдаьлурзара «возле школы стоя». Подобные трехсловные словосочетания легко трансформируются в двухсловные, сравните: дидыфангъагъагъачІун = дидыфангъагъачІун, ниныд бадана хъуІгъуІра = ниныхдаьхъуІгъуІра, мактабадиулихъдалурзара = мактабадаьлурзара и т. д.

Сложные словосочетания в рутульском языке образуются, как и в других дагестанских языках, распространением простого словосочетания, а именно присоединением к простому словосочетанию зависимого слова, которое уточняет или какое-то слово в словосочетании или все словосочетание в целом: йизыдуфтаныд хал «мой красивый дом» = уфтаныд хал «красивый дом» и йизыд хал «мой дом»; дидыскумагъаьпІын «отцу оказать помощь» = кумагъаьпІын «оказать по-

мощь» и дидысгъаьпшы «отцу помочь»; хынихмактабагыргын «мальчика отвести в школу» = мактабагыргын «отвести в школу», хынихгыргын «отвести мальчика».

В рутульском языке можно выделить и комбинированные словосочетания: ектухъун китабкылярасикъун « всю ночь книгу читая сидеть » = ектухъунсихъун « сидеть всю ночь », кылярасикъун « сидеть читая », китабкылярасикъун « сидеть читая книгу »; уттуркылякын цџиныд газит « увлеченно читать свежую газету » = газиткылякын « читать газету », цџиныдгазит « свежая газете », уттуркылякын « увлеченно читать ».

По семантике стержневого слова в рутульском языке можно выделить следующие типы словосочетаний: именные (субстантивные, адъективные и с числительным в роли главного слова), глагольные (с объектными и обстоятельственными отношениями) и наречные. В именных словосочетаниях главное или стержневое слово выражается чаще всего именем существительным, но может выражаться и прилагательным, числительным и местоимением. В качестве зависимого слова в субстантивных словосочетаниях могут быть существительные, прилагательные, местоимения, числительные и причастия: а) с существительным в качестве зависимого слова: халыдкъов « крыша дома », титратадыджер « лист тетради », дидыдгылымад « шуба отца », шегьердидкъирагъ « край города », нецџурыдгаьри « русло реки », халыдмас « стена дома », столадугъсур « поверхность стола » и т.д.; б) с прилагательными в роли зависимого слова: итдыды чей « сладкий чай », гъабхыдысыв « высокая гора », уфтандырыш « красивая девушка », мыкыдхъед « холодная вода » и т.д.; в) с числительным в качестве зависимого слова: саьхъусыддарс « первый урок », цџисахъусды класс « одиннадцатый класс », кьваџрхъусдырыш « вторая девочка », шилыд майдан « зеленая поляна » и т.д.; г) с местоимением в качестве зависимого слова: йизыдкитаб « моя книга », гъунудхасиет « его привычка », гъармазыра « каждый месяц » и т.д.; д) с причастием в качестве зависимого слова: гъаьпшыдыгвалах « сделанная работа », луркад масс « падающая стена », саџкыд цџа « потухший огонь ».

В адъективных словосочетаниях с главным словом прилагательным в роли зависимого слова чаще всего выступают имена существительные, местоимения, наречия: быйдисгъархыды « ростом высокий », хьесымаябаьтџраьды « лицом красивый », ниньсхъыргады (II класс) « любимая матерью », джендис заџифды « телом слабый, худой »; вышнендишды « никого не имеющий », жесхъыгады « любимый нами », заскикады « похожий на меня », бала писды « очень злой », лап гъабхыды

(III класс) «слишком высокая (гора)», писана мыкыд (IV класс) «сильно холодный (день), гыҥнекал сигҥды (III класс) гъава «по-летнему теплая (погода)». Словосочетания с именем числительным в роли главного слова: хыбырхъусдыгъабишикыды «третий их из них», йицҥырхъусды аля сана «десятый сверху» и т. д.

Глагольные словосочетания в рутульском языке представлены широко. Главным словом в глагольных словосочетаниях выступают простые глаголы, сложные глаголы, а также фразеологизмы, слова с глагольной семантикой. Характер отношений и связей в глагольных словосочетаниях зависит не только от семантики главного слова, но и от сочетаемостных (валентностных) свойств глагола. Глагольные словосочетания в основном образуются в основном на основе подчинительной связи управления и выражают при этом объектные или обстоятельственные отношения. Объектные отношения выражаются с помощью следующих типов глаголов: перцептивных, выражающих различные состояния (эмоциональные, слуховые, зрительные и т.д.), физических действий и ментальных, выражающих мыслительные процессы.

1. Словосочетания с перцептивными глаголами, выражающими объектные отношения: дунйагъабгун «увидеть мир», сасадунйыҥхыҥн «услышать голос», хылабасмыкыагышин «рукам стать холодно», сигыягичҥвышин «бояться медведя», йикгыабизаргышин «надоедать мясо», йамагитдагышин «обед вкусным стать», йуҥшбыр сигҥдыдгышин «ночи становиться теплыми», рышрыггарарышин (II класс) «полюбить девушку», хинкалаккъл петҥвышин «хинкалоказаться мало соли», нек чҥирчҥимавышин «молоко стать кислым» ниныссасмыдунйыҥхыҥн «мать (дат.п.) звуки услышать».

2. В глагольных словосочетаниях объектные отношения чаще всего выражаются глаголами с физическим воздействием, где именная часть содержит сему предмета или орудия действия: балтыдихъвангичҥгивин «напугать топором», кылынгъвахъан уҥтхъуҥн «копать киркой», зебырйезин «надоить коров», хал лицҥын «строить дом», чҥанкҥыхъванубулфабкын «капканом волка поймать», сырыхчейфахъгын «поймать вора». В подобных случаях главное слово может выражать значение столкновение, соприкосновение с кем-либо при ударе: гыкбулчерчевыйсйыҥбхыҥн «удариться об косяк двери» кбуласмасмарйыҥхыҥн «вбить гвоздь в доску», хукгурыкыэчкыйбхъун «яблоко упасть с дерева». Главное слово может выражать значение совместности действия, т.е. результата или совместности удара кого-либо, сопровождаться со значением многократности или полноты

действия: гъейвенашидкичитхъын «драка лошадей», машин йизырыка-бтӀин «машина застрять в снегу», хынхыхдагъарсин «искать мальчика», лезвихъванмычӀрихъапӀын «побрить бороду лезвием», машинадагъачӀидхъын «толкать машину», тӀулсарубхъун «ударить палочкой» и т.д. Главное слово может выражать мыслительные процессы. Данное значение передается с помощью глагола «фикыргъаьпӀын» – думать, букв. делать мысль: кӀийхиялгыргын «букв. на сердце думу привести», гъухъуды чӀел фабкъын «букв. сказанное слово поймать», хынихгъавурдекийин «мальчику объяснить», нагъыл кӀийфабкъын «сказку запомнить» (букв. сказку на сердце держать) и т.д.

Кроме объектных отношений, глагольные словосочетания в рутульском языке могут выражать и обстоятельственные отношения: пространственные гъыӀ лузун «стоять на мосту», хала гъаьчӀун «выйти из дома», лаьлаьчӀун «подняться наверх», мидесикъун «сидеть здесь» и т.д.; временные отношения: еквасгъягъыӀн «гулять по утрам»; кыӀнне хала сикъун «зимой сидеть дома», йуденекъякирхъун «проснуться в семь часов; причинные отношения: шадвалирай-аӀхъгъаькъын «смеяться из-за радости», хъаӀл гъапӀырхъыгъын «уйти итз-за обиды», аьджигъдирайешин «плакать из-за злости», сигӀыния-гвалаххъавасвыйш «из-за жары не дал работать»; целевые отношения в рутульском языке в основном выражаются инфинитивом: хынимашид бадана ешемишдышин «жить ради детей», валыглакъын-мыкъаджишин бадана «одеться, чтобы не простуживаться» и т.д.

Список использованной литературы

1. Гасанова С.Н. Синтаксис словосочетания агульского языка. – Махачкала, 2012.
2. Гюльмагомедов А.Г. Общие характеристики словосочетаний лезгинского языка // Ежегодник ИКЯ, т.ХІХ. Тбилиси, 1991-1992.
3. Исаев М.-Ш.А. Словосочетания даргинского языка и их изучение в школе. Махачкала, 1982. – С.91.
4. Исаев Н.Г. Именные словосочетания в цахурском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып.3. – Махачкала, 2001.
5. Магомедова П.Т. О связях слов в словосочетаниях чамалинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 2002. – С.109-122.
6. Магомедова Х.А. Именные словосочетания даргинского языка. Автореф.дисс... канд.филол.н. – Махачкала, 2007.

Исмаилова А.М.

к.и.н., доцент, ДГУНХ г.Махачкала

Аскеров А.Г.

к.и.н., доцент Филиал ДГУ г. Кизляра

ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНО – НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКАВКАЗСКОМ КРАЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

***Аннотация.** История национальной политики Российской империи нового времени привлекала внимание российских и зарубежных специалистов уже в начале XX в. Анализ работ по этой проблеме заставляет задуматься над вопросом о взаимном влиянии позиций историков при описании национальной политики дореволюционной России в отечественной и зарубежной историографии в Закавказском крае. В России изучение истории национальной политики конца XIX – начала XX в. началось в годы первой русской революции.*

Ключевые слова. *Российская империя, Закавказский край, Южный Кавказ, этапы национальной политики, мусульмане, местничество, колонизация, русификация, национальные окраины.*

Более двух столетий Кавказ остается «головной болью» России. Война, закончившаяся в XIX веке победой России и "замирением" горцев, вспыхивает вновь при малейшем ослаблении центральной власти. Так случилось и в начале 90-х, когда в стране рухнул советский строй.

После распада СССР, происходит борьба за сферы влияния на Кавказе между теми странами, которые еще в XIX веке соперничали в регионе. Южный Кавказ в наше время переживает не самый легкий период в своей истории. Острые противоречия между закавказскими республиками, а также новый этап их отношений с Россией, требуют сложного анализа. Поскольку все эти проблемы имеют богатую историю, наполненную и добрыми делами и противоречиями, уходят глубокими корнями в прошлое, то для понимания современных процессов и выхода из трудностей нельзя обойтись без основательного историко-правового анализа. Особенно это касается событий XIX века, когда шел процесс вхождения Южного Кавказа в состав России и развитие системы управления этим регионом.

С самого раннего периода своего формирования и до настоящего времени Российское государство являлось многонациональным. Процесс вхождения территорий, населенных разными народами достиг

своего пика в XIX веке, когда границы Российской империи стали расширяться на западе, в Азии, на Кавказе. Вошедшие в состав Российской империи территории были населены этнически различными народами, имели разные уровни развития экономики, культуры, отличную как друг от друга, так и от господствующей в Российской империи религии – православия религию: католицизм, мусульманство, порой и язычество [1, с.235].

Этим можно объяснить те сложности, с которыми Российская империя сталкивалась всегда, а в XIX веке особенно в организации государственного единства. В создавшихся условиях необходимо было вести такую национально-государственную политику, чтобы максимально учесть интересы, как присоединенных территорий, так и Российской империи в целом. Нельзя со счетов сбрасывать и тот фактор, что расширение территорий Российской империи раздражало, а чаще всего нарушало интересы соседей России, как на юге, так и в Европе. Вхождение Южного Кавказа в состав Российской империи не стало исключением в этом отношении. Получив конгломерат бывших феодальных владений Турции и Ирана, а иногда и чудом уцелевших от их ига мелкие княжества, Россия не сразу определилась с правовым положением Закавказья.

Империя – это сложносоставное государство, в котором метрополия, так или иначе, отличается от периферии, а отношения между ними задаются метрополией и воспринимаются периферией как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и эксплуатация.

Завоевание Кавказа произошло постепенно, по частям – восточный Кавказ был «замырен» в 1859, а западный в 1864 гг. По мере покорения кавказских народов и присоединения к России занимаемых ими территорий, здесь развивались и государственные учреждения. Еще до полного присоединения Кавказа было образовано кавказское наместничество. Для решения вопросов, превышавших власть наместника, в 1842 году был образован Кавказский комитет, в качестве органа верховного управления.

Современные исследователи вполне отдают себе отчет в том, что у нас «строилась империя, а не рай на земле». Вошедшие в состав России народы подвергались различным видам притеснений и эксплуатации, страдали от административного произвола и т.д. В то же время историками отмечается удивительная пластичность восточных славян вообще, их способность к вживанию в чужие этносы, приводившая порой к ассимиляции не русскими, а русских. Так было и на Кавказе [2].

Важнейшей функцией империи в процессе расширения ее территории, включения в свой состав инокультурных компонентов является

поиск оптимального режима их интеграции в общеимперский организм. Правительство стремилось сохранить здесь существовавшие до вхождения в состав России местные законы, учреждения, культуру. Вхождение Южного Кавказа в состав российской империи можно разделить на три этапа.

Первый – добровольное вхождение Восточной Грузии в состав России по Георгиевскому трактату 1783 г., как начало и Указы Павла I 1800 г. и Александра I 1801 г. как завершение этого процесса. Этот этап имеет огромное значение, как для самой Восточной Грузии, так и для дальнейшей консолидации процесса вхождения Закавказья в состав Российской империи. Основная проблема в литературе по этому поводу является вопрос определения времени вхождения Восточной Грузии в состав России. Думается, что это – не 1801 г., как утверждается в большинстве работ исследователей, а Георгиевский Трактат, который впервые юридически оформил вхождение Восточной Грузии в состав Российской империи. Второй этап отличается тем, что некоторые провинции Закавказья были присоединены к России, вопреки воле их владетелей [3, с. 29]. Самостоятельность этих провинций была весьма условной. Они все были вассалами-данниками либо Турции, либо Персии. И именно это обстоятельство предопределило факт применения силы при их присоединении к России. Необходимо учесть, что применение силы имел эпизодический характер, широкомасштабных военных действий здесь в отличие, например, от Северного Кавказа не было. Кроме того, сила и угрозы применялись не против местного населения, а против владетелей этих провинций, как правило, ставленников Персии или Турции. А владетели далеко не всегда выражали интересы местного населения. Например, Карабахские армянские мелики, начиная с XVIII века вместе с местным армянским населением боролись против Карабахских владетелей – ставленников персидского шаха. В этой борьбе они часто обращались к помощи России. Третий этап ознаменован победами России в русско-персидских и русско-турецких войнах. По заключенным в результате этих побед договорам к России отходили значительные территории Закавказья, завоеванные Турцией и Персией. Отвоевание Восточной Армении, а затем и Аджарии, Западной Армении стало освобождением коренного населения этих территорий от завоевателей. Поэтому они принимали широкое участие в военных действиях российских войск в этих войнах. Местное население воспринимало российские войска как благодетелей и освободителей [4, с.402]. Таковыми они являлись для коренного армянского населения Эриванского, Карабахского ханств. Во вхождении Южного Кавказа в состав Российской империи, в целом были заинтересованы как одна,

так и другая сторона. Для Закавказья это означало освобождение от персидского и турецкого ига, прекращения физического, духовного уничтожения, возможность дальнейшего социального, экономического, культурного развития. Для Российской империи это означало расширение территорий, укрепление ее позиций в регионе, окончательное утверждение выходов к Черному и Каспийскому морям.

Такой же сложной задачей, как процесс вхождения Южного Кавказа в состав Российской империи, оказался процесс организации управления Закавказьем. Изучение нормативных актов о вхождении Закавказских провинций в состав России, а также архивного материала дает возможность выявить следующую закономерность в системе управления Южным Кавказом в первой четверти XIX века. В тех частях этого региона, которые входили в состав России добровольно либо по международно-правовым договорам устанавливалось областное правление, в какой-то степени напоминающее общероссийское. Изменения в управлении Закавказьем могли быть проведены по одному из следующих направлений:

а) система управления и правовой статус населения Закавказья оставался без изменений, как это предполагалось в Указе Александра I;

б) Закавказье становилось «богатеющей колонией» России, по мнению министра финансов графа Канкрин;

в) Закавказье «сливалось» с Российской империей путем ведения единых органов управления с центральными губерниями, как предполагал главноуправляющий Закавказьем граф Паскевич.

Начиная с 20-х годов XIX столетия, начались поиски методов организации управления Закавказьем в целом. Деятельность правительственных комиссий и должностных лиц в этом направлении завершилась принятием «Учреждение для управления Закавказским краем» в 1840 г.

Этим Указом была решена проблема правового статуса Закавказья в составе Российской империи в XIX веке. Закавказье стало формироваться как неотделимая часть России. Для этого необходима была реформа 1840 г. Цель реформы управления 1840 г. – установление единой системы органов исполнительной власти, присущей всем губерниям Российской империи. Введение наместничества в Закавказском крае и Кавказской области подтверждает политику царского правительства, направленную на то, чтобы превратить Закавказье в нераздельную часть России [5, с.38]. Хотя вхождение Закавказья в целом в состав Российской империи завершилось во второй половине XIX века, изменения в правовом положении населения, в системе управления, в организации правосудия начались в первой трети XIX века.

Вхождение Закавказья в состав Российской империи в первой половине XIX века никаких существенных изменений не внесло в правовое положение крепостного населения. Ухудшилось правовое положение свободных крестьян, их старались прикреплять к земле, даруя казенные земли, населенные казенными крестьянами, мусульманской верхушке. Тем не менее, представители российской царской власти стремились искоренять рабство, называя его во всех донесениях и рапортах позорным явлением, и мероприятия по искоренению рабства продолжались всю первую половину XIX века [6,с.73]. Вхождение Закавказья в состав Российской империи привело к окончательному формированию сословий Закавказья, закреплению их прав и привилегий. В конце XIX века имперская политика по унификации статуса Закавказья с внутренними губерниями становится особенно подчеркнутой. Подтверждением этого стало принятие «Учреждение управления Кавказского края» 26 апреля 1883 г.

Выдвигавшиеся в правительственных сферах в 1890-х и 1900-х гг. проекты жесткой и быстрой «русификации» национальных окраин обычно встречали сопротивление, как в Комитете министров, так и различного рода Особых совещаниях. Но, несмотря на это, сторонники прагматичного подхода к решению проблемы укрепления единства Российской империи не смогли изменить жесткий, прямолинейный характер национальной политики правительства. Став министром, и получив от императора определенный «карт-бланш» на проведение реформ-уступок благонамеренному обществу, П.Д. Святополк – Мирский естественно попытался в числе прочего пересмотреть принципы политики правительства в отношении нерусского населения национальных окраин [7]. В изданном 12 декабря 1904 г. по его инициативе Указе «О предначертаниях и усовершенствованию Государственного порядка» содержалось обещание в ближайшее время пересмотреть правовое положение «инородцев» и «иноверцев». Довольно быстро петиционная кампания охватила весь Кавказ. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнивания в правах с остальным населением России, о свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращения церковных имуществ (вакуфов).

Обострение ситуации на Кавказе убедило Николая II, наконец, принять решение. 25 февраля 1905 г. император подписал Указ «О восстановлении должности наместника Кавказского». На должность Наместника был назначен граф И.И. Воронцов – Дашков, который

наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и в военно-полицейской сфере управления. Предложение Святополк – Мирского назначить на Кавказ Воронцова – Дашкова, вероятно, было обусловлено тем, что он принадлежал к тому же кругу петербургской «либерально настроенной» сановной бюрократии, куда входил и сам министр.

Наместник, в силу своих полномочий, брал на себя большую ответственность за дальнейшую судьбу многочисленных народов, населявших Кавказ. Как писал в последствии граф И.И. Воронцов – Дашков, «...опыт централизации управления Кавказом из С. –Петербурга, с учреждением на месте должности Главногоначальствующего гражданской частью с расширенной несколько властью обычного генерал-губернатора, длившейся свыше двадцати лет, дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях». Резкие попытки местного начальства привлечь внимание Петербурга к нуждам Кавказа встречали явное недовольство. «Только благодаря личной настойчивости, – писал позднее И.И. Воронцов-Дашков, – некоторым Главногоначальствующим удавалось доводить свои предложения до высших законодательных учреждений, и то, по преимуществу, в сфере усиления той же власти их по общему надзору и сохранению порядка» [8,с.348].

Воронцов – Дашков выступал за проведение на Кавказе земской реформы, в ходе которой должно быть введено земское самоуправление. Кавказское руководство решило создать в Закавказье и Дагестане земства. С этой целью разрешалось провести окружные и земские сходы. Однако произошел бойкот выборов в земские учреждения крестьянскими сходами. Они мотивировали свой отказ бесполезностью земских учреждений с точки зрения действительных народных нужд и отсутствием в среде местной интеллигенции людей, пользовавшихся доверием сельского населения.

В планах Воронцов-Дашкова ближайших действий значилось: широкое применение административной ссылки; поголовное разоружение населения; ассигнование средств для вознаграждения лиц, выдавших преступников. Наместник выступал с требованием увеличения контингента войск на Кавказе, где, как он считал, «мирное развитие можно поддерживать только при наличии достаточного числа войск». Воронцов – Дашков требовал вернуть выведенные на западные границы с Кавказа три пехотные дивизии или заменить их другими.

Под воздействием первой русской революции Кавказское наместничество вновь возрождается. Опасаясь новых национальных потрясений в крае, правительство назначило в 1905 году в качестве наместника графа И.И. Воронцова – Дашкова. Новый глава военной и гражданской власти региона сохранил все прежние «объединённые полномочия всех министров на Кавказе» [9,с.67]. Согласно царскому указу от 26 февраля 1905 года, наместник становился членом Государственного Совета и Комитета министров. Однако парадокс заключался в том, что местные органы власти не были изъяты из подчинения центральных министерств. В то же время глава кавказской администрации наделялся правом по своему усмотрению проводить в жизнь министерские циркуляры и распоряжения или выносить их на рассмотрение в Комитет министров. Одновременно, по этому же указу, из подчинения наместника изымались учреждения государственного банка и центральных контрольных и судебных инстанций, по отношению к которым он пользовался правами министра юстиции.

Курс на русификацию окраин империи воспринимался в правительственной среде далеко не однозначно. Одним из наиболее последовательных противников политики русификации стал С.Ю. Витте. По ряду вопросов Витте получал поддержку со стороны некоторых министров и членов Государственного Совета: А.С. Ермолова, Н.В. Муравьёва, А.Н. Куломзина, А.А. Половцова, Д.М. Сольского и др. В разговоре с А.Н. Куропаткиным в январе 1902 года С.Ю. Витте чётко определил свою позицию: «Давление, которое мы оказываем на окраины, приведёт нас скорее к революции, чем, если бы мы дали окраинам относительную свободу» [10, с. 68].

Подводя итог, можно констатировать, что участвовавшие на рубеже веков политические кризисы на окраинах, вызванные противодействием нерусского населения политике русификации, были своего рода предвестниками мощного социально-политического кризиса, охватившего национальные окраины Российской империи в годы первой русской революции. После издания Манифеста 17 октября Витте путём отдельных уступок стремился оторвать от революционного движения местные национальные элиты, но в условиях острейшего социально-политического кризиса национальная политика его кабинета приобрела непоследовательный и противоречивый характер.

Сравнительный анализ национальных окраин Российской империи в XIX веке позволяет делать следующие выводы.

Во-первых, в Российской империи единой национальной политики по отношению ко всем национальным окраинам не было. Она формировалась под влиянием ряда объективных и субъективных факторов:

учитывались условия вхождения региона в состав империи, уровень развития экономики, господствующая религия, национальный состав региона, лояльность населения региона к российским властям и имперской политике.

Во-вторых, из всех национальных окраин Закавказье было одним из наиболее инкорпорированных: оно имело тенденцию к большему приравниванию к статусу великорусских губерний, хотя сохраняло много особенностей. В отличие от него, Бессарабия пошла дальше по пути инкорпорации.

В-третьих, необходимо отметить историческую неравномерность национальной политики царизма. Если до конца XIX века она была в основном либеральной, то Александр III, а затем его сын Николай II, ужесточили национальную политику, развернув русификацию, что стало одной из причин октябрьской революции.

В-четвертых, вхождение национальных окраин в Российскую империю не ослабило страну, а укрепило. В современной литературе встречается мнение, что Российская империя много сил и средств тратила на национальные окраины. Это истощило ее и привело к революции. В действительности дело обстояло наоборот, Россия тратила силы и средства на присоединение соседних земель, зато имела от этого определенную политическую пользу. Она стала могущественнейшим государством, с которым приходилось считаться всему тогдашнему миру.

Особенности национальной политики Российской империи, нормативной основы регулирования правового статуса тех или иных национальных окраин могут быть предметом дальнейших исследований, ввиду многогранности этой проблемы. Эти исследования всегда будут актуальны для Российской Федерации как для многонационального государства.

Список использованной литературы

1. Дегоев, В.В. Большая игра на Южном Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2001.
2. Ибрагимова З.Х. Роль геостратегического значения Кавказа для России в XIX столетии. http://chechenasso.ru/?page_id=2143
3. Величко. Кавказ. Русское дело и международные вопросы. СПб., 1904.
4. Дегоев, В.В. Большая игра на Южном Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2001.
5. Дегоев, В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) / В.В. Дегоев // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2004. Т. 1 (33).

6. Рябиков, А.Н. Россия и Кавказ: вариант Якова Гордина / А.Н. Рябиков, Б.В. Виноградов // Вопросы северокавказской истории: сборник научных статей. – Армавир, 2001. – Вып. 6. – Ч. 1.

7. Ибрагимова З.Х. Об изменении политики правительства в отношении коренного населения Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. http://chechenasso.ru/?page_id=2175

8. Гусейнова И. История народов Кавказа. Баку, 2006.

9. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.). СПб., 1998.

10. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.). СПб., 1998.

Маллакурбанов А.А.,
к.полит.н., доцент филиала ДГУ в г.Кизляре

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ РЕСПУБЛИКУ ДАГЕСТАН

Вопросы относительно культуры (политической культуры, в частности) и языков народов, издревле живущих на территории современного Дагестана, представляют для исследователей из различных научных областей широкий неподдельный интерес во всех проявлениях и аспектах. И практически все исследователи в своих трудах отмечают особый менталитет и неповторимый колорит жизни и повседневности многочисленных горских народов. В широком восприятии, менталитет (от франц. *mentalite* – «склад ума, мироощущение») – это единая, синкретическая форма осознания социально-политической системы, которая формируется вследствие осмысления политического опыта индивидуальным и коллективным политическим сознанием, выражает актуальные для определенного социума ценности.

Вначале также следует отметить, что термин «политическая культура» введен в научный оборот немецким просветителем И. Гердером. В политической науке соответствующая тематика активно разрабатывается во второй половине XX века в трудах американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы. В их определении она звучит так: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентации участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основные политические действия и придающая им значение». Близкой по смыслу к политической культуре понятием яв-

ляется политический менталитет – «определенная совокупность духовных проявлений и политических установок различных социальных общностей, образа мыслей и политического поведения людей; составная часть менталитета этноса, страны». Как некий результат, политическая ментальность того или иного народа определяется особенностями исторического прошлого и настоящего, в том числе социальной структурой общества, его этнической, конфессиональной характеристиками и прочими составляющими.

Что касается многонациональной Республики Дагестан, то вплоть до начала нового века здесь функционировала политическая система, характеризуемая обычно как институт коллективной демократии. Высшая исполнительная власть в Республике Дагестане принадлежала Государственному Совету. Этот орган власти формировал Конституционное Собрание республики из представителей 14 титульных национальностей. Кроме того, до недавнего времени более половины одномандатных избирательных округов по выборам в Народное Собрание РД были, так сказать, «национальными», а условием выдвижения в них выступала принадлежность к определенной этнической общности. Аналогичная система была установлена тогда и на муниципальном уровне. Такое положение вещей объяснялось тем, что легитимация политического господства связана с национальными, региональными и географическими особенностями той или иной общности. Соответственно, эти же условия влияют и на формирование политической культуры общества.

Каждому народу, каждой цивилизации свойствен свой тип культурной ментальности. И по этим показателям, большинство авторов считают, что дагестанскому обществу традиционно присущи качества восточного типа ментальности, где господствуют традиционность, уважительное отношение к государству, руководителям и старшим, особая религиозность, склонность к общинным взаимоотношениям и связям и т.п. Но, в то же время, в дагестанском обществе продолжают утверждаться западные принципы ментальности – предприимчивость, приверженность принципам личной свободы, индивидуализм и т.д. В этом смысле мы видим, что дагестанскому менталитету в целом присущи как западные ценности, так и восточные, что еще больше подтверждает тезис о том, что Дагестан это не Европа и не Азия, а некое связующее звено двух цивилизаций мира Европы и Азии.

И вот такая «двойственная природа» дагестанской культуры неизбежно накладывает свой отпечаток и на характер дагестанской идентичности. Вместе с тем, дагестанская идентичность находится в раско-

лотом состояния. Сегодня раскол главным образом проявляется в культурно-ценностном измерении идентичности: с одной стороны имеет место радикальная исламизация духовного мира дагестанцев, а с другой – широкое присутствие русско-европейской культуры в жизни республики. Следует особо выделить, что важным негативным следствием этого раскола в современном Дагестане стал религиозно-политический экстремизм, всё еще являющийся существенным фактором дестабилизации общественно-политической обстановки в республике.

Анализ различных аспектов политической культуры Дагестана невозможен без учета ее полиэтничности. По данным исследований Института этнологии РАН, интегрированность дагестанцев в русскую культуру составляет менее 50%. Это уже объективный фактор конфликта. Однако, согласно социальным исследованиям, этнонигилизм практически не наблюдается у дагестанских респондентов. Это буквально означает, что в самой многонациональной республике в составе Российской Федерации нет почвы для национализма и этнического экстремизма, поскольку здесь уникальным образом соединились важнейшие факторы, препятствующие такому развитию политического процесса. Так, само даже название республики – Дагестан («страна гор») – термин географический и не носит в себе признака этничности. Каждый этнос по праву может сказать о республике – «мой Дагестан», никак не задевая при этом чувства других этносов. К тому же, Дагестан – многоязычен, а дагестанцы, как минимум – двуязычны (родной и русский языки). То, что для многих регионов и стран является фактором дезинтеграции, в Дагестане, наоборот, играет консолидирующую роль. Многоязычие считается богатством, а не проблемой Дагестана. Историками доказано, что дагестанские языки имеют одного общего предка. Важно и то, что ни один собственно дагестанский язык сегодня не претендует на роль общедагестанского, а в вопросах овладения русским языком представители всех этносов находятся в равном положении. Этому способствует и то, что территории Дагестана делились не по этническому признаку, а находились во владении сельских общин или их союзов. Поэтому жители республики прекрасно знают сильные и слабые стороны друг друга и научились жить во взаимном уважении. Как результат, самосознание дагестанцев проявляется главным образом не на уровне этническом, а в личностном, тухумном (родовом), джамаатском (общинном) смысле. Здесь чаще всего мы наблюдаем позитивную открытость и отсутствие этнических предубеждений.

Следует также отметить, по мнению политтехнологов, политическая культура дагестанского общества имеет как традиционные российские элементы, так и специфические черты. Данная особенность

ярко проявляется во время избирательных кампаний. Но здесь следует учитывать и такие характеристики, как геополитическое положение республики, ее социально-экономическое состояние, отношение с населением существующей государственной власти или институтов гражданского общества, конкретного политического лидера и т.д. На электоральное поведение дагестанцев существенное влияние оказывают коллективный образ жизни (как следствие не только советского воспитания), а также присущий сельской местности общинный («джамаатский») тип мышления. Одновременно с развитием традиционных ценностей происходит и укрепление так называемых модернистских культурных компонентов, куда входят, прежде всего, личные права и свободы, в том числе и политические. По мнению аналитиков, общественное сознание твердо усвоило ценность права избирать, и любая попытка властей лишить граждан этого права может вызвать резко протестную реакцию.

Нельзя не замечать и того, что в современности формирование политических убеждений, политической культуры в значительной степени определяется средствами массовой информации (далее – СМИ) и, особенно – электронными. Являясь наиболее эффективным и важным элементом социального управления, СМИ влияют на политические ориентации как общества в целом, так и конкретной личности. Именно электронные СМИ оперативно и регулярно распространяют мнения и конструктивные предложения представителей общества, держат общество в курсе важнейших социально-политических событий, происходящих в республике и за ее пределами. От уровня состояния политической культуры во многом зависит – воспримет население или нет разрабатываемый властями курс, согласится оно с ним добровольно или по принуждению, будет ли относиться к нему как к тому, что выражает его чаяния, или проявит полное безразличие или враждебность. К примеру, по мнению исследователей, «одним из основополагающих принципов политической культуры демократического общества является баланс между политическим согласием и разногласием, поддерживаемый как на уровне рядовых граждан, так и на уровне элит». В данном сегменте, несомненным фактором, определяющим динамичное развитие политической культуры Дагестана, является его геополитическое положение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Дагестан – это лояльная республика в составе России, которая стремится совершенствовать свою политическую систему на принципах демократии и гуманизма. Сепаратистские настроения, которые привносились сюда большей частью извне, не получили поддержки абсолютного большинства народа.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу о том, что политическая культура дагестанского общества оказала громадное влияние на саму организацию общества по тем или иным политическим направлениям. Комплекс элементов общей культуры социума (политических идей, ценностей, традиций и т.д.), прямо воздействуют на политический процесс, формируя стиль политического поведения. Политико-культурная среда общества предопределяет характер и степень участия населения в политическом процессе, а политическая культура является тем фундаментом, на котором строится здание реальной политики и данное положение по факту признают все руководители Республики Дагестан. И если «замысел» власти вступает в столкновение с политической культурой народа, то неизбежно отторгается массами или искажается до неузнаваемости в процессе его реализации. Отсюда – понимание особенностей политической культуры дагестанского общества и изучение ее эволюции в период транзитных процессов, крайне важно не только с научной, но и с практической точек зрения.

Асегова К.А.,
к.ф. н., доцент
кафедры английского языка, ДГУНХ,
г. Махачкала

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

Аннотация: *В статье рассматривается влияние англицизмов средств массовой информации на формирование речи нынешней молодежи. Все больше писателей пытаются говорить на темы, которые волнуют всех. Поэтому современные романы очень редко бывают современными. В девяти случаях из десяти они обращены в прошлое, пытаясь охватить целиком столетия или возвращаясь в болевые точки мировой истории.*

Ключевые слова: *мировая литература, роман, ирония.*

Мы говорим «мировая литература», подразумеваем «англо-саксонская». Национальная литература с каждым годом все туманнее для международных читателей, и мы все меньше представляем, что происходит у поляков, немцев или китайцев. По сути, главным способом за-

глянуть за эту завесу становится Нобелевская премия, да и та в последнее время подзабыла о необходимости открывать для читателя сирийских адонисов или венгерских краснахоркаи.

Понятно, почему это происходит: мир англо-австрало-канадо-американского романа не просто открыт практически каждому, кто изучал английский в школе, но и измеряем вдоль и поперек. У нас есть списки бестселлеров, рейтинги газет, премии, множество инструментов для выстраивания иерархий, слаженная работа множества институтов. Эту слаженность не сравнить с ситуацией в России, например, где иерархии совсем не так очевидны, даже лауреаты крупнейших премий (и сами эти премии) могут быть оплеваны читателями и критикой. В отличие от нас, «мир» вполне неплохо представляет себе своих героев: между лидерами продаж в Амазоне, бестселлерами «Нью-Йорк Таймс» и разделом «Книги» в газете «Гардиан» вполне можно представить себе, что читает и пишет мир.

Все больше писателей пытаются говорить на темы, которые волнуют всех. Поэтому современные романы очень редко бывают современны. В девяти случаях из десяти они обращены в прошлое, пытаясь охватить целиком столетия или возвращаясь в болевые точки мировой истории.

Другой важной темой литературы, завоевавшей мир, становится вина – вина белого человека перед всеми остальными. Вспомнить хотя «Подземную железную дорогу» Колсона Уайтхеда, получившую Пулитцеровскую премию за лучший роман: черная девушка бежит из рабства и обнаруживает, что под землей существует настоящая подземная дорога жизни, с юга на север. В романе «Exit West» Мохсина Хамида описывается бегство влюбленной пары из условной Сирии – и его тоже можно читать как книгу, в которой внешние силы разрушают твой привычный, но чуждый им мир.

Вообще современный роман – это роман сентиментальный. На примере истории литературы можно проследить, как сменяют друг друга периоды сентиментальности и экспериментальности. То в центре романа становится человек, то общество, а то сам роман, сама литература и ее способы выражения и существования.

Сегодня, несомненно, в центре романа человек. Поэтому, например, сегодня так редки романы о будущем и так часто встречаются романы о прошлом. Писатели занимаются тем, что воссоздают разные условия человеческого существования, и пытаются понять, как ему там жилось. А что он мыслил, чувствовал, переживал? Будущее рассказывает нам об обществе, прошлое говорит о душе.

Ирония, которая еще недавно была главным достоинством писателя, теперь обязательно приправлена сентиментальностью. Но и здесь находится место для эксперимента.

Список использованной литературы

1. Кульпинов Ю.А. Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Ставропольского края. Ставрополь, 2010 г.

2. Оразгалиева Ф.Ш. Национально-культурная коннотация в словах, обозначающих некровное родство // Материалы международной национально-практической конференции. Караганды: Изд-во КарГУ, 2002 г.

3. Толковый словарь русского языка. Под ред. профессора Д.Н. Ушакова.—М., 1935-1940 гг. Т. I-IV.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1989.— 924с.

5. Малый толковый словарь русского языка В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. — М.: 1990 г.

Разаков Р.Ч. – М.

к.ист.н. доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин филиала ДГУ в г. Хасавюрте

Разаков А.Т.

ВОПРОС О ЯЗЫКЕ В ДАГЕСТАНЕ

В многонациональном дагестанском обществе особое значение имело, какой язык станет языком межнационального общения, вместе с которым увязывались и вопросы государственного строительства на заре формирования социалистического общества.

Если до революции самодержавие более гибко подходило к вопросу о языке и шло на значительные уступки, постепенно втягивая Дагестан в общероссийское пространство, пришедшие к власти в 1920 году в Дагестане большевики считали, что вопрос о языке необходимо решить в кратчайшие сроки.

Вопрос о языке приобрел особую остроту в связи с наличием в Дагестане арабского алфавита «Аджам», на основе которого осуществлялось обучение грамоте и причем исключительно духовенством.

Компромиссное решение в разрешении языковой проблемы большевиками было найдено в 1928 году при переходе к тюркскому языку, как к языку межнационального общения, с переводом письменности на латинскую основу, введение которой лишало духовенство влияния в общественной жизни дагестанцев и особенно на nive просвещения.

Преимущество тюркского языка перед остальными большевики объясняли тем, что на тюркском языке говорят в мире около 90 миллионов населения. Кроме того, мусульмане, живущие в таких странах, как Арабистан, Китай, Хиндустан, в своем большинстве знают тюркский язык, учатся по-тюркски. На тюркском языке имеются книги по каждой отрасли науки и техники.

Руководители Республики искренне считали введение тюркского языка единственным выходом в сложившейся ситуации.

Учитывая вышесказанное, 17 апреля 1922 года пленум Дагестанского обкома принял решение основными письменными языками считать тюркский (азербайджанский), аварский, даргинский и лакский языки.

Следует иметь в виду, что учебники, изданные на тюркском языке, не всем были доступны, не все могли их читать и понимать.

В школах горной части Дагестана, где компактно живут аварцы, даргинцы и лакцы учителя, учащиеся и их родители открыто выступали против обучения детей на тюркском языке.

После долгих споров и экспериментов окончательное решение вопроса о языке произошло лишь 16 января 1937 г., когда бюро обкома вынесло решение: «Считать необходимым перевод всех местных языков (за исключением тюркского и татского) с латинского на русский алфавит».

Преподавание во всех классах начальных, неполных средних, средних школах и в школах взрослых на новый алфавит переводилось с начала 1938 – 1939 учебного года.

Вскоре, в соответствии с решением мартовского 1938 г. пленума Дагобкома партии о введении во всех национальных школах республики обязательного преподавания русского языка, Президиум ЦИК ДАССР от 4 апреля 1938 г. издал специальный закон «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах Дагестанской АССР».

Новый закон завершил долгие споры о языке в Дагестане, который, как нам кажется, не мог иметь иного решения хотя бы потому, что Дагестан находился в составе РСФСР, что естественно требовало знания русского языка. К тому же в многонациональном Дагестане русский язык одновременно решал проблему поиска языка межнационального общения, необходимость которого также была очевидна.

СЕКЦИЯ 3 ГОРОД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Гарунова Н.Н.

д.ист.н., профессор кафедры истории России,
Дагестанский государственный университет

Базна (Подмогильная)И.А.

Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова (г. Белгород)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ПРИТЕРЕЧЬЯ XVIII- XIX вв. (НА ПРИМЕРЕ КИЗЛЯРА)

Аннотация. Подчеркнут вклад, который купечество внесло в развитие отечественной культуры и благотворительности, игравшей важную роль в развитии системы социального обеспечения в России в указанный период. Автор обращает внимание на тот факт, что купечество составляло ядро отечественной торгово-промышленной элиты и одновременно оно являлось носителем особой системы ценностей и национальной предпринимательской традиции.

Статья посвящена истории купечества Кизляра, что является немаловажным для изучения истории Северного Кавказа XIX в., поскольку в силу специфики развития региона купечество играло здесь определяющую роль. Кизлярское купечество, как и во многих губерниях Российской империи, входило в верхние слои местного общества и во многом определяло культурный облик всего городского населения в целом.

Ключевые слова: *благотворительность, Кизляр, Северный Кавказ, купец, образование, меценат.*

Появление сегодня, спустя сто лет в нашей стране большого числа предпринимателей, активное развитие рыночных отношений обусловило рост интереса к традиционным носителям подобного вида деятельности – представителям купеческого сословия, чья профессиональная ориентация на Кизлярщине в XVIII-XIXв была связана,

прежде всего, с торгово-промышленным развитием конкретного города – Кизляр, и менее прослежена в предшествующих городах-крепостях.

В силу специфики развития региона купечество играло здесь определяющую роль и как и во многих губерниях Российской империи, входило в верхние слои местного общества и во многом определяло культурный облик всего городского населения в целом.

Особенности повседневной жизни кизлярского купечества, были связаны с этнокультурной спецификой региона, так как оно было многонациональным.

Сильное в экономическом отношении и наиболее привилегированное (после дворянства и духовенства) купечество занимало значимое место в хозяйственной и общественной жизни. Большую роль в развитии благотворительности в регионе имело развитие здесь винодельческой продукции, так как только в одном городе Кизляре в 1880 году действовало до 30 винокурительных и спиртокурительных заводов. [1,с.48]. Купеческое сословие в Кизляре было одно из самых многочисленных. В конце XVIII в. возникло в городе три купеческих гостиниц – русский, армянский, татарский, помимо лавок, лобазов, рынков. Здесь сформировалась большая купеческая прослойка людей самых разных конфессий и национальностей [2,с.32].

Это было время формирования крупных капиталов, создания династий купцов и крупных состояний в России, и в Кизляре в том числе. Для большинства представителей купеческого сословия было характерно участие в благотворительной деятельности. Меценатство не было эпизодом, деятельностью немногих образованных капиталистов, оно охватывало самые разные сферы и было весьма велико по сути, по масштабам сделанного, что позволяет говорить о том, что отечественная буржуазия действительно оказывала заметное влияние на культуру России, ее духовную жизнь. В Кизляре эти факты были не столь крупными, но тем ценнее для нас эти сведения.

Кизлярское купечество, как и во многих губерниях Российской империи, входило в верхние слои местного общества и во многом определяло культурный облик всего городского населения в целом. Какими идеями и духовными интересами жили купцы, насколько они были образованными и эрудированными, можно отчасти судить по дошедшим до нашего времени архивным документам, рассмотрев такие аспекты культурного развития купечества, как уровень грамотности входивших в него людей, а также вклад купцов в развитие культурно-просве-

тительных учреждений на протяжении первой половины XIX в. О степени грамотности купцов можно судить по их подписям в различных ведомостях, коллективных прошениях и, конечно, переписке. И хотя это весьма условный показатель, не позволяющий установить подлинность некоторых подписей, можно с уверенностью говорить, что к середине XIX в. больше половины проживавших в городе владельцев капиталов были грамотными.

Все же некоторые представители кизлярского купечества, понимая важность общественных образовательных институтов, не только стремились дать достойное образование своим детям, но и не оставались в стороне от посильного вклада в устройство и функционирование различных культурно-просветительных учреждений в своем городе.

На территории Кизлярщины одним из тех, кто занимался широкой благотворительной деятельностью, был владелец первых коньячных заводов в Кизляре Д.З. Сараджев. Став пионером в деле возникновения самостоятельного русского коньяка, он открыл коньячные заводы в Кизляре, Ереване и Тифлисе, а также магазины в Москве и С.-Петербурге. Был известен как крупнейший на Кавказе благотворитель, на его средства десятки молодых людей получили образование в высших и средних учебных заведениях в России и за границей, также он профинансировал сооружение Хашвецкого храма в центре Тбилиси [3,с.112].

В 1817-1818 годах в Кизляре была открыта первая армянская школа (в некоторых источниках упоминается как духовное училище), в которой преподавал армянский просветитель Г. Хубов. Содержание этого учебного заведения взяли на себя состоятельные кизлярские армяне-винопромышленники [4,с.3].

В Кизляре помимо казенных учебных заведений открывались и частные, содержащиеся за счет средств местных жителей. 14 декабря 1826 года Яков и Давид Арзановы обратились к Кавказскому начальству с предложением организовать в Кизляре частную школу-пансион. Это предложение было с восторгом принято кизлярцами, которые поспешили собрать 7100 рублей на содержание 21 человека мужского пола. Представленный Арзановыми проект состоял из 14 пунктов, в которых оговаривались условия их работы. Они предполагали дать детям разностороннее образование в течении 4-5 лет, при этом цена года обучения при полном пансионе достигала 300 рублей, и была достаточно высокой. Часть родителей обратилась к местным винопромышленникам для спонсирования недостающих средств [5,с.119]. Тогда же, при школе была организована недолго функционировавшая библиотека,

значительную часть книг которой составили частные пожертвования, в том числе и местных купцов.

2 июня 1837 года по ходатайству Эчмиадзинского Синода и с разрешения предводителя Астраханской епархии в Кизляре была открыта школа для обучения детей армянских духовных лиц города и его окрестностей. Деньги за оплату труда учителей и на другие расходы выделялись меценатами и горожанами в качестве частных пожертвований.

Среди наиболее важных составляющих социально-экономического развития какого-либо территориального образования, наряду с санитарией, жилищным строительством, народным образованием, культурным строительством находится сфера народного здравоохранения. До второй половины XIX столетия народное здравоохранение в России было совершенно неразвито и находилось в зачаточном состоянии. Открытие больниц было актом доброй воли крупных филантропов [6,с.183].

В 1835 году из благотворительных заведений в Кизляре была только городская больница устроенная обществом города для 12 самых бедных граждан [7,Л.7]. Несмотря на неблагоприятные для здоровья климатические условия, антисанитарию, эпидемии холеры и малярии, по документам, спустя 80 лет, в Кизляре в 1913 г. «имелась лишь одна больница на 5 коек, содержащаяся на средства благотворительного общества, а при ней 1 врач и 1 фельдшер» [8,с.7]. Следует отметить, что в области действовало «Общество Красного креста, состоящее под Высочайшем покровительстве его императорского величества государя-императора». В общество входили знатные и обеспеченные люди. Предприниматель Сараджев в качестве помощи в мае 1889 г. снарядил санитарный отряд из 4-х санитаров, 5 одноколок для перевозки больных и 2 фургона для доставки продовольствия, перевозки и др. вещей [9,с.78]. В общество входили знатные и обеспеченные люди Кизляра, они в качестве помощи в мае 1889 г. снарядил санитарный отряд. Люди, входившие в торговые компании, так же активно занимались благотворительностью [10,с.20].

В годы Отечественной войны 1812 г. на общественные работы по удержанию «Терека в нужных пределах» снарядили пленных поляков из армии Наполеона. Они же на выезде из Кизляра засаживали тогда Багратионовскую рошу. К августу 1814 года все работы по укреплению Кизлярской береговой линии были завершены. Местные жители к пленным относились доброжелательно. «В ведомости сборов за 1814

год» записано, что в Кизляре на квартирные и другие потребности для военнопленных поляков собранно 750 рублей» [11, с.87].

Купечество составляло ядро отечественной торгово-промышленной элиты и одновременно оно являлось носителем особой системы ценностей и национальной предпринимательской традиции.

Новый XX1 век привнес элементы индустриализации в регион, это был принципиально новый способ экономической деятельности, приносящий в местную жизнь иной тип социальных отношений.

Формирующийся сегодня у нас в стране обширный пласт собственников не является пока тем социальным слоем, для которого умение и желание жертвовать является нормальным качеством, свойственным образованному и культурному человеку. Главный стимул меценатства находится внутри самого мецената – желание добровольно способствовать развитию общества, науки, высшей школы, культуры и искусства.

Список использованной литературы

1. «Трехстенный городок» в контексте истории Низовий Терека до XVIII в. // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35 (1). – С. 48–54.

2. Описание кордонных постов, станиц и крепостей Кавказской линии укреплений по неопубликованной рукописи И.Ф. Бларамберга (первая половина XIX в.) // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 32–38.

3. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX века. Сб. документов /под ред. проф. В.Г. Гаджиева. – М.: Наука, 1988. – 167с.

4. Комлева Е.В. Культурно-образовательный уровень красноярского купечества [Электронный ресурс] <http://new.hist.asu.ru/biblio/gorsib/>. html (дата обращения: 18.01.2015).

5. Асваров Н.А., Суздальцева И.А. Роль железной дороги в формировании рабочего класса Дагестана на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 119–124.

6. Савинский И. Астраханская епархия (1602–1902 гг.). Вып. 2. – Астрахань, 1905.– С. 183.

7. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф. 79. Оп. 1. Д. 340.Л. 6–7.

8. Гарунова Н.Н. Казачьи городки и крепости в Низовьях Терека в XVII-XVIII вв.: мифы и реальность. – Махачкала, 2016. – 170с.

9. Клычников Ю.Ю., Яновский В.С. Народное здравоохранение в городах Кавказских Минеральных Вод в конце XIX – начале XX в. // Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи. – Кизляр, 2009. – С.78-84.

10. Иноземцева Е.И., Магомедов Н.А. Характер таможенной политики контрагентов российско-северокавказской торговли в XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 10–20.

11. Гарунова Н.Н. Торговые компании как важный фактор развития процесса экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России (XVIII –1 пол.XIX в.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. –№ 2. – Краснодар: Наука и образование, 2015. – С. 87–90.

Рабданова А.У.,
к.ист.н., ст. преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ДГУНХ г. Махачкала

РОЛЬ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕСТНЫХ НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.

Аннотация: *В статье на основе анализа архивного и историко-этнографического материала рассматривается роль городов Северо-Восточного Кавказа в торгово-экономических взаимоотношениях местных народов во второй половине XVIII – начале XIX века.*

Дается обзор всех видов торговли, товаров, участников меновых операций, характерные особенности ведения торговой деятельности в разных городах. Делается вывод, что развитию торговли способствовало как выгодное географическое положение торговых центров Кавказа, так и сложившаяся в изучаемый период международная обстановка.

Российская администрация городов-крепостей, построенных по Кавказской оборонительной линии, гарантировала местному населению безопасность жизни, ведения хозяйственной деятельности, организовывала рынки обмена и сбыта продукции. Все это в большей мере,

чем военные действия, укрепляло позиции России на Кавказе и сближало местное население с русскими. Расширение торгово-экономических связей Северного Кавказа с Россией вызвало рост местного производства, увеличение количества сырья (марена, шелк-сырец), расширение ассортимента производимых товаров. Со временем, усложняя свою инфраструктуру за счет предоставления торговых площадей для местного населения, города-крепости превратились в центры ремесленного производства и главные торговые пункты. Также автор приводит сведения о монополизации торговли российскими властями, перечисляет товары, на торговлю которыми была установлена монополия. По мнению автора, в рассматриваемый период торговые центры были главным фактором в торгово-экономической интеграции народов Северного Кавказа и России. Через них осуществлялась транзитная торговля.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Россия, Тарки, Эндирей, Аксай, Кизляр, торговля, марена, соль, меновые дворы.

Based on the analysis of archival and historical-ethnographic material, the article considers the role of the cities of the North-Eastern Caucasus in trade and economic relations of local peoples in the second half of the XVIII-early XIX centuries. The review of all types of trade, goods, participants of exchange operations, characteristic features of conducting trade activity in different cities is given. It is concluded that the development of trade contributed both the favorable geographical position as a trading center of the Caucasus and the international situation during the study period.

The Russian administration walled cities, built by the Caucasian defensive line, guarantee the safety of the local population lives, business activities, organized exchange markets and sales. All of this largely than military action, it strengthened the position of Russia in the Caucasus and approach the local population with Russian. Expansion of trade and economic relations with the Russian North Caucasus led to increased domestic production, increasing the amount of raw materials (madder, raw silk), expanding the range of manufactured goods. The walled cities reduce to handicraft production centers and major shopping centers. The author also gives information about the monopolization of trade by the Russian authorities, lists the products for which trade was established monopoly. According to the author, in the period under review, shopping centers have played an important role in trade and economic integration of the peoples of the North Caucasus from Russia. They were transit points in these trade relations.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Russia, Tarko, Endirey, Aksay, Kizlyar, trade, madder, salt, exchange yard.

В середине XVIII – начале XIX века в Дагестане и Чечне начинает развиваться ремесло и кустарная промышленность. Нехватка различных видов сырья, которые нужны были для развития специализации, вынуждала ремесленников идти на рынок.

Таким образом, в хозяйственной жизни местного населения важное значение начинает приобретать торговля с народами Северо-Восточного Кавказа, Южного Кавказа и России. С момента учреждения в конце XVIII столетия Российскими властями на Северном Кавказе меновых дворов происходит развитие торговых связей, способствовавших складыванию элементов мелкотоварного производства.

В рассматриваемый период торговля горцев Дагестана была в значительной степени меновой. Существенную часть необходимых предметов горцы выменивали на продукты земледелия, скот и ремесленные изделия.

Особенность Дагестана содействовала непосредственному развитию меновых связей. Главный товар равнинной части – пшеница шла в горы и на север, в русские гарнизоны и города.

Жители Засулакской Кумыкии, плоскостной части Дагестана, выставляли на продажу рыбу, соль, зерно, фрукты, виноград, шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец.

В обмен они приобретали у горцев Предгорного и Нагорного Дагестана сукна, овчины, сыр, масло, бурки, паласы, ковры, оружие, ювелирные украшения, изделия из дерева, лес и т.п. Главным предметом ввоза у горцев было зерно. Для большинства населения Нагорного Дагестана проблема зерна являлась весьма важной. Решить ее можно было, лишь приобретая его в Азербайджане, Засулакской Кумыкии, Чечне и Грузии.

Исторически сложилось так, что в Дагестане находился целый ряд торговых центров, игравших значительную роль в хозяйственной жизни местных народов.

Известными торговыми центрами в Дагестане были Дербент, Ахты, Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, Буйнак, Маджалис, Акуша, Цудахар, Кумух, Хунзах, Ботлих, Анди, Ахвах, Рутул, Чох и др. [6].

Тарки в исследуемый период являлся крупным торгово-ремесленным центром. Он играл роль связующего звена в транзитной торговле России со странами Востока. Кроме того, Тарки в начале XVIII в. – это торговый порт на Каспийском море. Даже учитывая неудобство пристани рядом с Тарками, тем не менее судоходство между Астраханью, Терками, Дербентом и Баку не прекращалось [10].

В Тарках как и в других центрах торговли изучаемого времени, имелся квартал, где находилось торгово-ремесленное население. Жители Тарковпоставляли в Кизляр, а затем и в Россию сырье (шелк-сырец, хлопок, марена), изделия ремесленного производства, сухофрукты, орехи и т.п. [3].

В Тарки приходили товары и из Внутреннего Дагестана. Необходимо подчеркнуть, что Туралинские озера, служили не только одним из основных источников дохода шамхала Тарковского, но и орудием политического воздействия на соседних горцев. Эти озера являлись источником обеспечения населения Дагестана солью [1].

Будучи центром русско-дагестанских торгово-экономических связей между Россией и Нагорным Дагестаном, Эндирей как центр международной транзитной торговли, играл важную роль.

Регулярно по пятницам в Эндирей съезжались все дагестанские народы, армяне, русские и горцы Северного Кавказа. Эндирей имел широкие торговые связи с Чечней, Ингушетией, Карачаево-Черкесией, Кабардой и даже с Крымским ханством. В Эндирее продавались продукты и изделия, произведенные не только местными жителями, но и привезенные из Гумбета, Салатавии, Ботлиха, Анди и др. [16].

В изучаемый период Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись торгово-экономические связи не только русско-дагестанские, но и между всеми народами Северо-Восточного Кавказа [17]. Следующим известным в Северном Дагестане торговым центром был Костек. В Костеке имелись торговые ряды кизлярских армян, представители крупных русских промышленников скупали марену, хлопок, поставляя сюда «потребные вещи» [7].

Таким образом, в изучаемый период экономика края развивалась на территории центров меновой внутренней и внешней торговли, которые были представлены Дербентом, Тарками, Аксаем, Эндиреем, Буйнаком, Ботлихом, Кумухом и Костеком.

В торговых отношениях с Кизляром в первой трети XIX в. видную роль играл Эндирей. В 1812 г. в Эндирее было до тысячи пятиста дворов, жители которых занимались животноводством, земледелием, пчеловодством и отдельными видами ремесел. В частности, как свидетельствуют материалы, в Эндирее изготавливались лучшие на Кавказе кинжалы [8].

В начале XIX в. в Эндирее существовал крупный базар, куда приезжали армянские и кизлярские купцы, притягивая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных горцев» [4].

Из Эндирея в Кизляре продавались ковры, паласы, овчины, сафьян, кожи, бурки, кошма, мед, воск, кинжалы и другие изделия ремесленников.

В начале XIX в. по своей торговой значимости в Засулакской Кумыкии, после Эндирея занимал с. Аксай. В начале XIX в. Аксай разрастался: в 1804 г. там имелось 500, а в 1812 г. – 800 дворов. Аксаевцы занимались животноводством, земледелием, а также поставляли в Кизляр садовые колья, дрова, строительный лес. Очевидно, что Аксай был и в начале XIX в. уникальным перевалочным пунктом, откуда кизлярские товары проходили и ремесленные изделия из Нагорного Дагестана. Статистические сведения подтверждают и быстрый рост села Костек. С 1804 по 1812 гг. население в нем выросло с 300 дворов до 650 соответственно.

Население данных сел поставляли в Кизляр строительный лес, рыбпродукты, сыр, сорочинское пшено и другие товары [4].

Население Тарков в начале XIX в. выросло до 10 тыс. Его значительно пополняли торговые люди, как свидетельствуют архивные источники «большая часть ведет торговлю с Кизляром, кумыками и соседними горцами, а многие занимаются оружейными изделиями» [8].

В Кизляр из Тарков поступали большие партии свежих и сушеных фруктов, местного сукна, овчины, намазлыки, мерлушки, зипуны. В начале XIX в. тесные торговые связи с Кизляром имело и с. Казиярт, находившееся на торговых трассах (удобная переправа через р. Койсу к Таркам).

Из Казиярта на продажу в Кизляр поступали шелк-сырец, марена, бурки, сафьян, паласы, ковры, а также продукты пчеловодства.

Жители Засулакской Кумыкии поставляли в Кизляр дрова, колья, строевой лес [8].

Как отмечалось выше, существенную роль в экономической жизни плоскостной части Дагестана играло разведение шелка-сырца. Российские власти требовали от администрации крепости Кизляр предоставления сведений о доле производимого в Дагестане шелка.

И вышепоказанный шелк, для пробы поставляемый нами, в кизлярской таможне смотрен: «горской в помянутых деревнях, в Костиковской, Аксаевской и Андреевской родится в одной доброты также и Кизлярский шелк против представленного же к пробе в роде доброты обывает единственен, а в гребенских казачьих городках, хотя и делается, но токмо... весьма мало число... для своего домашнего обихода употребляетца ж, а в продажу не производитца...» [7].

Исходя из протекционистских целей торговли с Россией шелком-сырцом Сенат своим указом до 1756 г. отменил даже торговые пошлины на него [17].

Более того, архивные источники свидетельствуют о строительстве русскими купцами «шелковых фабрик» в Кизляре для сокращения своих расходов на транспортировку сырья. В 1778–1783 гг. сообщается о ввозе в Кизляр крупной партии шелка-сырца – 5499 пудов 22 фунта. В дальнейшем партии только увеличивались и их далее везли в Астрахань [11].

Ежегодное разведение шелка на Кавказе составляло в начале XIX века 215–305 пуд., а в двадцатых годах того же столетия – до 378 пуд. [4].

Шелк-сырец из Кизляра и примыкающих населенных пунктов вывозили для продажи в русские города и Закавказье.

В рассматриваемый период Кизляр играл крупную роль в развитии торгово-экономических отношений дагестанских народов с народами Северного Кавказа, Южным Кавказом, Персией и Россией. Из Кизляра начинался путь товаров по морю – до Астрахани, через Дербент и Баку в Иран, либо по суше – через Кизлярский перевоз и переправу на реке Аксай на Южный Кавказ. Из Дербента торговцы устремлялись в Азербайджан и Иран.

Кроме того, была Османовская дорога, маршрут которой проходил от Дербента на Тарки, далее на Сунженскую переправу и дальше до берегов Азовского моря и Дона [12].

Торговый путь, пролежавший по внутренней части края, имел общедагестанский масштаб. Этот путь простирался по Самурской долине с юга на север. Из Кураха дорога вела на Хосрех, далее в Кази-Кумух, а потом на Гидатль и Чох. Пересекая аварские поселения на Андийском Койсу, дорога выходила в Чечню [6].

Через территорию Дербента, Тарков и Эндирея истари проходил великий шелковый путь из Европы в Азию. Традиция не нарушалась и в XVIII в. – из Внутреннего Дагестана свозился товар в Дербент [6].

В Дербенте, Кизляре многие народы Дагестана покупали новые образцы ближневосточного и российского оружия, различные составляющие их, материал для собственных изделий, а также заимствовали новые технологические приемы [18].

В свою очередь, здешние народы везли в эти города на обмен или продажу кавказское оружие, которое было известно на российском и ближневосточном рынках и пользовалось большим спросом.

Дербент в исследуемое время оставался крупным торговым центром Дагестана. Через него транзитным путем, как и раньше, проходили российские и восточные товары.

После основания в 1735 г. крепости Кизляр, он становится крупным торговым центром, который до начала XIX в. концентрировал до 90% всего оборота торговли региона [14]. С 1735 г. Кизляр, являлся важным административным центром региона. Кизляр сохранял значительную роль во внешней торговле. В 1785 г. с образованием Кавказской губернии, центр политической и хозяйственной жизни несколько сместился. Но связи, установленные прежде, продолжали оказывать свое влияние на развитие города [7].

По торговым делам в Кизляр стекались не только дагестанские народы, но и Кавказа в целом, доставляя продукты сельскохозяйственного производства, ремесленные изделия, пригоняя скот. В перечне местных товаров также значится «чихирь тавлинский», сухофрукты, сукно, бурки, кафтаны, меха диких животных, марена, бычьи и конские кожи [5].

Кизлярская администрация покупала у дагестанских народов для армии гужевых и драгунских коней. Можно констатировать, что царские власти видели в торговле средство сближения кавказских народов с русскими, мирного подчинения первых. Одновременно они рьяно охраняли торговую монополию в Кизляре, что, безусловно, создавало препятствие регулярной встрече торговцев, и их сближению. Но ход экономического развития, способствовавший широкому размаху меновых операций, развитию товарно-денежных отношений постоянно толкал местные народы на рынок, побуждал российские власти изобретать разнообразные методы преодоления всяких барьеров и препятствий на этом пути. По этой причине горцы Дагестана и некоторые общества обязательно выставляли при переговорах с колониальными властями права на беспошлинную торговлю вне своих пределов.

Нередко, кавказские горцы, стремясь избежать уплаты таможенных пошлин, прибегали к окольным путям. Для осуществления такой торговли среди местных жителей имелись специальные проводники, которые за определенное вознаграждение вели торговые караваны обходными путями.

Дагестанские народы занимались в Кизляре и отходничеством. С наступлением весны горцы отправлялись на заработки в Кизляр и в казачьи станицы. Там они занимались молотьбой хлеба, обработкой садов и виноградников и т.п. [17].

Необходимо отметить, что российское правительство всемерно способствовало расширению торговых отношений с кавказскими народами, в том числе и дагестанцами.

Особое значение в Дагестане и Чечне власти придавали торговле солью [16].

Прекрасно понимая, что проблема касалась жизненных интересов кавказских народов, царское правительство делает попытку регулировать ее продажу через созданные карантинные заставы и меновые дворы, то есть создать монополию в соляной торговле.

Во второй половине XVIII в. в России главной формой товарного обращения являлась ярмарочная торговля промышленными товарами и сельскохозяйственными продуктами.

Наиболее крупными ярмарками на Кавказе были Кизлярская, Ставропольская и Моздокская. Периодичность Ставропольской ярмарки – дважды в год – Троицкая весной и Ивановская осенью – была удобна для торговцев. Сюда съезжались торговые люди и купцы из всех населенных пунктов Северного Кавказа, в том числе из Дагестана, Москвы, Ростова, Тифлиса, Воронежской, Курской губерний [9].

Дагестанцы гнали на ярмарки большие партии крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, сюда свозилась продукция животноводства – шерсть и различные кожи, шубы, сшитые из овчины, бурки, ремесленные произведения – ювелирные, деревянные украшения, деревянные арбы, уникальное кавказское оружие, и, конечно, сельскохозяйственная продукция: сухофрукты, мед, воск, горные фрукты. На ярмарках они выменивали, либо покупали, зерновые культуры, муку, промышленные хлопчатобумажные ткани, металлические товары широкого потребления [9].

Наравне с ярмарочной торговлей в городах региона, а также в таких крупных селах как Тарки, Эндирей, Аксай, Ботлих, Гумбет и др., действовали еженедельные базары, игравшие важную роль во внутренней торговле, вовлечении в нее большинства кавказских горцев, способствовавшие сближению города и села.

Жители Чечни поставляли в Кизляр дрова, колья, строевой лес. В начале XIX в. каждый год поступало в Кизляр из сел Дагестана и Чечни по 5–6 тысяч грузовых конных повозок, груженными специальными кольями для подвязки растений – таркалами. В Кизляре эти таркалы продавали арбами – по три-пять руб. за арбу [2].

Известными центрами торговли в Чечне были селения Старый-Юрт, Гудермес и Брагуны. В одном архивном документе отмечается,

что «в Старо-Юртовском ауле с давнего времени существует еженедельный базар, где собирается значительное число приезжих» для продажи разных продуктов и скота [2].

Важное место в торговле чеченцев с народами Дагестана занимали также села Аксай и Костек. Вайнахи сюда везли сырую кожу, меха, мед, лошадей, крупный рогатый скот, бурки и т.д. [17].

Самым дефицитным продуктом в меновой торговле вайнахов являлась соль. «Чеченцы, – сообщает документ того времени, – получали соль из Шамхальского владения соляного озера Турали, меняя оную на просо и хлеб» [17].

Как известно, в 1810 г. российское правительство распорядилось учредить на Северном Кавказе меновые дворы, главным продуктом на которых должна была быть соль. Ген. Тормасов в 1811 г. предлагал Кавказскому гражданскому губернатору Малиновскому открыть в ст. Наурской соляной магазин для отпуска соли чеченцам [17].

Как свидетельствуют архивные материалы, в рассматриваемый период чеченцы выращивали табак специально на продажу, и он среди прочих табаков по качеству оценивался в Кизляре «на рынке дороже» [17].

Равнинные чеченцы, жившие по рр. Сунже и Тереку, находились в более выгодных торговых условиях с русскими и местными соседними народами, чем горные жители.

Возникновение торговых центров в Чечне в конце XVIII в. – начало XIX в. было одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений в регионе. Такими торговыми центрами стали здесь Чечен-аул, Старый Юрт, Брагуны, Гудермес, Старые Атаги, Шали, Герменчук [15]. Торговали здесь народы Северо-Восточного Кавказа, а также армяне, грузины и евреи [13]. Так, в одном архивном документе указывается, что кизлярский купец, армянин по национальности Хачатур, несколько дней подряд находился с торговлей в Чечне [17].

Немалый вклад приносила чеченцам продажа обручей и бочарных досок, которые доставляли в Кизляр. За тысячу досок они получали по 30 руб. [13].

Изделия лесной промышленности, сырая нефть, соль, а также изделия кустарных промыслов составляли значительную часть рыночных товаров Чечни.

Внутренняя торговля также была развита в Чечне. Так, горные жители Чечни самым тесным образом были связаны с плоскостными жителями. Вайнахи, жившие в верховьях Аргуна, получали пшеницу,

просо, ячмень, кукурузу и соль от равнинных жителей в обмен на мед, воск, шерсть, ковры, сукна, бурки, шкуры, сафьяны и т.д.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. В исследуемый период в Дагестане и Чечне происходит дальнейшее укрепление и расширение торгово-экономических связей с соседними народами и Россией.

Через Дагестан и Астрахань в Чечню поступали российские, восточные и отчасти западноевропейские товары. С появлением новых городов на Северном Кавказе (Моздок, Ставрополь) – экономические связи народов Дагестана и Чечни с Россией и Южным Кавказом усиливаются.

Определенную роль в укреплении торгово-экономических связей Чечни с соседними народами продолжали играть торговые центры Засулакской Кумыкии (Эндирей, Аксай, Костек) и Нагорного Дагестана (Ботлих, Гумбет).

Со второй половины XVIII в. в торговых связях Чечни с Россией и соседними народами наблюдается тенденция развития товарно-денежных отношений. Следует отметить, что зарождение и развитие элементов товарно-денежных отношений было свойственно в основном для равнинной части края. Развитие внутренней торговли можно объяснить образованием в Чечне торгово-ремесленных центров – Шали, Гудермес, Старые Атаги, Герменчука, Чечен-аула, Алды и т.д. [17].

Таким образом, торговля народов Дагестана и Чечни с Ираном и Турцией, значительно суживала круг лиц, принимавших участие в торговых операциях, смыкая его границы верхушкой аристократии. Безусловно, подобная торговля с восточными странами не соответствовала интересам большинства местных жителей, задерживала развитие производства.

Следует подчеркнуть, что развитию торговли и товарно-денежных отношений в Дагестане и Чечне в рассматриваемый период мешали всевозможные ограничения и запреты местной русской администрации. Однако, несмотря на все препоны царизма, объективно в Дагестане и Чечне шло вверх социально-экономическое развитие, крепились торгово-экономические связи региона с сопредельными территориями.

Список использованной литературы

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 405; Нахшунов И.Р.
2. Вопросы истории Дагестана / Сб. статей. Махачкала, 2006. С. 93.
3. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 109.

4. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. С. 118, 128, 131, 137, 145, 166.74.54.
5. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 140. С. 87.
6. История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 335.
7. Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 100., 86.
8. ИГЭД. С. 214, 242, 243, 307 .
9. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. С. 61–62.
10. Лопухин А.И. Указ. соч. С. 44.
11. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 84–85.
12. Магомедова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XIX вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 23–37.
13. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 317, 318.
14. Очерки истории СССР. XVIII в. II четверть. М., 1957. С. 447.
15. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18507. Л. 18, 19.
16. РДО. 1988. С. 225; Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20е гг. XIX в. С. 57.
17. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 68; Д. 915. Л. 8, 31, 34, 48, 35-47, 62, 69, 145.
18. Чахкиев Д.Ю. Из истории вооружения населения Центрального Кавказа // Истоки русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 11–12, 62.
19. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 22.

МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Аннотация: *В статье рассмотрены вопросы, связанные с сохранением национальной идентичности языка, и роли малых языков в социокультурном пространстве города.*

«Нужно молиться на родном языке, не забывая в то же время, что необходимо изучать языки культурных народов».

Город – это некое пространство и качественное становление в рамках этого пространства. Отметим, что с позиций социокультурного измерения город рассматривается в двух проекциях: как социальная организация, сосредоточение социальных структур, групп, ролевых функций, т.е. как социальная морфология. Вторая проекция – культурный план – средоточие культурных ценностей, образцов и норм человеческой деятельности и поведения.

Город существует как пространство взаимодействия различных социальных и культурных групп, в котором реализуются интересы представителей этих групп.

В условиях глобальных процессов современности в качестве приоритетного направления в сфере городской культуры ставится решение локальных проблем сохранения национальных и региональных культурных особенностей посредством информационно-коммуникативной составляющей социокультурного пространства города. В связи с этим, необходимым представляется: усиление и поддержка первичной национальной идентичности путем возрождения элементов традиционной культуры; социально-экономическая и политическая поддержка, направленная на сохранение национальной идентичности.

Самым главным средством социализации признаётся язык. Только зная его, человек может перенять культурные ценности, знания и стереотипы поведения. С помощью языка происходит процесс осмысления окружающего мира и познания себя. Любой язык, аккумулируя опыт народной жизни во всей её полноте и разнообразии, является и действительным его сознанием. Каждый новорождённый человек путём изучения языка получает доступ к коллективному опыту и приобщается к культуре своего этноса.

Язык не только средство для общения, это еще и историческая память каждого народа. В каждом языке находит свое отображение духовная культура, многовековая история каждой нации.

Язык представляет собой неотъемлемую черту человеческого существования: в языке находит отражение окружающая человека действительность, особенности культуры того народа (социокультурной общности), представителем которого является любой индивид. Кроме того, язык представляет собой своего рода хранилище создаваемой на протяжении исторического развития национальной культуры, сохраняя и передавая последующим поколениям совокупность знаний об окружающем мире и особенностях отношения представителей этой культуры к явлениям окружающей действительности. Таким образом, язык выступает в роли орудия познания окружающей действительности, поскольку, усваивая язык той или иной лингвокультуры, индивид усваивает языковую картину мира, свойственную для представителей данной культуры. Так, язык является и своего рода «орудием культуры», оказывая определяющее влияние на совокупность поведенческих особенностей человека, формирует его национальный характер, менталитет, мировоззренческую позицию, идеологические воззрения. В языке содержится отражение морально-нравственных норм и духовно-нравственных ценностей любого народа, которые оказывают непосредственное влияние на формирование и становление поведенческих особенностей и особенностей культурного восприятия человека, которые он приобретает еще в процессе усвоения языка.

Любой национальный язык представляет собой не только отражение национального характера, но и оказывает непосредственное влияние на его становление и формирование. Само по себе понятие «национальный характер» предполагает наличие большого количества определений, что обуславливается тем, что он является предметом изучения целого ряда наук, таких как лингвистика, культурология, психология, социология и пр.

При рассмотрении современного общества с позиции особенностей его бытового существования, можно увидеть, что каждому народу свойственна своя специфика национального характера, которым определяются особенности его поведения, в том числе и коммуникативного, совокупности духовно-нравственных ценностей, принятых в том или ином обществе. Особенно заметными указанные выше особенности становятся при попадании индивида в иноязычную среду, когда у человека появляется возможность сопоставления системы черт соб-

ственного национального характерами с чертами национального характера представителей другого народа. Так, попадая в иноязычную среду, человек начинает замечать наличие некоторых различий в поведении, коммуникативном процессе, мировоззренческих позиций представителей этой культуры (особенности повседневного жизненного уклада, поведение, манера ведения разговора и т.д.). Своего рода ключом к пониманию и осознанию данных особенностей и выступает национальный характер.

Республика Дагестан – самый многонациональный регион Российской Федерации. В ней проживает более 30 народностей (аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, лакцы, ногайцы, табасаранцы, агулы, рутульцы, цахурцы и др.). Трудно найти на земном шаре место, где на такой небольшой площади размещалось бы столько народов с различными языками и диалектами, культурными традициями и обыденными особенностями. Неслучайно еще в древности горный Дагестан называли не только «страной гор», но и «горой языков». Народы Дагестана говорят на языках, относящихся к трем крупным языковым семьям: северокавказской, алтайской и индоевропейской; государственным языком и языком межнационального общения является русский язык.

Не раз повторено, что Дагестан – это «Страна Гор и Гора Языков», что Дагестан – это «лаборатория межнациональных отношений» в бывшем СССР и современной России. Но в чем же выражается своеобразие языковой жизни Дагестана? В каком направлении эволюционируют здесь этнические и этноязыковые процессы? Как языковая ассимиляция отражается на культурной идентичности и самосознании дагестанцев?

В современном быстроменяющемся мире живое общение все более компенсируется опосредованными контактами. Быстрота и трансконтинентальные масштабы освоения новейших технологий передачи информации поражают воображение. Редукция эмоционального, личностного контекста общения становится неизбежной платой за минимизацию формы и максимизацию емкости транслируемой информации. Современная, скоротечная во всех смыслах этого слова жизнь предъявляет новые требования и к поведенческой культуре. Дефицит времени на выполнение внеслужебных (личных и общественных) обязанностей, общение в семье, воспитание детей, уход за родителями и т.д. неумолимо превращаются в серьезную социально-психологическую и нравственную проблему.

Эпистолярный жанр воспринимается сегодня как некая анахроническая форма общения. Меняется, естественно, и устная речь. Горожане взамен традиционных, длинных и обстоятельных приветствий-расспросов все чаще используют лаконичное: «Как?» – «Нормально!». Учреждения и организации предпочитают принимать к рассмотрению деловые бумаги, заявки, отчеты, запросы и т.п., составленные строго по форме. С формализованной, стандартизированной, пронумерованной информацией проще работать, легче сопоставлять, анализировать. Модернизация охватила многие стороны материальной и духовной жизни. Коснулась она и обыденной речи, прежде всего лексики и фразеологии.

Само понятие «язык», помимо основного содержания и исконных функций, приобрело технологическую, программистскую интерпретацию и применение.

Ораторство, хотя оно и остается качеством, потребным в периоды политической активности масс, все явственнее утрачивает былую демагогическую функциональность. Пафос страстных выступлений «трибунов революции», партийных и советских работников – это уже история, запечатленная на документальных кинолентах и в памяти старшего поколения. На слушание длинных и пламенных речей в Дагестане сегодня у людей нет ни времени, ни желания. Даже в сельской местности собрания обычно начинаются с вопроса «Как долго оно протянется?» и с установления регламента для выступлений и прений.

Умению правильно изъясняться, вести диалог, беседу в пределах правил традиционного этикета если и придается значение, то отнюдь не теми, кто испытывает в себе дефицит этих качеств. В городах, например, немалая часть молодежи обходится общением на русском языке.

Расширение же функций другого языка способствует углублению процессов межэтнической интеграции. Подчеркнем, что русская или русскоязычная культура – это достояние русского народа и, вместе с тем, явление мирового значения, феномен транснационального и трансконтинентального масштабов. Поэтому значение русского языка для духовного прогресса народов Дагестана, обогащения их культур достижениями российской и мировой цивилизации трудно переоценить. Именно через русский язык многие яркие явления в культурной жизни народов Дагестана становятся ценностями общероссийской и мировой значимости.

Функционирующий на языках народов Дагестана фонд культуры не может в полной мере удовлетворять возрастающие культурные запросы современных дагестанцев. Тем не менее, тенденцию свертывания социальных функций, ограничения сфер употребления родных языков с давно устоявшимися литературными традициями пределами семейного и сельского быта трудно назвать здоровой. Степень активности употребления в быту национальных и русского языков в значительной мере зависит от специфики этно-демографической ситуации в отдельных районах и поселениях. Так, в сельской моноэтнической среде в сфере семейного общения и в сельском быту национальные языки используются в полной мере, тогда как в городах и в многонациональных поселениях, входящих в городские агломерации сформировалась преимущественно русскоязычная среда.

Русский язык стремительно выходит за пределы функциональной роли языка межнационального общения. Он является базовым компонентом культурной идентичности россиян. Применительно к Дагестану это означает, что информация исторического, политического, публицистического, художественного и отчасти религиозного характера передается и потребляется дагестанцами преимущественно через русскоязычные источники. На сегодняшний день в Дагестане только государственный язык – русский – успешно выполняет свою функцию в полной мере.

В контексте нашей темы невозможно не затронуть проблему изучения родных языков в школах. С конца 1960-х гг. начался перевод школ на русский язык обучения сначала с многонациональным, а затем и мононациональным контингентом учащихся. Тогда же началось падение уровня преподавания родных языков и литератур. Таким образом, вытеснение родных языков из системы образования явилось основной причиной стагнации и функциональной депрессии национальных языков.

Следствием постепенного вытеснения национальных языков из таких общественно значимых сфер функционирования как образование, делопроизводство, государственная власть, публичная политика, явилось падение социального престижа национальных языков, ослаблению их роли в сфере общественного быта, художественной культуры, литературы, СМИ.

За последние три-четыре десятилетия русский язык в Дагестане существенно расширил социальные позиции и сферы функционирования. Для дагестанцев, как и для всех россиян, русский язык является

главным средством культурного и научного творчества, а для значительной части горожан-дагестанцев и единственным средством общения. И как ни парадоксально, в роли ассимиляторов выступают сами дагестанцы. И даже в этнически однородных сельских районах Дагестана делопроизводство ведется только на русском языке. Более чем остро стоит и не решается проблема родного языка в школе: обучение на русском языке обязательно «по определению», преподавание иностранного языка – обязательно «по программе», родного же языка, даже в качестве предмета – не обязательно «по желанию родителей». В итоге, национальные газеты с каждым годом не досчитываются подписчиков, писатели – читателей, радио – слушателей, театры – зрителей.

Думается, что не для всех дагестанцев «поиск идентичности» актуален, так как многие из них идентичность эту, собственно говоря, и не теряли.

В заключение хочется отметить, что дагестанская цивилизация сформировалась в процессе постоянного укрепления и расширения тысячелетних связей между народами Дагестана. Сегодня мы можем наблюдать совершенно новое качество взаимоотношений, связанное с изменением уклада общественных отношений, характера связей между народами. Сохранение своеобразия жизни каждого из дагестанских народов было бы невозможным без сохранения общности и единства их культуры. Языковые, психологические, культурные различия между народами, конечно же, сохраняются, но это ведет только к “гармонии многоголосья”. Веками развивавшиеся межэтнические контакты способствовали формированию у дагестанских народов единых норм общения и поведения, и это при сохранении специфических особенностей у каждого из них. Оздоровление, укрепление общества, возрождение экономики, культуры республики возможно и достижимо при условии мобилизации усилий всех народов, местных органов власти, общественных организаций, молодежи, старших поколений, при политической, моральной, финансовой, экономической поддержке со стороны государства. Чем сильнее и крепче станут все народы, тем скорее Дагестан станет богаче и красивее. Дагестан тем и прекрасен, что является общей родиной различных самобытных культур, языков и народов, с общей судьбой в единой республике Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Электронный ресурс.
2. Магомедханов М.М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. – 2008.

Имаев О. А.,
научный сотрудник Научной лаборатории
южноуральского городоведения
Башкирского государственного университета

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Аннотация: *Рассматриваются особенности социального, культурного и политического развития Уфы и Оренбурга, выделяющие эти города из остальных губернских центров Европейской России.*

Ключевые слова: *Губернские города, Южный Урал, Уфа, Оренбург, социокультурная идентичность.*

Город Уфа, основанный как русская крепость в 1586 г., и Оренбург, заложенный после нескольких неудачных попыток специальной экспедицией весной 1743 г., к началу XX века трансформировались в большие торгово-промышленные города Российской империи [3,с.9]. Пройдя длинный путь развития и становления, оба этих города в 1861 г. становятся центрами одноименных губерний. Однако существуют особенности, которые выделяют эти города из остальных губернских городов Европейской России.

Первой особенностью можно назвать расположение данных городов в едином географическом пространстве Южного Урала. Причем нужно отметить, что это не только единая территория на географической карте, определяющим является то, что Южный Урал представлял и представляет собой сложившееся веками единое культурное, этническое, политическое и экономическое пространство. Это доказывает совместная история этих двух соседних городов Уфы и Оренбурга, которая уходит вглубь веков. Находясь на единой территории, этим городам приходилось делить административные полномочия. Хотя со времени своего основания Оренбург становится губернским городом, однако меняет этот статус, деля и отдавая полномочия губернского центра соседней Уфе несколько раз. К началу XX века Оренбург был трижды губернским и дважды уездным городом [10,с.12]. Лишь в 1865 году с разделом Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Уфа и Оренбург стали полноправными губернскими городами [4, л.7,8].

Следующей особенностью можно назвать административную специализацию городов, направленную на освоение и управление вновь

присоединяемых территорий. Город Уфа был основан как крепость, как военный город. Однако с самого момента своего возникновения Уфа стала выполнять важные политико-административные функции в регионе, служила некоей линией, фронтиром освоения Российским государством Южного Урала [9, с. 43]. Со строительством Оренбурга фронтальная специализация отошла к Оренбургу, который становится уже «воротами России в Азию, центром покорения степей». Уфа с этого момента изменила свой статус на внутренний российский город, однако не утратила административно-политической функции, по-прежнему оставаясь центром обширного региона. Определяющей функцией, специализацией Оренбурга являлась его направленность на освоение обширных степных пространств южнее южноуральского региона. Поэтому Оренбург не случайно, на месте нынешнего его расположения, имел выгодное транспортно-географическое положение. Если двигаться на запад, то через Самару можно было достаточно быстро добраться в Центральную Россию, повернув на северо-запад, путник оказывался на пути в Казань [6, с. 267]. Однако город, возникший как опорный крепостной пункт, был трижды перенесен, прежде чем получил приемлемое для развития крупного административного центра транспортно-географическое положение [10, с. 10]. «Фронтальная направленность» губернских городов Южного Урала определила географическое расположение городов. Если Оренбург расположился на границе Европы и Азии, естественным барьером между которыми служила река Яик (Урал), то Уфа на границе освоения Южного Урала, естественная фронтальная линия – река Белая, расположение города на восточном берегу реки как раз и указывает на направленность – освоение Южного Урала. Кроме того «фронт» оставил след во внешнем облике городов, культуре.

И третья особенность, которая не только влияла на развитие, но и определяла облик городов – это этническое окружение. Как мы уже отмечали, город Уфа как раз и был основан как центр управления башкирским народом. История города Оренбурга, основанного также на башкирских землях, тесно переплетается с историей башкирского народа. Начиная с крупных башкирских восстаний, одной из причин которых послужило строительство Оренбурга, и до Башкирских съездов, на которых в 1917 году заявило о себе башкирское национальное движение, ратующее за автономию Башкортостана [7, с. 130-132]. Так что город Оренбург не стал символом бед и страданий вольнолюбивого народа, которые принесли восстания, а сыграл важную роль в обрете-

нии государственности башкирским народом [5, с.385]. Таким образом, Оренбург не остался в памяти башкирского народа лишь символом бед и жестокости (Оренбургская экспедиция вызвала башкирские восстания, которые резко и жестоко подавлялись царским правительством) [2,с.171], а стал символом консолидации и объединения народа, городом, где в период русской революции было положено начало автономии Башкортостана [8,с.115]. Город выполнил цивилизаторскую функцию, пусть, в данном случае, и не в том русле, которую предрекали ему основатели. Так города являясь русскими социокультурными центрами Южного Урала, сыграли важную роль в консолидации коренного населения [1,с.37-46].

Города Южного Урала, особенно, Уфа, воспринимались местным внегородским населением органично как местные административные, торговые центры, отличные от прилегающей сельской округи. Для населения края, в том числе и коренного, как Уфа, так и Оренбург не являлись некими чужеродными объектами. Ведь эти города даже были построены на территории местных старинных поселений [3,с. 44]. Скорее они воспринимались как что-то отличное, как центры притяжения, где можно что-то купить, продать, где находились местные властные структуры. Оренбург и Уфа были городами, русскими городами, не лишённые неповторимого местного колорита края, находящегося на стыке Азии и Европы.

Список использованной литературы

1. Азнагулов В.Г., Хамитова З.Г. Парламентаризм в Башкортостане: история и современность. Книга первая. – Уфа: ГУП Башкортостан. Уфа, 1999.
2. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991.
3. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 82; Оренбург. Оренбург, 1993. С. 9.
4. ГАОО Ф. 6, Оп. 6, Д. 139231, Т. 16. Л. 7,8.
5. Имаев О.А. Межнациональные отношения башкир и татар в Оренбурге накануне и в годы Революции и Гражданской войны глазами иностранных исследователей // Актуальные проблемы истории и этнологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2011.
6. Иофа Л.Е. Города Урала. Ч. 1. М., 1991.
7. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Уфа, 2006. С. 130–132.

8. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа, 2000. С. 115–120.

9. Семёнов-Тян-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / Записки Импер. русск. геогр. общ-ва, Т.Х, выпуск 2... СПб., 1910. С. 43.

10. Столпянский П. Н. Город Оренбург. К истории и топографии города. Оренбург: Губернская типография, 1908.

Абдулвахабова Б.Б.-А.,
к.ист.н., доцент, ЧГУ г. Грозный

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГРОЗНОГО НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.)

Аннотация: *В статье рассматривается социокультурное пространство провинциального города на примере Грозного рубежа XIX – XX веков. Рассматривается повседневная культура и социальность, анализ которых дает возможность показать факторы социокультурной модернизации и ее перспективы в условиях провинциального города.*

Ключевые слова: *Чечня, город Грозный, социокультурное пространство, модернизация, культурный ландшафт.*

Сегодня город – это уникальный культурный ландшафт, где в городской среде сталкиваются различные этнические группы, постоянная социокультурная динамика. Это – сложная интернациональная среда, в которой происходит взаимопроникновение в социокультурное пространство нормативности различных групп городского населения.

В современных сложных межэтнических, социокультурных условиях, обращение к анализу истории социокультурного пространства города Грозного во второй половине XIX – начале XX века представляется актуальным.

Изначально город Грозный формировался как многонациональный, административный и культурный центр. Во второй половине XIX – начале XX века складывается специфический облик провинциального города со своеобразным культурным ландшафтом, социокультурным пространством.

Быстро выросший в эпоху империализма как промышленно- торговый город, Грозный стал экономическим, культурным и хозяйственным центром Чечни. Существование в Грозном в начале XX века русской православной и армянской григорианской церковью, мечети, католического костела и синагоги, характеризует провинциальный Грозный как анклав с уникальным социокультурным пространством, отражающий различные реалии этнокультурной городской среды, уникальным социокультурным балансом.

В Грозном активно формировалось городское пространство. Газета «Каспий» писала, что «город растёт и застраивается не по дням, а по часам», что «каменные двухэтажные дома с изящными подъездами и архитектурой вырастают как грибы» [1, с.41]. Одной из первых гостиниц Грозного стала гостиница «Франция», где любили останавливаться гастролирующие актёры [2, с.30]. В конце 1898 года было построено первое 2-х этажное здание телефонной станции [3, с.18]. Появляются фотографические общества и кинотеатры. Железная дорога в 1894 году соединила провинциальный город с общероссийским и внешними рынками. Здесь насчитывалось более 30 торгующих заведений с торговым оборотом на сумму около 2,5 млн. руб. Это не могло не отразиться на всей социокультурной среде, внешнем облике и самом характере полиэтнического городского населения. Эти же факторы способствовали в повседневности и социальности горожан.

В структуре городского населения были представлены группы не только по этническим различиям (чеченцы, русские, армяне, евреи, азербайджанцы, поляки, греки и т.д.), но и люди разной социальной принадлежности. Это горцы и казаки, которые приезжали сюда разных аулов и станиц, расквартированные военные, торговцы, мещане, купцы и многие другие, которые отличались не только материальным благосостоянием, но и вероисповеданием и образом повседневной жизни.

Большинство городского населения было представлено русскими. Особенно активно росло русскоязычное население города в конце 90-х годов XIX века. Этому способствовали различные льготы, предоставляемые городскими властями русским переселенцам.

В Грозном было много военнослужащих, бессрочно-отпускных и отставных чинов русской армии. Численность городского населения постоянно росла и за счет других иногородних переселенцев.

Рост грозненской промышленности (черепичные, известковые, кирпичные, мыловаренные, кожевенные и другие заводы) притягивали многочисленных отходников-горцев в город.

Городская среда унифицировала многие процессы повседневности. К примеру, в одежде горожан происходят разительные изменения. Наиболее сильная трансформация в одежде наблюдалась у славянских женщин. Они отвергли пышные платья, многослойную одежду, предпочитая в повседневном быту простые в крое и практичные вещи. Особую популярность приобрели костюмы с юбками, жакеты. Женщины-работницы носили сарафаны и кофты из одной ткани, юбки на бретельках, блузы, свободного покроя платья из ситца, сатина, бумазеи. Нарядная одежда горожанок включала меховые воротники и муфты, которые носили не только зимой. Традиционный казачий костюм одевался на праздники, который постепенно вытесняется также городским костюмом.

Под влиянием городской культуры меняется также архитектура казачьего дома, внутреннее убранство жилища. У более зажиточных казаков появляются двухэтажные дома, крытые черепицей. Мебель и бытовая утварь становится более разнообразной, многофункциональной. Появляются светские школы не только в городе, но и в казачьих станицах – реалии пореформенного периода. Наблюдается двоякий процесс: с одной стороны новые знания и умения, которые давала светская школа, а с другой стороны – эти новые знания и умения вели к изменению мировоззрения, к новым хозяйственным навыкам, трансформации повседневного быта и жизни.

В указанный период, с наплывом «т.н. иногородних», существенно увеличивается доля как русского, так и украинского населения в Грозном. В результате взаимодействия и смешения разных русских локальных вариантов происходила унификация этнокультурных традиций. Такие же процессы происходили и в среде украинцев-иногородних – выходцев из разных губерний Российской империи. Консолидационно-ассимиляционные процессы протекали и в смешанной русско-украинской среде.

Городская жизнь формировала религиозную, культурную толерантность, как у казаков – «горожан», так и у многочисленной армии полиэтничных отходников.

Рост нефтяной промышленности, грозненские ярмарки, которые приносили хорошую прибыль, притягивали сюда и население из горных и равнинных сел Чечни. Но в этнической структуре Грозного на второй позиции после русских прочно закрепились горские и европейские евреи и армяне. На численность чеченцев в Грозном повлиял действовавший в 1893-1901 гг. закон «О воспрещении горцам, не состоявшим на казенной службе или находившимся в отставке (не в офицерских чинах), проживать в городе». Согласно этому закону, в 1894 г. из

Грозного выслали примерно два десятка чеченцев и вплоть до 1901 г. запрещали селиться в нем чеченским торговцам [4, с.4]. Тем не менее в социокультурной среде города активно проявляла себя богатая прослойка чеченцев: купцы, нефтепромышленники и т.д. Это Мациевы, Чермоевы, Эльмурзаевы, Башировы, Шептукаевы, Курумовы, Арсамирзоевы и другие. Из-за чинимых властями препятствий многие состоятельные чеченцы-предприниматели вынуждены были окольными путями заниматься торговлей и приобретать недвижимую собственность.

Каменные и кирпичные дома в Грозном принадлежали купечеству, в том числе зарождавшейся чеченской буржуазии: А. Чермоеву, Д. Мациеву, Г. Мациеву, Арсамирзоеву, Ш. Чуликову, Эльмурзаевым, Арсанукаевым, Башировым и т.д. [5, 24]. Именно на этих людей и их детей – уже «коренных» горожан сильнее всего влияла так называемая городская культура. Они переходили на европейскую одежду, жилище, предметы быта и т.п.

Многоликий традиционный социокультурный мир горожан (одежда в том числе) переживал трансформационные явления под воздействием урбанизационных процессов. Одни элементы традиционной бытовой культуры вытеснялись рынком, другие, напротив, в условиях урбанизации обретали новую жизнь. Основными хранителями этнокультурных традиций в одежде были неимущие и средние слои. Городская элита сохраняла их в качестве реликтово-знаковых элементов быта. Степень потребления европейских форм бытовой культуры, в том числе и в одежде, определялась не этнической, а социальной принадлежностью горожан. В целом одежда в структуре повседневности представляла собой синтез традиционных и новых урбанизированных форм.

Полиэтничность городского населения ярко отражалась в этническом многообразии городской одежды.

Городскую одежду отличали сочетание европейских нарядов с элементами традиционных. Утверждение европейской одежды среди части городского населения вовсе не означало забвения национальной, некоторые фрагменты которой, напротив, приобретали престижно-знаковое содержание.

Этническая пестрота одежды горожан бросалась в глаза на улицах города: женщины и мужчины, одетые по-европейски, гуляющие по бульварам, солдаты, офицеры в военной форме.

В структуре городского населения кроме указанных этнических групп, как уже отмечалось выше, были представлены этнические

группы татар, грузин, персов азербайджанцев, поляков, греков, представители дагестанских народностей и многие другие. Часть из них предпочитала этническую традиционную одежду с элементами европейской одежды.

В городе проживала достаточно крупная община персов.

Община горских евреев в Грозном была одной из крупных. Среди евреев было много торговцев, ремесленников (портные, ювелиры, кузнецы, жестянщики и т.д.). После большого пожара в крепости Грозная (1860 г., полностью сгорела слобода еврейская), еврейская община переселилась на правый берег реки Сунжа, где начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант П.А.Евдокимов отвел им вдоль берега реки четыре тысячи десятин земли для расселения [6,с.39]. Впоследствии здесь возникла новая улица имени Лорис-Меликова, переименованная в 1920 году в Московскую улицу, где компактно проживала еврейская община в Грозном и в советский период.

Гораздо меньше элементов традиционной одежды принесли с собой в город греки, поляки, татары, русские, украинцы.

Одежда поляков, немцев, как и греков, не сохраняла этнической специфики.

Основной тенденцией в развитии городской одежды была ее европеизация. Подъем экономики, расцвет торговли и промышленности оказали прямое воздействие на одежду горожан. Качественные изменения городской одежды были связаны с большим открытием в истории мирового швейного дела – появлением швейной машины, которая получила распространение с середины XIX века. Ее усовершенствованный вариант, созданный И. Зингером, приобрел мировую славу. В Россию швейные машины импортировались из США и Германии. На рубеже XIX–XX веков их стали поставлять и в Грозный, что кардинально повлияло на качество изготавливаемой одежды. Хорошими портными были в Грозном были евреи – мужчины, которые открывали здесь пошивочные мастерские. У чеченских купцов в городе были крупными специализированными магазины, которые предлагали широкий выбор не только тканей, фурнитуры, но и готовой одежды, головные уборы, обувь.

Представление о городской женской одежде дополняет информация о ювелирных украшениях. Прослеживается определенная этническая специфика в практике их ношения. Городской рынок ювелирных украшений нивелировал их национальную специфику, особенно среди молодых женщин. Ювелирные магазины предлагали широкий выбор изделий из золота, серебра, мельхиора.

Таким образом, данный небольшой и далеко неполный охват всех сторон развития города, свидетельствует о роли социокультурных факторов в процессе общественной трансформации. Эти процессы заметны особенно в повседневной культуре и быте различных этнических групп города второй половины XIX – начала XX в. Особенности повседневной материальной культуры отражают процессы, происходящие в этнокультурной идентичности. Этнокультурная идентичность усложняется, а в обыденной жизни следование национальным традициям и нормам родной культуры перестает быть бесспорным. Социокультурная модернизация наблюдается во всех сферах жизнедеятельности городского населения. Можно сказать, что в указанный период в городе Грозном был достигнут социокультурный баланс. Здесь были объединены не только представители различных народов, населявших наш край и имевших свои культурные традиции, но и носителями мировоззрений крупнейших мировых религий – ислама, христианства, иудаизма. Общие экономические, политические и культурные интересы этих народов приводили постепенно к социокультурной унификации локальных городских сообществ.

Город в современном мире представляет единство культуры и социальности. И урбанистическая среда самая интернациональная в мире. Поэтому так важно изучить исторический социокультурный опыт провинциального города, каким являлся Грозный во второй половине XIX начале XX века, и, учитывая положительный опыт сосуществования прошлых поколений, эффективно строить межкультурные коммуникации сегодня.

Список использованной литературы

1. Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено–Ингушетии в эпоху империализма. / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964. – 320 с.

2. Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1989. – 88 с.

3. Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный: Чеч.-Инг.книж, изд-во, 1984. – 95 с.

4. Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. Грозный, 1960.

5. Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон. XIX – нач. XX в.). М.: Дело, 1994. – 126 с.

6. Кусаев А. Город Грозный: страницы истории (1818–2003). Элиста, 2012. – 344 с.

Даутов И.Н.,

аспирант, Российский университет
Дружбы народов г. Москва

Чекулаев Н.Д.,

к.ист.н, н.с., Институт истории археологии
и этнографии ДФИЦ РАН г. Махачкала

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ С СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ В XVIII В.

Аннотация: *В статье показаны тесные отношения местных народов с терскими казаками в различных областях жизни в рассматриваемое время. Кроме того, подробно освещается куначество, торговые связи, взаимопомощь между народами региона.*

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, Дагестан, горцы, русское население, города, язык, взаимопомощь.*

Abstract: *the article shows the close relations of local peoples with the Terek Cossacks in various areas of life in the considered time. In addition, kunachestvo, trade relations, mutual assistance between the peoples of the region are covered in detail.*

Key words: *Russia, North Caucasus, Dagestan, highlanders, Russian population, cities, language, mutual aid.*

Развитие связей между народами Северного Кавказа и казаками берет свое начало с появления рязанских и городских казаков на Тереке. Впоследствии они стали называться «терскими», а поселившиеся ближе к отрогам (гребню) гор – «гребенскими». Известно, что в XVIII в. «казаки держались в своих гребнях, благодаря поддержке князей Нижней и Малой Кабарды, землю которых они прикрывали, и приятельским связям с мало воинственными и немусульманскими тогда соседними чеченскими обществами, из которых даже брали себе жен».

С усвоением взаимной материальной и духовной культуры появляется настоятельная потребность в изучении языка своих соседей. В каждой станице встречались казаки, свободно владевшие языком горцев и нередко служившие толмачами и переводчиками при терских воеводах. Беглый горец, поселившийся в станице, учился говорить по-русски, в то же время в его семье не забывали и языка своих предков.

В повседневной жизни казаки говорили на великорусском наречии, этот язык употреблялся ими как во взаимных сношениях, так и при разговорах с жителями другой национальности. В свою очередь, горцы изучали русский язык и при сношениях с казаками пользовались только этим языком. Под влиянием постоянного общения с многоязыковыми соседями в разговорной речи казаков стали появляться слова и целые выражения, которые были взяты из местного лексикона и придавали русскому языку некоторые особенности в его складе, содержании и произношении [9, с. 64–65].

В русский и другие славянские языки попала часть тюркских слов. Заимствования из кабардинского, чеченского или осетинского языков в терских говорах буквально единичны, тогда как тюркоязычных заимствований можно насчитать десятки, если не сотни.

Лексические заимствования многообразны: это явления природы и географические понятия, животный мир и поселения, одежда и пища.

Богатейший тюркологический материал (тюркизмы русской лексики) представлен в словаре В.И. Даля. В составе тюркизмов русского языка Северного Кавказа такие слова, как башлык, бурдюк, шаровары, бешмет, буза, айда, казан, каракуль, караул, кенаф, кизяк, курага, майдан, саман, табун, туман, туша, халва, чалма, шайтан, шаль, шатер, ярлык, ясак, кавардак, кайма, камыш, капкан, кушак, сарай, карман (XVII в.), нагайка (плеть), бугай (бык) [3, с. 66].

Казаки рано познакомились с местными языками, усваивая названия многих вещей, употребляемых северокавказцами в хозяйстве. Перенимая местные изделия, казаки перенимали вместе с ними и их названия, тем самым пополняя свой словарный запас.

Следует отметить, что и местные жители целенаправленно стремились обучать своему языку и грамоте малолетних русских пленных.

Искреннее стремление широких слоев из местных народов и русских в регионе к дружбе и добрососедским отношениям, развитие политических, экономических контактов приводили к обоюдному знанию языка, а значит, и к взаимообогащению их. В кавказских языках был усвоен ряд слов, которые по форме и значению совпадают с русскими.

Влияние местных языков на говор терско-гребенского казачества было весьма значительным. Многие казаки знали языки местного населения, иногда даже употребляли его в домашнем быту.

Во влиянии северокавказского фольклора на казачий и наоборот есть определенная специфика. В частности, местный песенный фольклор не отразил типичных русских мотивов, но в нем возник образ благородного русского друга, русского человека, отражающего лучшие черты русского народа [2,с.217].

Тюркский язык, в частности, ногайский и кумыкский был языком межэтнического общения. Им хорошо владели терские казаки. Современники отмечали, что хотя у местных казаков язык русский, но по соседству много ногайцев, с которыми частые сношения. Развитие двуязычия создавало дополнительные возможности для взаимодействия народов, в том числе в хозяйственной сфере.

Влияние ногайцев на казаков проявилось и в том, что в языке терских казаков появились заимствованные из тюркского названия домашних животных, степных трав, веревки, пастушьей палки, плащанакидки, сумки, животноводческих продуктов питания. Некоторые элементы праздничной пищи ногайцев (баурсак) получили распространение и у казаков. Праздники имели такие общие элементы как скачки, джигитовки и т.д.

Так, общие черты прослеживаются в мифологии ногайцев и казаков: представления о земле (лежит на китах, большой рыбе), небе (состоит из 7 небес), вихре (танец, свадьба нечистого), затмение (недоброе предзнаменование) [4,32–33].

Влияние местных народов на своих русских соседей проявилось и в одежде: «в платье обряды их» не были сходны с «великорассейскими казаки носили костюмы на «татарское обыкновение». Казаки носили черкеску, бешмет, кавказскую меховую шапку, ноговицы; женщины их также «приняли уборы» от горских женщин. Все украшения казачек были приобретены у горских мастеров. Элементы чеченской и горской одежды вообще настолько проникли в быт казачества, что даже героев русских песен казаки «одевали» по своему подобию. В песне «Иван Грозный встречается с сыном Курбского» герой этой песни выходит навстречу царю «в коричневой черкеске нараспашечку». Щегольство казаков в одежде состояло в подражании чеченцам.

Казаки переняли у своих соседей все виды холодного оружия; особенно они ценили уникальные шашки «терс-маймуны» и «калдыны»,

которые были распространены в Чечне. Заслуженной славой пользовались и шашки, изготовленные в ауле Атаги, они воспевались даже в казачьих песнях [1,с 117].

Взаимные добрососедские отношения, сложившиеся за долгие годы совместной жизни терских казаков с местными жителями, были настолько близкими и тесными, что русского казака-терца трудно было отличить от соседа-горца. При этом, однако, никогда не терялись настороженность и постоянная военная готовность при всегдашнем военном положении.

Результатом взаимодействия горцев и казаков стало изменение внешнего и внутреннего вида их жилищ. У казаков в силу климатических и географических особенностей региона и под воздействием горских традиций получили распространение так называемые сакли – (хаты) длинные низкие турлучные или саманные строения, большей частью без фундамента и с плоской крышей из камыша, соломы или драни и печью, в которых зимой проживала вся семья. Горское влияние ощущалось и в интерьерах жилищ. Убранство казачьих домов определялось современниками как «смесь русских основ с азиатскими».

Казачья переняла у горцев целый ряд национальных блюд: лепешки с начинкой из сыра и овощей, пресный хлеб, смесь творога с топленным маслом и другие. В свою очередь, горцы стали употреблять в пищу большее количество ранее неизвестных овощей, блюд, готовить заквашенное тесто.

С появлением казаков и русских переселенцев среди горцев все большее распространение получают картофель, капуста, свекла, гречиха. Шире стала использоваться пшеничная мука. Расширилось потребление чая, сахара, кондитерских изделий. У русского населения были переняты борщ, котлеты, голубцы и другие блюда и т.д. [10, с. 309, 311 – 313].

Действительно, многочисленные факты указывают на то, что казаки поддерживали оживленные связи с горцами, которые в прошлом были даже прочнее. «Заметное влияние на укрепление горско-казачьей дружбы оказала женщина. Жены казаков в основном были горского происхождения, и нередко они попадали в станицы не по добровольному согласию, а путем хищения. Русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально добывала себе жен на Кавказе. Объясняется это тем, что гребенские казаки в силу того, что изначально представляли собой исключительно мужское население, были вынуждены родниться с местными народами [8,с.46].

Продолжительное время, соседствуя и взаимодействуя с кавказскими народами, казачество впитывало в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть своих горцам. По-особому это взаимовоздействие проявилось в сфере женских интересов, а также в их судьбах.

Так, в рассматриваемый период произошло изменение хозяйственных обязанностей казачек под влиянием сельскохозяйственных и животноводческих традиций черкесов. Женщины стали готовить кабачковую икру, мамалыгу, острые соусы, начали делать сыры, закваску для которых покупали или выменивали у адыгейцев.

Большим спросом пользовались у казаков привозимые черкесами звериные шкуры и туши диких кабанов и свиней. Одним из важных продуктов обмена являлись вытканые казачками холсты. В свою очередь горцы привозили для женщин в станицы на обмен корень марены (естественный краситель) и лист кустарника желтинника (для дубления) [11,с.189].

Казаками перенимались традиции садоводства (адыги выращивали прекрасные сорта яблок, груш, винограда, которые были приспособлены к местным природным и климатическим условиям), в станицах появились горские породы животных (коней, неприхотливых грубошерстных овец и т.д.). В то же время отдельные черкесские племена, переходящие к прочному оседлому образу жизни, стали выращивать завезенные переселенцами пшеницу, ячмень, овес и т.д. Многие кавказцы плуги и косы покупали у казаков [8,с.47].

Русские и казаки заимствовали у ногайцев способы ведения скотоводческого хозяйства, методы содержания скота. Русские пастухи, находившиеся круглый год в степи, заимствовали удобную для такого образа жизни одежду.

Ногайцы, в свою очередь, перенимали у русских их опыты по выведению более продуктивных пород скота [5,с.343].

Как свидетельствуют исторические факты, в первый период поселения казаков на Тереке особых препятствий для смешанных браков не было, и подобная картина наблюдалась вплоть до XVIII века, до начала массовой колонизации Северного Кавказа. В более поздний период такие браки встречаются все реже, что объясняется прежде всего тем, что казаки и горцы исповедывали разные религии.

Наиболее сблизились с кавказскими племенами гребенские и терские казаки. В результате многолетнего (преимущественно мирного) соседства с горцами среди замужних казачек было многоженщин местного горского происхождения, особенно чеченок, кабардинок и ногаек.

Казачьи скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами... от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных».

До XVIII в. особых препятствий для смешанных браков не было, и казаки быстро переняли кавказские обычаи: стали либо воровать себе невест, либо получать их в жены по договору с родителями (с необходимой выплатой калыма). Но так как калым был зачастую не по карману рядовому казаку, то наиболее частым способом получения невесты все-таки стало широко распространенное на Кавказе (по тем же причинам) «умыкание», т.е. похищение девушки.

На Кубани так же, как и у терских казаков, причиной брака могло стать пленение горянки или договор с ее родителями (с выплатой достойного калыма). Многие исследователи отмечают, что главной причиной подобных браков являлся недостаток женщин брачного возраста в кубанских станицах. В первое время после переселения казаков на Кубань «...черкесы и черноморцы хотели родниться: черкешенки не прочь были выходить за русских, а казачьи старшины мечтали о женитьбе на черкесских княжнах» [11,192–193].

В свою очередь и казачки иногда становились женами кавказских горцев, правда, в основном путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства.

Эти браки составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путем смещения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки, остатки которого и по сей час встречаются изредка. Поразительная физическая красота и крепость этого типа... общеизвестна». Оказавшись в станице, горская женщина продолжала поддерживать родственные связи, навещала родных в своем ауле, и те, в свою очередь, были частыми гостями в станице [7, с. 326, 330].

Женились на черкесках, кабардинках, чеченках, дагестанках. Причем нередко умыкали невест. Этот обычай был чисто кавказским, он позволял не только избавиться от расходов на свадьбу и калым, но и почитался признаком удали. Возникали и куначеские связи. Бывало, что казак отдавал сына на воспитание кунаку-джигиту, а тот выдавал дочь за этого сына. Но невест обязательно крестили, а казачек замуж за горцев не отдавали, это значило бы переход православной девушки в «басурманскую» веру [12,с.143].

В целом межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались, а в момент обострения военной ситуации привлекались для освобождения из плена родственников [11,с.194].

Обычай куначества казаки переняли у горцев. Кунак воспринимался как друг семьи, почти родственник. Между кунаками нередко существовали такие же отношения, какие были между близкими родственниками. Они принимали участие в семейных событиях друг друга, оказывали необходимую помощь и содействие. Горец, как известно, считал своим священным долгом оказать при первой же надобности моральную и материальную поддержку кунаку. Казаки и горцы, поддерживавшие куначеские отношения, были взаимно связаны долгом гостеприимства и в каждой станице можно было встретить казачьи семьи, которые заводили себе друзей в горских аулах и называли друг друга кунаками. Отношения между кунаками были самые дружественные. Они часто приезжали друг к другу в гости, дарили подарки, а в случае надобности оказывали взаимную помощь во время сельскохозяйственных работ. Кунаки гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения в поколение [2, с.113].

Кунаки были взаимно связаны долгом гостеприимства, и в каждой казачьей станице можно было встретить семьи, которые заводили друзей в горских аулах из числа местных жителей и называли друг друга кунаками.

Отношения эти были открытые и доверительные. Они часто приезжали друг к другу в гости, дарили подарки, а в случае надобности называли взаимную помощь во время сельхозработ. Кунаки гордились своей дружбой и передавали ее детям, как «священный завет из поколения в поколение» [6, с.144].

Много кунаков было у ногайцев и среди казаков близлежащих станиц. Ногайцы, как и другие народы региона, со временем настолько сблизились с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков и русских появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у местных народов – в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между ногайцами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Для приема гостей у ногайцев существовало специально отведенное помещение – кунацкая. Или выделяли одну из лучших комнат жилища, предназначенную для гостей. Ногайцы, даже самые бедные, всегда были рады приезду гостя, считая, что вместе с ним приходит благо [3, с.67].

Куначеские отношения, широко развитые между рядовыми казаками и чеченцами, нашли свое отражение в чеченском фольклоре. Так, героико-эпическая поэма-илли «Ахмад Автуринский» рассказывает о

том, как чеченский молодец сдружился с терским казаком, который, следуя «законам» дружбы, помогает Ахмаду вывезти его любимую девушку из Кизляра.

Хорошим обычаем, способствовавшим взаимообогащению культур, укреплению дружеских связей горцев и казаков, был обычай аталычества, суть которого состояла в отдаче детей для воспитания в другую семью. Между казаками и чеченцами было принято отдавать детей на воспитание из станиц в аулы и наоборот, что давало им знание чужого языка, грамоты (русской, арабской), обычаев и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что для взаимовлияния и взаимообогащения культур местного и русского (в данном случае в лице казачества) народов существовали определенные условия и предпосылки. К числу их относились оживленные политические и экономические связи, взаимные переселения, взаимозаинтересованность и взаимозависимость в хозяйственной жизни, гостеприимство, куначество и аталычество.

Налаживанию добрососедских отношений способствовал и распространенный среди горцев и казаков обычай аталычества – отдача ребенка на воспитание в семьи казаков или горцев. У ногайцев, например, были распространены различные формы аталычества, в том числе и не имеющие аналогий у других народов. Это многообразие форм у тюрков, с которыми издавна общались собственно кавказцы и казаки, и привело не только к заимствованию термина, но и отдельных черт обычая [8, с.47–49].

Очень часто ногайцы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены семьи. В результате такого длительного тесного повседневного общения ногайцы усваивали русский язык, а многие казаки свободно владели ногайским языком. Влияние ногайцев проявилось в том, что в языке казаков появились заимствованные из тюркского названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки (их русские и казаки ставили во время полевых работ), плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания. Современники отмечали сходство в одежде казаков и ногайцев. Некоторые элементы праздничной пищи ногайцев (баурсак) получили распространение у русских и казаков. Праздники имели такие общие элементы, как скачки, джигитовки, устройство качелей [3, с.68].

Таким образом, отношения казаков с северокавказскими народами в рассматриваемое время далеко не всегда носили характер военного

противостояния – было множество форм мирного взаимодействия, менявших культурный облик обеих сторон. Во многих из этих процессов участвовали женщины и горянки, и казачки. Влияние иной этнической культуры проникало в их хозяйственную деятельность, меняло состав их семей и представления об окружающем мире, способствовало складыванию межэтнического взаимопонимания.

Список использованной литературы

1. Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735 – 1800 гг.) – Махачкала: ДГУ. 2011.

2. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З. К. Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2003.

3. Кидирниязов Д.С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казаками в XVII – XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: матер, заочной науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2008.

4. Кидирниязов Д.С. К истории взаимоотношений ногайцев с терскими казаками в XVIII – XIX вв. // Терское казачество: история и современность: сборник статей и докладов региональной научной. конференции, проводимой в связи с празднованием 271-й годовщины г. Кизляра и 75-летием Дагестанского - государственного университета. – Махачкала: Из-во ДГУ, 2016

5. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016.

6. Кидирниязов Д.С. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа (XVIII – XIX вв.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 2018.

7. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017.

8. Мутиева. О.С. Взаимоотношения терско-гребенских казаков с местным населением // Терское казачество: история и современность: сборник статей и докладов региональной научной. конференции, проводимой в связи с празднованием 271-й годовщины г. Кизляра и 75-летием Дагестанского государственного университета. – Махачкала: Из-во ДГУ, 2016

9. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ.: «Ир», 1991

10. Триус Л.И. Результативность взаимодействия горцев Северного Кавказа и казаков в сфере культуры и быта (конец XVIII – XIX вв.) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 14-16 ноября 2008 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 309, 311 – 313.

11. Цыбульникова А.А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: матер, заочной науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

12. Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007

Фомин А. В.,
к.ист.н., кафедра отечественной и зарубежной
истории и методики обучения
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева»
(г. Саранск)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ МОРДОВИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО КАВКАЗА (АРМЯНЕ, АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ, ЧЕЧЕНЦЫ, ОСЕТИНЫ И ДР.)

***Аннотация:** В статье рассмотрены вопросы, связанные с комплексным анализом влияния этнического фактора на политическую ситуацию в Мордовии в последние годы существования СССР и, прежде всего, в постсоветский период, выявлены механизмы регулирования государством и институтами гражданского общества, в том числе национальными общественными организациями, этнополитических процессов в Республике Мордовия.*

***Ключевые слова:** Кавказ, национальная политика, идентичность, Мордовия, национальные организации.*

На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. произошла существенная трансформация этнокультурных и этнополитических движений мордовского (мокша и эрзя) этноса в РМ. При этом в первой половине

1990-х гг. большинство мордовских национально-общественных организаций выступало с политизированными требованиями, которые часто сопровождались критикой республиканских властей (хотя необходимо отметить, что даже в этот период лозунги регионального сепаратизма в Мордовии фактически не выдвигались). Во второй половине 1990-х гг. и, особенно, в начале 2000-х – середине 2010-х гг. большинство этнокультурных и этнополитических движений мордвы встали на путь конструктивного сотрудничества с руководством РМ, что в немалой степени было обусловлено поддержкой данных движений со стороны республиканской власти. Важную роль в данной трансформации сыграли и национально-культурные автономии. Исключение составляет только общественная организация Фонд спасения эрзянского языка, играющая роль этнонациональной оппозиции республиканской власти и выступающая под лозунгами борьбы против русификаторской политики, якобы проводимой в отношении эрзян и мокшан (этноним «мордва» активистами данной организации не признается) со стороны политического руководства Мордовии и России.

В ряде работ, ранее опубликованных, анализируется деятельность на территории постсоветской Мордовии национальных организаций представителей российского и зарубежного Кавказа (армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы, осетины, изиды и др.), социальный состав которых в современной Мордовии включает в себя не только предпринимателей и торговцев, но также инженерно-технический персонал, работников сферы образования и др. Как правило, они организованы в своеобразные неофициальные землячества, поддерживая связи не только между собой, но и с родными и близкими, проживающими на Кавказе (российском или зарубежном), а также в других регионах РФ [1, с.34].

Среди представителей проживающих в республике народов Кавказа наибольшую активность в плане создания этнокультурных организаций проявляют армяне и азербайджанцы.

В 2008 г. в Саранске состоялось учредительное собрание регионального отделения Союза армян России (САР), что позволило организовать жизнь внутри армянской общины Мордовии, эффективно решать многие социально-бытовые и гуманитарные проблемы соотечественников, в том числе прибывающих в республику переселенцев и мигрантов. В мае 2010 г. в Саранске прошел Международный съезд Союза армян России, на котором обсуждались проблемы адаптации армян, вопросы взаимодействия национальных общественных организаций с властными структурами в регионах России. К мероприятию была

приурочена международная выставка армянских художников, где было представлено более 250 их произведений. Примером активного участия Мордовского регионального отделения САР (председатель Л.Г. Саргсян) в общественной и культурной жизни региона явилось проведение в апреле 2015 г. мероприятий, посвященных 100-летию геноцида армянского народа в Османской империи.

Что касается азербайджанских общественных организаций, то в октябре 1992 г. в Министерстве юстиции прошло регистрацию Саранское общество азербайджанской культуры «Юрддаш» («Соотечественник»), а в 2009 г. в Саранске было зарегистрировано Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийский Азербайджанский конгресс (ВАК)», которое возглавил Я.Ф. Абышев. Одним из первых мероприятий данной организации было связано с традиционным для многих ирано- и тюркоязычных народов празднованием нового года по астрономическому солнечному календарю, приходящееся на 21 марта – Навруз-байрама. Можно констатировать, что Навруз 2010 г. впервые собрал вместе азербайджанскую диаспору г. Саранска. Азербайджанцы Мордовии сохраняют и поддерживают связи с этнической родиной. В региональное отделение ВАК постоянно поступают из Республики Азербайджан периодические издания и книги на родном языке [2,с.149].

Проживающие в Мордовии представители народов Кавказа достаточно комфортно чувствуют себя в данной республике Среднего Поволжья, давно став неотъемлемой и органичной частью ее многонационального населения [3,с.4].

Для проживающих на территории современной Мордовии народов (русских, мордвы, татар и др.) традиционно характерен высокий уровень межэтнической и межрелигиозной толерантности, этноконфессиональной стабильности, который подвергся испытаниям на прочность в конце 1980-х – начале 1990-х гг.).

Тем не менее за более чем четверть века в Республике Мордовия удалось сформировать модель успешного взаимодействия и социального партнерства между, с одной стороны, этнокультурными движениями и организациями мордвы, татар и представителей других этносов и, с другой стороны, структурами государственной власти. Данное сотрудничество во многом способствует этнополитической стабильности в республике, ее эффективному социально-экономическому развитию и поэтому может служить примером для других, проблемных в этом отношении российских регионов.

С 1990-х гг. по настоящее время в РМ действует ряд этнокультурных движений, численность которых продолжает расти, при этом абсолютное их большинство настроено на социальное партнерство и конструктивное сотрудничество с властями в сфере развития национальных культур.

Отдельные деструктивные явления и проблемы в сфере межэтнических отношений, свойственные всему российскому социуму (проявления радикального национализма, мигрантофобии), в известной мере проявились и в республике, что также обуславливает актуальность выводов исследования. Несмотря на отдельные отрицательные явления и факты, Мордовии обладает достаточно сильным потенциалом для построения общества, основанного на принципах межэтнической и межрелигиозной толерантности.

В целом, этнополитическая ситуация в Республике Мордовия может характеризоваться как устойчиво стабильная. Определенное влияние на нее оказывают региональные СМИ и, в меньшей степени, интернет-ресурсы. При этом необходимо констатировать, что подавляющая часть действующих в РМ СМИ лояльна республиканскому руководству, а оппозиционная периодика в современной Мордовии не получила значительного развития.

Список использованной литературы

1. Фомин, А.В. Этнокультурное движение мордовского народа в контексте социального партнерства с властью (начало 1990-х – 2010-е гг.) / А.В. Фомин, Т.Д. Надькин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 34–42.
2. Фомин, А.В. Национально-культурные движения и власть в Республике Мордовия в начале XXI столетия / А. В. Фомин // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 3. – С. 149–151.
3. Гарунова Н.Н., Скорик А.П., Цыбулькикова А.А. Деконструкция межэтнического диалога студенчества: аналитика и материалы кросс-культурного социологического исследования. – Махачкала, 2014.-134с.

Гаджимусаева А.Г.,
студентка 4 курса ИПиМ
Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск)

К ВОПРОСУ О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ КАЗАКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Оружие на Северном Кавказе пользовалось особым статусом – было произведением искусства, фамильной ценностью, символом войны, правосудия и чести. На Руси сабля известна с 9 века, она стала основным оружием в русской армии, и лишь в 19 веке ее заменила шашка, а сабля стала церемониальным и парадным оружием. Шашка – это холодное, рубяще-колющее оружие со слегка изогнутым однолезвийным клинком, обоюдоострым концом и эфесом без гарды (за исключением некоторых образцов).

Характерным отличием шашки от сабли были деревянные ножны, обтянутые кожей, с кольцом (реже с двумя кольцами) для ремней портупей на выпуклой стороне (то есть она подвешивалась по-кавказски – лезвием вверх). Сабля в 19 – начале 20 века имела, как правило, стальные ножны. У сабли кольца всегда расположены на вогнутой стороне ножен. Шашка носилась чаще на плечевой портупее, а сабля на поясной. Кроме того, клинок сабли изогнут сильнее, чем у шашки. Традиционно шашка была оружием горских народов Кавказа. Известная с 18 века, шашка имела клинок слабой кривизны, что давало возможность не только рубить, но и колоть противника. Позднее шашку принимают на вооружение кубанские и терские казаки [1,с.586].

На Северном Кавказе получили распространение два вида шашек: горская шашка с клинком, прячущимся в ножны по головку рукояти, и казачья шашка, у которой рукоять не убирается в ножны. Клинки среднеазиатских шашек почти прямые, с разлапистым обухом и очень острым концом. Их рукояти несколько утолщены кверху. Шашка имеет деревянные ножны с металлическим прибором. Ножны обычно оклеиваются кожей [2,с.810].

В России, начиная с 18 века, шашку используют казаки, в 19 веке она появляется на вооружении регулярной конницы и конной артиллерии. Казачья шашка образца 1839 года имела рукоять, окованную латунью по головке и спинке, где оковка соединялась с нижним кольцом. В 1881 году в России шашка была принята на вооружение всех кавалерийских частей, артиллерийской прислуги, офицерского корпуса всей

армии, а также чинов жандармерии, конной и пешей полиции. Драгунская шашка имела клинок с одним долом и гарду в виде дужки. Ее ножны делались из дерева. Латунный позолоченный прибор состоял из устья, двух обоймиц с кольцами для портупей и наконечника ножен. Кроме этого, на ножны надевались дополнительные обоймицы с квадратными гнездами для штыка. Обоймицами для штыка снабжались только кавалерийские шашки. Клинок офицерской шашки был на 10 см короче, чем драгунской и имел три дола.

Ножны офицерской шашки имели одну обоймицу с кольцом, а для верхнего или переднего ремня портупей вместо кольца на обоймице была сделана прорезь с внутренней стороны устья. Прибор офицерской шашки делали из латуни и золотили. Шашки артиллеристов изготовлялись по образцу и размерам офицерской, но клинок имел один дол вместо трех. Казачьи шашки образца 1881, особенно после завершения Кавказской войны, года отличались от драгунских прежде всего формой рукояти, которая была лишена дужки [3,с.172].

Казачий клинок имел один дол, а ножны изготовлялись по типу офицерских.

Список использованной литературы

1. Иноземцева Е.И., Кидирниязов Д.С. Некоторые особенности культурно-интеграционных процессов южнорусского казачества с народами Северного Кавказа // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия Сборник научных статей по итогам международного научного форума. 2018. С. 586-596.

2. Иноземцева Е.И., Чекулаев Н.Д. Дербентская таможня в контексте экономической кавказской экономической политики России (1722–1735гг) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 810.

3. Garunova N.N. Contentious aspects of the term "Caucasian war" in the works of the north caucasian historians // Life Science Journal. 2014. Т. 11. № 11s. С. 171-177.

Нифталиев И.
заведующий отделом «История Азербайджана советского периода» Института Истории им. А.А. Бакиханова НАНА,
доктор философии по истории, доцент.
г. Баку

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АЗЕРБАЙДЖАНА (20-30-е гг. XX в.)

***Аннотация:** К началу 1920-х годов по национальному составу Компартия Азербайджана была самой многонациональной, а по своей численности второй на Южном Кавказе, после грузинской. По данным на 1922 год она объединяла в своих рядах представителей 40 национальностей. Однако, несмотря на столь пеструю этническую палитру, национальный состав партии на протяжении всей её истории в основном формировался из представителей трех основных национальностей, проживающих в республике: азербайджанцев, армян и русских. Данный расклад был ярким отражением национального состава населения республики. Определяющими факторами, повлиявшими на формирование национального состава Компартии Азербайджана, были особенности развития социальной структуры населения, формирование почти половины состава партии за счет членов Бакинской партийной организации, где наблюдалась высокая политическая активность русских и армян, уровень грамотности, демографические изменения в составе населения.*

***Ключевые слова:** Коммунистическая партия, национальный состав, Баку, население, рабочий, крестьянин.*

К началу 1920-х годов по национальному составу Компартия Азербайджана была самой многонациональной, а по своей численности второй на Южном Кавказе, после грузинской. По данным на 1922 год она объединяла в своих рядах представителей 40 национальностей [10,с.14]. Однако, несмотря на столь пеструю этническую палитру, национальный состав партии на протяжении всей её истории в основном формировался из представителей трех основных национальностей, проживающих в республике: азербайджанцев, армян и русских. Данный расклад был ярким отражением национального состава населения республики. На протяжении 1920-1930-х годов армяне и русские составляли в общей сложности почти половину членов Компартии Азер-

байджана. Активное участие русских и армян в дореволюционном социалистическом движении и борьбе за установление советской власти в Азербайджане сыграло решающую роль в формировании национального состава Компартии Азербайджана и удельного веса в ней основных национальных групп республики. Причину пассивного участия азербайджанцев в этом движении американский советолог З.Зенковский видел в том, что в этот период «только несколько образованных татар и азербайджанцев были знакомы с теориями Маркса и Ленина». Как считал другой известный американский советолог Т.Свентоховский, «большевики в этот период фактически отмахнулись от мусульман, полагая, что они не могут представлять собой какой-либо политической силы в революционном процессе». История Бакинской Коммуны является ярким тому подтверждением. Давая оценку политическим событиям 1917-1918 годов, в ходе которых большевики впервые попытались установить советскую власть в Азербайджане, Т. Свентоховский отмечал, что «Баку, являвшийся основным эпицентром революционных событий в Азербайджане, представлял собой остров социалистических партий русских и армян в море мусульманского национализма» [16,с.32]. Таким образом, американский исследователь справедливо отмечал, что большевики не имели социальной опоры среди коренного тюркского населения, которое в своем большинстве поддерживало национальные силы. Поэтому среди тюрков не было профессиональных революционеров, подобных русским, армянам и грузинам.

В революционном движении 1917-1920 годов азербайджанские тюрки в основном были представлены социал-демократической партией «Гуммет», разделенной на большевистское и меньшевистское течения, а также организацией «Адалят», состоявшей из отходников-тюрок, прибывших на заработки из Южного Азербайджана и работавших на нефтепромыслах Баку. К моменту объединения «Гуммет», «Адалят» и Бакинского комитета РКП(б) и образования Азербайджанской Коммунистической партии большевиков на I съезде партии, проходившем в нелегальных условиях в Баку 11-12 февраля 1920 года, общая численность коммунистов составила около 4000 человек. Как отмечается в одной из работ со ссылкой на партийный источник, «в период мусаватского режима в ряды коммунистических организаций Азербайджана вступило 3092 человека, из них 999 азербайджанцев, 91 представитель прочих мусульманских народностей» [16.с.32]. Само по себе, решение о создании единой партии с подобной аббревиатурой, явилось своеобразной попыткой Москвы продемонстрировать местным большевикам

национальный характер их власти в будущей «независимой» Азербайджанской Социалистической Республике. Но учитывая то, что русские, армяне и другие представители некоренного населения на момент принятия решения о создании Азербайджанской Коммунистической партии составляли большинство в составе коммунистов, проблема для инициаторов создания единой партии приобретала отнюдь не национально-демографический, а сугубо политический характер. Поэтому после советизации Азербайджана усиление национального ядра партийной организации республики за счет представителей коренного населения имело важное, первостепенное значение.

Уже через год после образования, Компартия Азербайджана в 1921 году подверглась генеральной чистке, в результате которой лишилась почти половины своих членов. Таким образом, на начало 1922 года Компартия Азербайджана объединяла в своих рядах 8276 члена и кандидатов в члены партии [10,с.14]. Из них 5942 человека были членами партии. В их составе тюрки составляли 39,3%, армяне – 13%, русские – 34,7%. В период 1922-1940 годов в процентном соотношении доля азербайджанцев в партии (членов и кандидатов в члены партии) увеличивается с 39,3 до 47,8%. В конкретных цифрах эти показатели имели более внушительные размеры. За указанный период численность азербайджанцев в партии увеличилась с 2340 до 37839 человек, т.е. почти в 16 раз [10,с.44-45]. Однако, несмотря на принимаемые меры, все довоенные годы удельный вес азербайджанцев среди коммунистов республики так и не достиг половины. На 1 января 1939 года процент азербайджанцев (44,8%) в национальном составе партийной организации [10,с.44] уступал их доле (58,4%) (9,с.200) в составе населения республики. Подобная ситуация не существовала ни в Грузии, ни тем более в Армении. Медленный рост числа азербайджанцев в составе партийной организации республики являлся прямым следствием разницы в социальной структуре национальных групп населения и уровне образования.

К концу 1930-х годов азербайджанцы по роду занятий составляли лишь треть промышленных рабочих республики. В 1930-е годы рост численности азербайджанцев в партии происходит в основном за счет колхозников, удельный вес которых на 1 января 1940 года составил 24,9% [10,с.30-31]. Медленный рост статуса азербайджанского тюркского языка в условиях наличия в республике многочисленных национальных меньшинств был также препятствием быстрому росту удельного веса азербайджанцев в партийной организации республики.

Анализ архивных данных о национальном составе партийных организаций районов Азербайджанской ССР показывает, что высокая доля, например, армян и русских наблюдалась в тех местах, где население было многонациональным. Так, на 1 апреля 1924 года в Бакинской партийной организации армяне составляли 14,7%, Гянджинской 27,6%, Нахчыванской 14% партийцев [2, л.31]. Абсолютное лидерство армянские коммунисты имели в партийной организации АОНК. Как показывают итоги ежегодных партийных отчетов, ни партийные чистки 1920-1930-х годов, ни политические репрессии 1937-1938 годов не отразились на стабильном росте доли армян в партии. В период 1922-1939 годов удельный вес армян в партии увеличился с 13% до 22,9%, т.е. почти в 2 раза. Если обратиться к конкретным цифрам, за тот же период численность армянских коммунистов увеличилась с 774 до 18113 человек, т.е. в 23 раза [10, с.44-45].

Что же касается русских, то их численный рост в партии в 1920-е годы, наряду с вышеприведенными причинами, был связан с широким привлечением в состав партии рабочих и миграцией русских из различных регионов России. Коммунистическая партия неизменно подчеркивала, что она является, прежде всего, пролетарской и предлагала вербовать в партию стойких сознательных рабочих с производства, была заинтересована в увеличении их удельного веса, демонстрируя тем самым, что рабочие составляют политическую основу государства. Основная доля рабочих Азербайджана приходилась на нефтяную промышленность. По данным на январь 1933 года русские составляли 40721 или 58,5% всех работающих в «Азнефти» [13, с.158]. Увеличению численности русских в Компартии Азербайджана в немалой степени способствовало также активное участие их в проводившихся в масштабе страны внутримиграционных процессах. В исследуемый период наблюдается активная миграция русских из перенаселенных российских деревень, переживавших период колоссальных социальных потрясений и голод. Только за период 1926-1939 годов численность русских в Азербайджанской ССР возросла в 2,4 раза (с 220,6 тысяч человек в 1926 году до 528,3 тысяч человек в 1939 году) [1, с.49-50]. Большая часть этого населения сосредоточилась в Баку. За период 1930-1932 гг. из РСФСР (главным образом, из Поволжья, Северного Кавказа) в Баку переехало 86299 русских [13, с.158], что привело к тому, что в столице республики, особенно в её центральных и промышленных районах, турки стали составлять лишь треть населения города. До 1933 года среди членов партии по численности русские стабильно за-

нимали второе место, после тюрок, уступив затем эту ступень пьедестала армянам. Одной из причин этого было уменьшение, начиная с 1930 года, доли рабочих в составе партийной организации республики, в числе которых русские традиционно занимали лидирующие позиции, как наиболее квалифицированная часть пролетариата. Если на 1 января 1930 года рабочие по роду занятий составляли 58,3% членов партии, то на 1 января 1940 года их удельный вес снизился до 21,9%. Увеличение в составе партии крестьян-колхозников, расширение сети первичных партийных организаций в азербайджанской деревне в период коллективизации, рост доли азербайджанцев среди служащих сыграли в этом решающую роль. Свою лепту в данный процесс внесли партийные чистки в 1933-1935 гг. и обмен партийных документов в 1936 году. Поэтому, хотя в период 1922-1939 годов наблюдается количественный рост русских в партии с 2057 до 15013 человек, т.е. в 7 раз, однако в процентном соотношении за тот же период их число снизилось с 34,6 до 18,9% [10,с.44-45].

На 1 января 1940 года из 79032 членов КП(б) Азербайджана 34741 членов (44%) приходилось на Бакинскую партийную организацию [10,с.155-158]. На формирование национального состава Бакинской партийной организации большое влияние оказали особенности социально-экономического развития Баку ещё в период Российской империи, которые резко отличали его от остальной части Азербайджана. Бурное развитие нефтяной промышленности стало основной причиной притока в город отходников не только из различных регионов Северного Азербайджана (в т.ч. армянское население из Нагорного Карабаха и Зангезура), но и внутренних губерний России (Поволжье, Северный Кавказ) и Южного Азербайджана. В результате к моменту советизации пролетариат Азербайджана, сосредоточенный исключительно в Баку, по своему национальному составу оказался многонациональным. В его центральных и промышленных районах преобладали русские и армяне, которые отличались политической активностью.

В первые годы советской власти Бакинский комитет партии преимущественно состоял из неазербайджанских кадров большевиков, кичившихся своим революционным прошлым, а в составе рабочих все еще велика была доля революционеров из числа партий меньшевиков, эсеров и других так называемых «мелкобуржуазных» партий. По данным на 1929 год около 70% членов Бакинского комитета партии вступили в него в период 1917-1920 гг. [8,с.758]. Многие из них принимали активное участие в кровавых мартовских событиях 1918 года.

В письме председателю Совета Народных комиссаров РСФСР В.Ленину от 15 сентября 1921 г. об итогах советского строительства в Азербайджане председатель Совета Народных комиссаров Азербайджанской ССР Нариман Нариманов, объясняя причину выдвижения на первые роли в составе Бакинского комитета партии коммунистов некоренной национальности, отмечал: «Поскольку большинство коммунистов-мусульман в революционный период большую часть своего времени уделяли уездам (чтобы связать рабочих с крестьянами), то рабочие районы Баку оказались в руках молодых коммунистов, которые до 1919 г. находились во враждебных для нас партиях» [14,л.6-7].

На ранних стадиях проведения политики коренизации лидеры азербайджанских коммунистов Нариман Нариманов, Габиб Джабиев и Эюб Ханбудагов выступали с призывами резко увеличить национальный элемент среди пролетариата Баку, города, в этническом отношении все еще в значительной степени чуждого республике (18). В своем докладе И.Сталину в 1923 году, Н.Нариманов, раскрывая причины слабого представительства коммунистов-тюрков в составе Бакинской партийной организации, винил в этом руководство Бакинского комитета АКП(б). Он считал, что «ввиду отсутствия работы среди рабочих-тюрков и неправильного подхода к ним, среди них развивался антагонизм, чтобы они сознательно не принимали участие вместе с русскими рабочими в управлении страной. Таким образом, число рабочих-мусульман (партийных) искусственно уменьшалось» [11,с.104]. В силу сложившейся социальной диспропорции населения Азербайджана, единственным источником пополнения рабочего класса из числа тюрков могли быть крестьяне, которые составляли более половины населения республики. Н.Нариманов в письмах В. Ленину не раз отмечал, что нельзя отделять Баку «с его малочисленным сознательным русским рабочим и вдвое большим несознательным мусульманским рабочим» от крестьянства Азербайджана [7,л.8]. Однако отношение руководителя Бакинского Комитета АКП(б) Л.Мирзояна к тюркскому пролетариату было ярко выражено в его речи на XIII Общебакинской партийной конференции в апреле 1924 года. В этот период из 12370 членов Бакинской партийной организации тюрки составляли 3856 (32%), армяне 1863 (15%), русские 5620 (45%) и прочие 1031 (8,%) человек. Л.Мирзоян, пытаясь оправдать данную ситуацию, отмечал: «Процент тюрков равен 32. Это процент не маленький. И мы не имеем основания жаловаться на то, как это иногда бывает со стороны товарищей, на то, что тюркского пролетариата не привлекают в ряды нашей партии. Но мы не можем сказать, что для русских столько-то процентов, а для армян

столько-то: наша задача заключается в том, чтобы привлечь всю культурно выросшую часть пролетариата в ряды нашей партии» [17,с.31].

Подобная позиция секретаря ЦК и БК АКП(б) Л.Мирзояна становилась причиной его острых конфликтов с известными азербайджанскими коммунистами Г.Джабиевым и Э.Ханбудаговым. В статье «К исправлению колонизированной деятельности», подготовленной Г. Джабиевым 1 марта 1924 года для публикации на страницах газеты «Бакинский рабочий» (она так и не была допущена к изданию), её автор акцентирует внимание на следующих фактах: «Во всей АКП тюрков 45%, в Бакинской организации тюрков 38%, коренных тюрков рабочих же в Бакинской организации мы имеем только 11%». Говоря о коренных тюркских рабочих, Г.Джабиев отделял их от тюркских рабочих, прибывших в разное время из Южного Азербайджана, не имевших в своем большинстве советского гражданства и работавших в основном на бакинских нефтяных промыслах. В то же время, Г.Джабиев, как и Н. Нариманов, выступал за тесную смычку азербайджанского пролетариата Баку с деревней, видя в последней основной источник роста численности тюркского пролетариата в партийной организации республики и, прежде всего, в его Бакинском комитете [3,л.172-174]. Г.Джабиев возвращался к этой проблеме и позже. 15 августа 1927 года он направил в Контрольную комиссию АКП(б) письмо, в котором обвинял Л.Мирзояна в фальсификации линии партии по национальному вопросу, в попытках натравливания молодых кадров тюркской части партии на старые кадры [4,л.96]. Г.Джабиев встал на защиту старых членов Бакинской организации, – бывшего председателя Баксовета В. Крылова, председателя правления Союза горняков А.Никишина, о которых Л.Мирзоян распускал провокационные слухи (о В.Крылове, как о бывшем царском уряднике, пьянице и гуляке, а о А.Никишине, как о великорусском националисте, шовинисте, который, работая в союзе горняков, угнетал рабочих – тюрков). Г.Джабиев считал, что Л.Мирзоян «в течение всей своей деятельности, главным образом, для закрепления своего секретарского положения, систематически злоупотреблял подобными интригами, пакостными, мошенническими, провокационными приемами в личной борьбе с неудобным ему элементом» [5,л.46]. Подобные резкие выпады Г.Джабиева в адрес Л.Мирзояна не могли остаться незамеченными последним и стали предметом острого обсуждения на заседании Президиума ЦК АКП(б) 3 октября 1927 года. Высшая партийная инстанция республики «за клевету и попытку создания склоки в целях ослабления партийного руководства» объявила Г.Джа-

биеву строгий выговор с запрещением занимать в течение 2 лет ответственные посты. Интересно, что Г.Джабиев вновь был восстановлен на прежней должности уже после отстранения Л.Мирзояна от руководства Бакинской организации в 1929 году. Это было не случайно. Новое партийное руководство республики во главе с Н.Гикало взяло курс на возвращение к руководству старых партийных кадров, которые находились в опале при прежнем руководстве. 5 августа 1929 года Г.Джабиев вновь был назначен главным редактором газеты «Коммунист». Однако хватило Г.Джабиева лишь на год. Вскоре после очередной смены руководства республики и назначения в 1930 году главой партийной организации республики В.Полонского, разразился конфликт Г.Джабиева с редактором газеты «Бакинский рабочий» Матусовым, которого он обвинил в «колониаторстве». В постановлении Бюро ЦК, БК и Президиума ЦКК АКП(б) от 6 ноября 1930 года эти действия Г.Джабиева были расценены, как стоящие «в непосредственной связи рядом с его прежними действиями и выступлениями, носящими ярко выраженную националистическую окраску, являются по существу проявлением буржуазного национализма и в его наиболее грубой и обнаженной форме и играют на руку всем шовинистическим элементам». Поведение Г.Джабиева было расценено как направленное на срыв последней директивы ЦК ВКП(б) за подписью И.Сталина, в которой руководящие кадры призывались на дружную и сплоченную работу [6, л.212,217]. Таким образом, Г.Джабиеву все-таки не простили и напомнили «его прежние заслуги» (имеется ввиду конфликт с Л.Мирзояном). Он окончательно был отстранен от всякой работы в республике, уехал в Москву, где занимал различные посты вплоть до ареста в 1937 году.

Ошибки, допущенные в кадровой политике Бакинской партийной организации в отношении тюркских рабочих, были наиболее ярко обнажены в статье Э.Ханбудагов «Национальный вопрос», опубликованной на страницах газеты «Бакинский рабочий» в апреле 1924 года, накануне XIII Общебакинской партийной конференции. Э.Ханбудагов выступил с заявлением о том, что азербайджанской партийной организацией ничего не делается по части ликвидации экономической и культурной отсталости тюркского пролетариата, что не осуществлена и одна сотая доля из того, что намечено было в решениях XII съезда РКП(б) по национальному вопросу [12, с.393]. Ханбудаговым были выдвинуты требования: во-первых, поставить работу по партийному строительству на должную высоту и усилить темпы индустриализации. Во-вторых, в связи с развитием индустриализации страны усилить

темпы вовлечения в производство рабочих рук из коренного населения для выращивания новых кадров рабочих, столь необходимых для смычки города с деревней и, наконец, в-третьих, вовлечь достаточное количество тюркских работников в аппараты партийных органов, чтобы последние имели возможность широко участвовать в разрешении важнейших государственных задач [15,л.48]. Кроме этих трех основных положений своих тезисов по национальному вопросу, которые были поддержаны Г.Джабиевым и А.Караевым, Э.Ханбудаговым были также поставлены вопросы о том, что каждый рабочий, живущий в Азербайджане или приезжающий сюда должен изучать тюркский язык; в условиях накопления безработных на Бакинской Бирже труда, остановить приток сюда рабочих сил из некоторых городов Украины и РСФСР [15,л.49]. В мае 1924 года на состоявшемся VI съезде АКП(б) выступление Э.Ханбудагова было осуждено, как антипартийное. В принятой резолюции отмечалось, что «ханбудаговщина» ведет партию к разрыву между Баку и азербайджанской деревней, противопоставлению Бакинской организации и к обострению национальных взаимоотношений во всем Азербайджане и в среде бакинского пролетариата [(12,с.394-395].

По данным на 1 января 1929 года основной национальный состав Бакинской партийной организации был следующий: тюрков – 28,6%, армян – 17,9% и русских – 43,6% [8,с.101]. Таким образом, доля тюркских коммунистов в столичной организации, по сравнению с 1924 годом, снизилась. После начала коллективизации сельского хозяйства значительная часть тюркских коммунистов, членов Бакинской партийной организации была направлена в деревню. С другой стороны, введенная в стране в 1932 году паспортная система стала сдерживать процесс оттока сельского, в основном тюркского населения в Баку, который мог бы стать основным источником пополнения рядов местного пролетариата и партийной организации. Все эти факторы, в совокупности с миграцией русских из РСФСР, их политической активностью, сохранением ведущих позиций в делопроизводстве русского языка, различиями в уровне образования и профессиональной подготовки обеспечили в довоенный период превосходящее представительство коммунистов русской национальности в национальном составе Бакинской партийной организации.

Таким образом, в 20-30-е гг. XX века, определяющими факторами, влиявшими на формирование национального состава Компартии Азербайджана, были особенности развития социальной структуры населе-

ния, формирование почти половины состава партии за счет членов Бакинской партийной организации, где наблюдалась высокая политическая активность русских и армян, уровень грамотности, демографические изменения в составе населения.

Список использованной литературы

1. Азербайджанцы: Историко-этнографический очерк. Баку, 1998.
2. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР): Ф. 1, оп. 74, д.43.
3. АПДУДПАР: Ф.1, оп.74, д.136.
4. АПДУДПАР: Ф.1, оп.74, д.239.
5. АПДУДПАР: Ф.1, оп.74, д. 292.
6. АПДУДПАР: Ф.1, оп.74, д. 304.
7. АПДУДПАР : Ф.609, оп.1, д. 36(а).
8. XVIII Бакинская конференция Азербайджанской Коммунистической партии (б). 20-31 января 1929 г. Стенографический отчет. Баку, 1929.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Москва, 1992.
10. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. Баку, 1970.
11. Нариманов Н.Н. К истории нашей революции на окраинах. Баку, 1990.
12. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963.
13. Очерки истории рабочего класса Азербайджанской ССР. Баку, 1974.
14. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): Ф.5, оп.1, д.1219.
15. РГАСПИ: Ф.157, оп.1с, д.42, л.48.
16. Советский Азербайджан: миф и реальность. Баку, 1987.
17. XIII Общебакинская партийная конференция. Стенографический отчет
Баку, 1924.
18. Ханбудагов Э. К национальному вопросу // Бакинский рабочий, 1924, 27 апреля.

THE NATIONAL QUESTION IN THE COMMUNIST PARTY OF AZERBAIJAN (20-30S OF THE TWENTIETH CENTURY)

Summary I.V. Niftaliyev

In the early 20-ies of XX century on the ethnic composition of the Communist party of Azerbaijan was the multinational. According to 1922 she was United in its ranks the representatives of 40 nationalities However, despite such a motley palette of ethnic, national structure of the party throughout its history mainly formed of Azerbaijani, Armenian and Russian. This situation was a clear reflection of the national composition of the population. Determining factors which influenced the development of the national composition of the Azerbaijan Communist party in the analyzed period were the features of the development of the social structure of the population, the formation of nearly half the party due to the members of the Baku party organization, demographic changes in the population.

Keywords: *Communist party, national composition, Baku, population, worker, farmer*

Гасанов Г.И.

к.ист.н., заместитель декана
историко-географического факультета
Азербайджанского государственного
педагогического университета г. Баку

РОССИЙСКО-КАДЖАРСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗА АЗЕРБАЙДЖАН В 80-90-е гг. XVIII в.

Аннотация: *В статье рассматриваются политика и взаимоотношения Ирана, России и Каджарского государства в конце 18 века, роль Ага Мухаммед шаха Каджара в исторических событиях того периода, особенности Российской дипломатии в отношении Карабахского ханства.*

В середине 80-х гг. XVIII в. русская дипломатия одновременно пыталась наладить связи с двумя правительственными претендентами в Иране с Джафар ханом из племени Зендов и Ага Мухаммед шахом Каджаром. Первый из них Джафар хан Зенд занимал более широкие позиции в Центральном Иране. Он, захватив после смерти Алимурад хана Казвин, Казань, Исфаган и Шираз, объявил себя повелителем. Однако

это вовсе не означало становление Джафар хана единственным лидером Зендов. Несмотря на то, что главными противниками были кадджары, однако зенды ни на одно мгновение не прекращали свои распри. На самом деле уничтожая друг друга, зенды тем самым упрощали и ускоряли процесс завоевания Ага Мухаммед шахом Каджаром Иранской власти.

Российское правительство, которое не имело подробных сведений о происходящем, решило наладить связи с наследником Алимурад хана Джафар ханом. Выполнение этого задания было поручено главе русского посольства В.Дж. Томаре, организовавшей ранее переговоры с Алимурад ханом. Томара, в первую очередь, должна была выяснить, насколько крепка власть Джафар хана, каков его вес среди народа.

Попытки России наладить связи с Джафар ханом оказались безуспешными. Правитель зендов, направивший основное внимание на зендов, отвергающих его власть, и борьбу против Ага Мухаммед хана Каджара, не проявил никакой реакции на предложение России. В результате борьбы с кадджарами, вскоре он полностью сошел с политической сцены. Одержав в конце 1785 года победу над Джафар ханом, Ага Мухаммед хан Каджар захватил столицу зендов Исфаган.

Отношения России с Ага Мухаммед ханом Каджаром носили более сложный и противоречивый характер. Опирающийся в борьбе за власть больше на свои силы Ага Мухаммед хан, в отличие от Алимурад хана, не располагал к каким-либо территориальным снисхождениям по отношению к России. Впервые напряженность в его отношениях с Россией возникла еще в 1781 году в связи с экспедицией графа Войновича. Позже, для того чтобы устранить это напряжение, правитель кадджаров отправил в Россию своего посла. Это посольство, официально высланное для «заключения мирных и дружеских связей», завершилось неудачей. Однако эта неудача не изменила решения Ага Мухаммед хана наладить отношения с Россией.

Выйдя на свободу в 1779 году после смерти Керим хана Зенда, Мухаммед хан вместе с несколькими своими подданными сбежал из Ши-раза в отчий край Астрабад. Несмотря на то, что он долгое время жил вдали от своего племени, однако потратил много сил для усиления кадджаров.

В борьбе за власть Ага Мухаммед проявил себя как политик, хорошо знающий психологию местного населения, умеющий правильно оценивать силы основных противников, политик, который при необходимости мог быть решительным и даже коварным. Сила, на которую он опирался, были, безусловно, кадджары. Начиная с первых лет своей

власти, чаще всего он назначал на решающие должности кадjarов. Ага Мухаммед хан считал, что единственным выходом от предотвращения прихода к власти фарсов в Иране был крепкий союз тюркских племен.

Первые периоды борьбы за власть проходили для Мухаммед хана в весьма тяжелых условиях. В 1782 году Зенды подвергли Мухаммед хана тяжелому поражению. Начиная с конца 1784 года, отношения между Зендами и Каджарами вновь обострились. Однако, мобилизуя в скором времени все свои силы, в конце 1785 года Ага Мухаммед хан вместе с небольшой группой воинов двинулся на земли, находящиеся под наблюдением Зендов. За короткое время были оккупированы Тегеран, Гумм и Кашар. В конце 1785 – начале 1786 года большая часть иранских земель перешла под покровительство кадjarов. Лишь после этого Ага Мухаммед хан выдвинул на передний план борьбу за азербайджанские земли.

В период разгара борьбы за власть в Иране возникла благоприятная возможность для объединения земель Южного Азербайджана в единое государство. Серьезную деятельность в плане реализации данной возможности вел хойский правитель Ахмед хан (1763-1786). Хотя расположенное к северу от озера Урмия ханство и занимало небольшую территорию, однако оно обладало важным стратегическим значением. Это ханство граничило с Османской Турцией, Макинским, Нахчыванским, Карадагским, Тебризским и Урмийским ханствами.

Первой мишенью Ахмед хана было Карадагское ханство. Объединившись с Ибрагимхалил ханом Карабахским, Ахмед хан в 1782 году захватил и поделил Карадагское ханство.

Чтобы расширить свою власть и в Нахичеванском ханстве, Ахмед хан Хойский вынужден был вести долгую борьбу. В этот период Нахичеванское ханство было одним из самых слабых в Азербайджане, став объектом острой борьбы соседних ханств. Помимо Ахмед хана Хойского борьбу за Нахичеванское ханство вели Ибрагимхалил хан Карабахский, Гусейнали хан из Иревана и царь Картли-Кахетии Ираклий II.

Эриванское ханство так же занимало важное место в политике объединения азербайджанских земель в едином государстве Ахмед хана Хойского. Это ханство, имеющее важное стратегическое значение, еще с 1759 года находилось в зависимом от Картли-Кахетинского царства положении. Опасающееся зарождения конфликта с Россией султанское правительство хотело решить данный вопрос рукой азербайджанских ханов. В решении иреванского вопроса османское правительство больше надеялось на Ахмед хана Хойского и призывало других азербайджанских ханов объединиться вокруг него.

Однако вскоре возникло условие для дипломатического разрешения иреванского вопроса. В 1784 году в результате заговора был убит правитель Эривана Уламали хан, который имел глаз на Турцию. К власти пришел его 12-летний сын Мухаммед хан, родившийся от грузинки. Опасающиеся перехода стратегически важной Иреванской крепости под полную власть Ираклия II, турецкий султан и Ахмед хан Хойский предприняли более решительные меры. Османское правительство, видящее неизбежность военных операций, начало готовиться к войне. Однако предпринятый в 1785 году Ахмед ханом шаг предотвратил войну и не дал возможность для перехода Эриванского ханства под власть грузинского царства.

Несмотря на крупные удачи, политика объединения азербайджанских земель Ахмед хана потерпела неудачу. Попавшие в зависимое от Хойского ханства положение Нахичеванское, Иреванское, Тебризское и Карадагское ханства вновь приобрели свою независимость. И с этим начался новый этап внутренних политических распрей в Южном Азербайджане. Возникшая ситуация значительно облегчила попытку Ага Мухаммед хана Каджара, взявшего под свою власть большую часть Ирана, захватить Южный Азербайджан.

Таким образом, азербайджанские земли вновь стали объектом борьбы между новообразовавшимся каджарским Ираном и Российской империей.

Русская дипломатия оставалась в позиции ожидания в отношении к происходящим в Иране и Южном Азербайджане событиям. В отношениях с властвующим в Иране Ага Мухаммед ханом Россия преследовала две цели. Во-первых, создать благоприятные условия для развития в Иране, в частности Гилане, русской торговли; во-вторых, добиться одобрения Ага Мухаммед хана для захвата азербайджанских земель. На самом деле, Ага Мухаммед хан Каджар был заинтересован в создании нормальных дипломатических отношений с Россией и развитии взаимных выгодных торговых связей. Ага Мухаммед хан использовал всевозможные меры, чтобы устранить недоверие правящих кругов России и еще сильнее приблизиться к ней. В этом деле ему мог помочь самый надежный союзник России в Южном Кавказе Ираклий II. В 1787 году через своего посла Ираклий II поздравляет Ага Мухаммед хана в связи с приходом к власти в Иране и заявляет о желании создания с ним дружеских отношений. Именно через этого посла Каджарский правитель попросил Ираклия II стать посредником в создании дружественных отношений между Россией и Ираном. По сведениям С.Д.Бурнашова, за оказанные в этом деле услуги Ага Мухаммед хан

пообещал Ираклию II определенные территориальные снисхождения за счет азербайджанских земель.

Попытки Ага Мухаммед хана наладить с Россией дипломатические связи начали показывать свои положительные последствия. Понимая, что успешное проведение русскими купцами торговых операций в северных областях Ирана полностью зависит от Ага Мухаммед хана, российское правительство стало налаживать с ним связи. Несмотря на все это, не удалось устранить недоверие и холодность по отношению к Ага Мухаммед хану в правящих кругах России. Формирование сильного Иранского государства могло привести к потере Южного Кавказа, который Россия считала уже сферой своего влияния. В иранской политике Российское правительство стало оказывать предпочтение не Ага Мухаммед хану, а одному из его противников – Муртузагулу хану.

Последующий ход событий показал, что попытки Ага Мухаммед хана объединить Южный Азербайджан вокруг идеи тюркизма и мирным путем поставить его в зависимое от себя положение подверглись неудаче.

В этот период, как и во всем Южном Кавказе, политическая ситуация в Северном Азербайджане так же оставалась крайне сложной. На пути Фатали хана Кубинского, достигшего больших высот в области объединения азербайджанских земель в едином центре, становилось много серьезных преград для завершения начатого дела. Ага Мухаммед хан Каджар, постепенно укрепляющийся в Иране, Ираклий II, находящийся под попечительством России, дагестанские правители, нередко совершающие разбойнические походы в Азербайджан, оппозиционные силы в самом Азербайджане, в первую очередь, Ибрагимхалил хан Карабахский и, наконец, политика России вынудили Фатали хана предпринять ряд серьезных шагов. Урегулирование отношений с Россией, более десяти лет враждующей с Кубинским ханством, имело особую значимость. Фатали хан отказался от захваченного в 1784 году Ардебилля и вынужден был оставить неоконченным решающий поход на Карабахское ханство.

Однако накануне войны с Османской Турцией в 1787-1791 гг. царское правительство, поняв, что не имеет достаточных сил для открытия на Южном Кавказе второго фронта против Турции, хотело дипломатическими путями обеспечить безопасность Картли-Кахетинского царства. Ираклию II было дано указание провести мирные переговоры с Османской Турцией. Эти переговоры начались летом 1786 года, но, как

и ожидалось, безрезультатно. Султанское правительство, которое любыми способами пыталось вывести Грузию из-под Российского влияния, взамен определенным уступкам поставило перед Ираклием II ряд требований. В ряду требований стояли такие важные вопросы, как выведение в 1783 году русских войск из Тифлиса, переход Картли-Кахетинского царства в подчинение Османской Турции. А в ряд уступок, на которые должна была пойти Османская Турция, входили признание власти Ираклия II над Гянджинским и Иреванским ханствами Азербайджана, предотвращение разбойнических походов дагестанских правителей на Грузию.

Постепенное повышение угрозы войны с Османской Турцией и серьезная опасность для интересов России в Южном Кавказе, создаваемая Ага Мухаммед ханом, позиции которого с каждым днем все больше укреплялись в Иране, заставили царскую власть пересмотреть политику, проводимую по отношению к Фатали хану Кубинскому. Политика, которую российская власть хотела осуществить в соответствии с новыми измененными условиями, была ясна отражена в письме Г.А. Потемкина новому командующему русскими войсками на кавказской границе генералу Текеллю, назначенному в 1787 году. В письме Г.А. Потемкин предлагал новому главнокомандующему примирить и объединить в едином союзе долгое время враждующих между собой Картли-Кахетинского царя Ираклия II и Имеретинского царя Давида.

Как видно, Россия хотела превратить Фатали хана в одного из своих сторонников на Южном Кавказе. Россия хотела именно рукой Фатали хана наказать своих основных противников и усилить влияние союзников. Неслучайно, что примирение Фатали хана с Ираклием II было осуществлено именно посредством России.

Накануне и в период походов Ага Мухаммед хана и В.А. Зубова на Северный Азербайджан еще больше усилилось противостояние между Россией и Каджарским государством. Русско-турецкая война 1787-1791 гг. не вызвала больших изменений в кавказской политике России.

Ага Мухаммед хан придавал большое значение позиции Османской Турции в вопросе завладения Южным Кавказом. Уверенный в том, что в вопросе Южного Кавказа Османская Турция будет, по меньшей мере, нейтральна, Ага Мухаммед хан надеялся, что Россия тоже придерживится такой позиции.

Как организатор борьбы северо-азербайджанских ханств против ожидаемого нападения Ага Мухаммед хана выступил Ибрагимхалил

хан Карабахский. Возникшая ситуация вынудила азербайджанских ханов обратиться за помощью к Османской Турции. Опасающиеся еще в ходе Русско-османской войны в 1787-1791 гг. усиления кадjarской угрозы, Карабахский и Иреванский ханы обратились за помощью к султану Селиму III.

В 1793 году Ага Мухаммед хан предпринял первый серьезный шаг по захвату северных ханств Азербайджана. Обратившись через своего полководца Сулейман хана к Иреванскому, Нахичеванскому, Карабахскому и Кубинскому ханам, он призвал их подчиниться Ирано-Кадjarскому государству. Ага Мухаммед хан даже пригласил их на участие в запланированном им походе на Грузию.

В 1794 году Ирано-Кадjarское государство предприняло еще одну попытку, чтобы подчинить себе северные ханства Азербайджана. Четырехтысячное кадjarское войско, одолев Худаферинский мост, проникло на территорию Карабахского ханства. Однако и в этот раз Ага Мухаммед хан Кадjar не смог достичь успеха.

Хотя Ага Мухаммед хан Кадjar и добился значительных успехов во время организованного в 1795 году похода на Южный Кавказ, он не смог достигнуть конечной цели.

Получившая весть о наступлении кадjarской армии, царская власть для его наказания решила выслать в Южный Кавказ небольшие военные группировки. В декабре 1795 года под предводительством полковника Сырахнева в Грузию были высланы два батальона с шестью пушками, а в Прикаспийские области Азербайджана - военные объединения в 3365 человек. Отправка такого небольшого военного объединения против 60-тысячной армии Ага Мухаммед хана свидетельствовало о неосведомленности России о происходящих в Южном Кавказе процессах. Царская власть узнала об этом немного позже и предприняла соответствующие меры. Зимой 1796 года было принято решение отправить в Южный Кавказ крупное войско под командованием генерала В.А. Зубова.

Одной из задач, стоящих перед В.А. Зубовым во время похода, был армянский вопрос. Несомненно, большая роль во вторичном раздутии данного вопроса принадлежит проживающим в России армянам. Воспользовавшись возникшей ситуацией, они хотели заново поставить на повестку дня вопрос о создании за счет азербайджанских земель армянского государства. Именно под их влиянием в повелении Екатерины II В.А.Зубову отмечалось: «... Под главенством нашего Араратского патриарха взять под попечительство России армянских владык и население Карабаха». Руководствуясь данным повелением, в своем приказе

генералу Римскому-Корсакову, которого он послал, чтобы оккупировать Гянджу в конце 1796 года, В. Зубов отмечал: «Наша православная вера требует спасти христиан от мусульманского плена».

Так, во время данного похода российское правительство не ставило армянский вопрос в резкой и точной форме, в какой он был дан в 70-80-е гг. XVIII века. Если прежде царская власть считала создание армянского государства за счет азербайджанских земель одним из приоритетных направлений своей кавказской политики, то во время движения В.Зубова к данному вопросу стали относиться с осторожностью, и по мере возможности он сохранялся в тайне. И как результат этого, будто бы обращение архиепископа И.Аргутинского, назначенного советником В.Зубова, без его ведома к карабахским меликам словами русского войска – «основная цель освободить армян от мусульманского гнета», стало причиной серьезного недовольства господствующих кругов России. Россия опасалась того, что армянский вопрос вызовет недовольство среди азербайджанских ханов и населения и любыми способами пыталась сохранить его в тайне. В своем приказе генералу Римскому-Корсакову В.Зубов писал: «Нельзя допустить, чтобы мусульмане раньше времени узнали об этом деле, а карабахские мелики (цари) и другие христиане, уже осведомленные обо всем, выступили раньше времени».

Изменились и отношения российской власти к Ибрагимхалил хану Карабахскому. Если в 80-е гг. Екатерина II требовала скорейшего низвержения Ибрагимхалил хана и создания на его землях армянского царства, то в 1796 году она дала задание В.А. Зубову «оказать помощь Ибрагимхалил хану Шушинскому, который проявил крепкое и мужественное сопротивление Ага Мухаммед хану».

Так, российское правительство не смогло осуществить захватнические планы касательно Азербайджана. Несмотря на то, что русская армия оккупировала большую часть Северного Азербайджана, однако смерть Екатерины II стала причиной незавершенности похода В.Зубова. Глава власти Павел I дал указ о выведении русских войск из Азербайджана.

В этот период не состоялась попытка Ирано-Каджарского государства оккупировать Северный Азербайджан. Принявший уже титул шаха Ага Мухаммед шах Каджар был убит в Шуше во время похода в 1797 году. Каджарское войско без своего главы отступило на юг.

Список использованной литературы

1. Кузнецова Н.А. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII – первой половине XIX в. // Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1978.
2. Делили Щ.А. Урмия ханлыгынын тарихи очерки. Тарих елмлери намизеди алимлик дережеси алмаг учун диссертасийа. – Баку, 1967. – Азярб. МЕА ТИ ЕА, инв. 6371. – 278 с.
3. Пирийев В. Азярбайджанын тарихи джографийасы. – Баку, 2002. – 152 с.
4. Алийев Ф., Алийев М. Нахчыван ханлыгы. – Баку: Азернешр, 1996. – 106с.
5. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 129.
6. РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 8, л. 54-55; оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 175 об; оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 175 об; оп. 1/194, д. 461, ч. 1, л. 514-515; ф. 41, оп. 200, д. 629, л. 10; оп. 200, д. 629, л. 10-12 об; ф. 1406, оп. 1, д. 399, л. 10-11.
7. Садыгов Г. Русийа-Туркийе мунасибетлеринде Дженуби Гафгаз проблеми (1787-1829). – Баку, 1991.
8. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. – Баку: Элм, 1993.
9. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966.
10. Мустафаев Дж. М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX в.). – Баку: Элм, 1989.
11. Ибадов Р.Щ. Азербайджан XVIII есрин сонунджу рубунде Русийа, Иран ве Туркийе мунасибетлеринде. Тарих елмлери намизеди алмаг учун ... дис-нын авторефераты. – Баку, 2005.
12. Османлы девлети иле Азербайджан турк шахлыклары арасындакы мунасибетлере даир архив белгелери (1578-1914). Османлы Аршив Дайре башканлыгы. Йайын Ну: 4, Анкара, 1992.
13. Дубровин Н.В. Поход графа В.А.Зубова в Персию в 1796 г. с приложением оперативной карты похода гр. Зубова в Персию в 1796 г., и план осады Дербента // Военный сборник. – 1874. – № 2-6. – С. 190.

Исаева Т.М.

Доктор философии по педагогике, преподаватель
Азербайджанского Государственного
Педагогического Университета
г. Баку

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: *Годы независимости принесли Азербайджану колоссальное развитие как в экономическом, так и в социальном плане. За эти хоть и короткие годы Азербайджан прошел трудный, но славный путь.*

Отношения между Азербайджаном и Россией в стратегическом плане характеризуются сотрудничеством по всем направлениям: и в гуманитарной сфере, и в экономической, в энергетической, транспортной, военно-технической. Эти отношения являются как объемными, так и полноценными отношениями друзей, соседей и близких партнеров.

Ключевые слова: *Взаимоотношения, дружеские связи, стратегическое партнерство, Контракт века.*

Summary: *Years of independence, colossal development brought to Azerbaijan, both economically and socially. During these short years Azerbaijan has passed a difficult and very glorious way.*

Azerbaijan has established intergovernmental relations not only with Russia but also with all the Slavic states of the CIS and Eastern Europe, they are diverse, associated with different levels of interstate relations.

Relations between Azerbaijan and Russia in the strategic plan are characterized by cooperation in all areas: in the humanitarian sphere, and in the economic, energy, transport, military-technical. These relationships are both voluminous and full-fledged relationships of friends, neighbors and close partners.

Key words: *Relationship, friendships, strategic partnership. Contract of the Century*

Истоки азербайджано-российских связей уходят своими корнями в глубокое прошлое. Азербайджан всегда занимал особое место на Южном Кавказе. Его историческая площадь, охватывающая более 421 тыс.км всегда была опорным южно кавказским центром. И потому

дальние и ближние соседи Азербайджана всегда стремились или завоевать его земли, чтобы утвердить свои позиции на южном Кавказе, или установить с Азербайджаном добрососедские культурные, экономические, политические связи. Россия являлась ближайшим соседом Азербайджаном, и ее взаимоотношения с ним всегда носили постоянный и стабильный характер.

Важным аспектом в российско-азербайджанских отношениях на современном этапе являются культурные взаимосвязи, имеющие достаточно глубокие исторические корни. Начиная с середины XIX века, передовые представители азербайджанской и российской интеллигенции – М.Ф. Ахундов, А. Бакиханов, Г. Зардаби, С.А. Ширвани, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А. Бестужев-Марлинский, Я. Полонский и многие другие сообща укрепляли дружественные связи и вписали яркие страницы в историю Азербайджано-Российских взаимоотношений. Азербайджанские ученые Мирза Джафар Топчубашев (1790-1869) и Мирза Казымбек (1802-1870) сыграли большую роль в развитии Российского востоковедения. Мирза Джафар Топчубашев (1790-1869) в течение 20 лет (1829-1849) преподавал в Петербургском университете турецкий и персидский языки, заведовал кафедрой и возглавлял отдел восточной нумизматики в Русском Археологическом обществе. Он был действительным членом Британского Королевского Азиатского общества. Ученый с мировым именем – Мирза Казымбек сначала занимал должности заведующего кафедрой и декана Казанского университета, а затем занимался научно-педагогической деятельностью в Петербургском университете (1849-1870). Он добился открытия в 1853 году факультета Восточных языков в Петербургском университете и стал его первым деканом, за свои выдающиеся достижения в области востоковедения.

Уже с XX века эти традиции носят стабильный характер имеют свое специфическое место и значение. Ярким примером этому является жизнь и творчество М. Горького, С. Есенина, В. Маяковского, Н. Тихонова, С. Вургуна, Расула Рзы, Т. Салахова, К. Караева, М. Растроповича и многих других видных представителей творческой интеллигенции обеих сторон.

В годы первой мировой войны в русской армии и флоте служили более 100 азербайджанских офицеров. Одним из них был дослужившийся до звания генерал-лейтенанта артиллерии Алиага Шихлинский (1865-1943), которого называли «Богом русской артиллерии». В годы Первой мировой войны именно ему император Николай II доверил артиллерийскую оборону столицы империи Петербурга. А. Шихлинский,

внесший огромный вклад в развитие артиллерии, был начальником артиллерийских войск Западного фронта, а после был командующим армии.

Еще один азербайджанский полководец генерал-лейтенант Самед бек Мехмандаров (1857-1931) с 3 мая по 21 декабря 1904 г. участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в том числе в обороне крепости Порт-Артура. Высочайшим приказом от 24 октября 1904 г., в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в делах против японцев в период бомбардировок и блокады Порт-Артура, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Мехмандаров был командующим 21 дивизии Западного фронта. Его дивизия осенью 1914 года во время Лодзинской операции в Польше, нанесла сильный удар немцам, спасла две русские армии от неминуемого окружения. За этот героический поступок С.Мехмандаров получил звание полного генерала артиллерии, а в 1915 году назначен командиром II Кавказского армейского корпуса. Генерал-лейтенант Гусейнхан Нахчыванский (1863-1919) на Западном фронте командовал кавалерийской дивизией. Другой азербайджанский генерал Ибрагим ага Векилов был привлечен к ответственной штабной работе по составлению военных карт. В годы войны из азербайджанских офицеров за особую доблесть и героизм генерал С.Мехмандаров получил Орден Св.Георгия 3-е степени, капитан Тарлан Алиярбеков и Теймур Новрузов были удостоены «Ордена св. Георгия» 4-ой степени. Первый азербайджанский летчик Фаррух ага Гаибов в 1916 году погиб над Вильнюсом, сбив 3 из 4 немецких самолета. За что был посмертно награжден «Орденом св. Георгия» 4-ой степени. «Татарский конный полк», созданный в Шуше в начале войны, вошел в состав «Кавказской туземной конной дивизии» в составе 2-го кавалерийского корпуса.

1901 году в Баку первую русско-мусульманскую школу для девочек открыл Гаджи Зейналабдин Тагиев. С годами школа росла и крепла. В 1916 году превратилась в среднюю школу, где обучались 104 ученицы. После этого в открывшейся в 1902 году в Гяндже школе обучались только азербайджанские девочки.

Между Россией и Азербайджаном межгосударственные отношения всегда были хорошими и позитивными. Это доказывает, что экономические, политические и культурные связи гораздо больше способствуют сближению стран.

Годы независимости принесли Азербайджану колоссальное развитие, как в экономическом, так и в социальном плане. За эти хоть и короткие годы Азербайджан прошел трудный и очень славный путь.

Деятельность Азербайджана как самостоятельного государства расширяется и углубляется на региональном и глобальном уровне.

Деятельность Азербайджана как самостоятельного государства расширяется и углубляется на региональном и глобальном уровне. Азербайджан стал членом Организации Объединенных Наций, Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, Европейского Совета, Организации Исламской Конференции, Содружества Независимых Государств и множества других организаций. Азербайджанская Республика так же является одним из учредителей региональной группы ГУАМ.

4 апреля 1992 года установились дипломатические отношения между независимыми государствами Россией и Азербайджаном. С 6 сентября 1992 года после официального визита президента Азербайджана Гейдара Алиева в Россию они стали стабильными. 1993 года Азербайджан стал членом СНГ и установил межгосударственные отношения со всеми его государствами. Эти взаимоотношения до сих пор носят разноплановый характер, связанный с различным уровнем межгосударственных отношений.

В настоящее время между Россией и Азербайджаном существуют важные межгосударственные взаимоотношения. Азербайджан занимает достойное место в мировом сообществе, что доказывает уважительное отношение практически всех развитых стран и авторитетных международных организаций к инициативам нашего государства.

Рабочий визит президента Российской Федерации Владимира Путина в Азербайджан дал толчок на дружеские межгосударственные отношения в новом формате. Владимир Путин встретился с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым, а также принял участие в первой трехсторонней встрече глав государств России, Азербайджана и Ирана. Лидеры этих трех стран обсудили широкий круг вопросов международной повестки дня и конкретные проекты сотрудничества.

По этому поводу в своем докладе Владимир Путин отметил, что "Отношения России и Азербайджана носят характер стратегического партнерства. В их основе давние традиции дружбы и добрососедства, равноправие, уважение интересов друг друга, общие история и культура, переплетенные воедино судьбы миллионов людей".

По словам президента Российской Федерации, Москва и Баку осуществляют совместные инфраструктурные проекты. "В частности, идет создание международного транспортного коридора "Север-Юг" - это Иран, Азербайджан, Россия, который призван сблизить европейские и азиатские рынки", – напомнил глава государства. Углубляется

взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической и инвестиционной сферах, в области энергетики, транспортной инфраструктуры, автомобилестроения, здравоохранения.

Российский президент особо подчеркнул "и тот факт, что на весьма продвинутом уровне вышла кооперация между нашими регионами". Материалы выступления Владимира Путина показывают, что сегодня 17 субъектов Российской Федерации реализуют соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве со своими партнерами в Азербайджане. А предприятия и компании более 70 российских регионов поддерживают внешнеторговые отношения с нашей страной.

Россия тесно взаимодействует в рамках СНГ и ведущих международных структур на Южном Кавказе. В этом плане значительным потенциалом этих отношений является расширение сотрудничества на Каспии. И прежде всего в рамках «каспийской пятерки», в которую входят Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан, и формируемого трехстороннего партнерства с участием Ирана.

Основа нефтяной стратегии Азербайджана была заложена подписанием 20 сентября 1994 года «Контракта века». Этот договор предусматривал совместную разработку трех богатых нефтяных месторождений, расположенных в Азербайджанском секторе Каспийского моря. В «Контракте века» были представлены 13 компаний из 8 стран мира (Азербайджан, Турция, США, Япония, Великобритания, Норвегия, Россия и Саудовская Аравия).

Важную роль в укреплении дружественных, добрососедских отношений между Россией и Азербайджаном играют гуманитарные связи. Динамика контактов в области образования неуклонно нарастает. Сейчас в России обучается около 15 тысяч азербайджанских студентов, а в Азербайджане успешно работают филиалы российских вузов.

Тегеранская встреча двух президентов 1 ноября 2017 года дала толчок росту товарооборота, и это произошло "после определённых сложных процессов", которые пережили обе стороны. По словам президента Азербайджана Ильхам Алиева, это также указывает на "большой взаимный интерес между бизнес-структурами" России и Азербайджана.

Отношения между Азербайджаном с Россией в стратегическом плане характеризуются сотрудничеством по всем направлениям: и в гуманитарной сфере, и в экономической, в энергетической, транспортной, военно-технической. Эти отношения являются как объемными,

так и полноценными отношениями друзей, соседей и близких партнеров.

Частота встреч не только между лидерами государств, но и министрами. Об этом свидетельствуют представители коммерческих компаний и деятели культуры государств. На современном этапе взаимоотношения обеих сторон постепенно поднимают на новый уровень.

После рабочего визита Российского президента Путина 27 сентября 2018 года российско-азербайджанское сотрудничество открыло перед обеими сторонами новые горизонты взаимодействия и новые экономические возможности. Взаимодействие государств Россия-Азербайджан-Турция-Иран потенциально является сильнейшим с экономической точки зрения в Центральной Азии. Это лишь доказывает, что экономическое сотрудничество между Россией и Азербайджаном будет только расти.

Международный Гуманитарный форум под патронатом президентов России и Азербайджана еще более подчеркнул значимость и востребованных для обсуждения между двумя государствами актуальных проблем. С 2011 г. за сравнительно короткий период форум стал крупным событием региональной и международной общественной жизни. В настоящее время активно ведется подготовка к пятой встрече, которая запланирована на сентябрь этого года.

В период независимости значительное место в системе международных отношений Азербайджана с России занимала гуманитарная сфера.

В настоящее время структурой ВАК объединены: Московское общество "Оджаг", Кировская областная общественная организация "Азербайджано тюркские народы", Дагестанская – "Азери-Дербент", Ставропольская – "Одлар Юрду", Калининградская – "Апшерон", Новосибирская – "Хазри", Азербайджанские культурные автономии Тверской, Костромской, Тюменской областей и другие диаспорные организации России.

Наличие высших учебных заведений, музеев, театров, концертных залов, специализированных школ – все это играет важную роль в установлении культурных контактов. В эти годы были заключены десятки договоров и соглашений не только на правительственном уровне, но и между организациями, учреждениями, учебными заведениями, которые создавали большие возможности для развития и укрепления культурных взаимоотношений. Этому также способствовали неоднократно проводимые мероприятия, такие как дни культуры, выставки, гастрольные концерты, различные совместные проекты и др.

25 октября 1991 г. в Москве был открыт памятник великому азербайджанскому поэту и мыслителю Низами Гянджеви, на котором присутствовали вице-мэр Москвы Ю.М. Лужков, министр культуры Азербайджана Полад Бюль-бюль оглы, министр культуры РФ Н.Н. Губенко и ряд государственных и общественных деятелей Азербайджана, России, Украины, Белоруссии, Казахстана, а также Турции.

В укреплении культурных связей между Россией и Азербайджаном внес огромный вклад Муслим Магомаев, вписавший золотыми буквами свое имя в историю мировой музыки. День его рождения отмечается во многих странах мира. Муслим Магомаев своим талантом и обаянием завоевал огромную любовь Российских и Азербайджанских слушателей. Он был удивительным человеком во всех смыслах В мире нет и не будет второго такого исполнителя.

Полномочный посол Азербайджана в России с 2006 г народный артист и заслуженный деятель искусств Азербайджана Полад Бюль-бюль оглы за большой вклад в укрепление и развитие российско-азербайджанских культурных связей еще в 2005 году был награжден орденами Дружбы и Почета Российской Федерации.

В системе дружеских отношений между Россией и Азербайджаном важную роль играет этнокультурный азербайджанский компонент. 02.05.2011г. Московской средней общеобразовательной школе номер 157 было присвоено имя Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской, Ленинской и Государственной премий СССР, председателя Государственной комиссии по пилотируемым полетам (1966–1991), генерал-лейтенанта Керима Керимова.

Директором этой школы является заслуженный педагог Азербайджана Аида Гулиева. Факты такого рода придают импульс развитию дружественных и добрососедских российско-азербайджанских связей.

Всегда поддерживая и продолжая сохранять ровные и дружественные отношения с другими странами, Азербайджан в период независимости установил отношения не только с Россией, но и завоевал авторитет в мире. Участие Азербайджана в миротворческих операциях в разных странах мира служит ярким доказательством тому, что всегда готов прийти на помощь и содействовать в стабильности и безопасности в общем пространстве.

Список использованной литературы

1. Наджафов М.Н. Основные приоритеты дипломатии Азербайджанской Республики на современном этапе // Автореф. дисс... канд.

полит.наук. Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики. Баку, 2004, С.3.

2. Диалог цивилизаций, 2004, № 1, С.18-19; Конгресс азербайджанцев / Информационный бюллетень, 2002, № 2, С.23-33; Азеррос, 2005, № 1, январь, С.15.

3. Мамед-заде Наргиз Сабир кызы. Взаимоотношения Азербайджанской Республики со славянскими странами СНГ и Восточной Европы.

4. Ирада Гасымова, Габиль Гасанов Национально-Освободительное движение в Азербайджане в XX веке. Баку – 2018. С. 37- 45.

5. История Азербайджана. В 7 томах. V том: 1900-1920-ые годы / ответств. ред.: М. Исмаилов, Н. Максвели – Баку: Элм, 2008. – 696 с.

История Азербайджана. В 7 томах. VII том: 1941-2002-ые годы / ответств. ред. Т. Гафаров. – Баку: Элм, 2008. – 608 с.

Гасанов Г. Н.

завотделом «Новой истории Азербайджана»

НАН Азербайджана, к.ист.н., доцент

Гасанов Д.Г.

диссертант Института истории НАН Азербайджана

ИЗ ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ В г. НАХИЧЕВАНИ В XIX ВЕКЕ

В начале XIX века Нахичеванская провинция, расположенная между 390 и 410 северной широты [3, 1] после Туркменчайского договора входила в состав так называемой Армянской области и разделялась на два округа: Нахичеванский и Ордубадский. По данным этого же источника «... вообще народонаселение по городу Нахичевану и округу онаго насчитывается до 5500 дымов, ... 27500 душ... [3, 29].

... жители Нахичеванского округа разделяются на два разряда: 1) мусульман и 2) армян; первых 2791 двор, армян старожилых 434, переселенных из Персии 2285» [3, 31].

Древнейший город Азербайджана – Нахичеван (по некоторым сведениям этому городу почти 3500-4000 лет) [1, 248] пережил очень интересную и богатую историю в XIX столетии.

В самом начале XIX века Нахичеванское ханство, столицей которого являлся одноименный город, стал ареной ожесточенных военных баталий между российскими и каджарскими армиями, переходил из

рук в руки противоборствующих сторон. Долголетние российско-османские и российско-каджарские войны в первой трети XIX столетия нанесли страшные удары не только экономике, политическому состоянию этого феодального государства, но и на этнонациональный состав населения этого края. Естественно, что кровопролитные войны вынуждали часть населения покинуть насиженные родные края и искать спасения в более безопасных краях на чужбине. Например, по данным одного источника первой половины XIX века в начале 30-х годов этого же века в Нахичевани были зарегистрированы всего 1330 домов с 2870 душ обоего пола [2, 370]. Честно говоря, эти цифры вызывают некоторые серьезные сомнения: дело в том, что получается, что на каждый дом приходилось чуть более двух душ в среднем, что как для аборигенов – азербайджанцев, так и для переселенных сюда руками новых российских властей армян было нехарактерно. И это доказывается данными других источников. Например, «... еще во времена путешественника Шардена (1643-1713; он побывал в Азербайджане в 70-х годах XVII – Г.Г., Дж.Г.) Нахичеван напоминал о прежней своей знаменитости. В оном был тогда 5 караван сараев, большие базары, бани, кофейни и 2 тысячи(! – авторы) домов».

В другом источнике показывается, что в городе было насчитано 700 домов.

Русскоязычные источники отмечали, что «первоначальное водворение в Нахичеванской провинции 2551 семейств, пришедших из Персии армян; из них 416 семейств поселены в городе, 1869 в селениях Нахичеванского округа и 266 в округе Ордубадском»[3, 29].

По нашим расчетам после заключения Туркменчайского договора из различных регионов и городов Южного Азербайджана, находившегося в этот период в составе империи Каджаров, а точнее из городов Тебриз, Марага, Хой, Салмас, Дехкарган и Урмии в город Нахичеван было переселено 516 армянских семейств, в коих было 1050 мужчин и 849 женщин.

По данным этого же источника почти две трети нахичеванского городского населения, из 2870 душ обоего пола 1882 душ приходилось на долю «татар», т.е. азербайджанцев, а остальная – одна треть или же 988 душ обоего пола – на долю армян. И такое положение сложилось после активных переселений армян из Персии и Османской империи в североазербайджанские земли – на территории бывшего Иреванского ханства, на Карабах и др. регионы Северного Азербайджана, в том числе на территории Нахичеванского ханства. Как известно, после по-

ражения Каджаров по XV статье Туркменчайского договора от 10 февраля 1828 года и Османской империи согласно Эдирнинского договора от 2 сентября 1829 года десятки тысяч армян были переселены из территории этих государств в Северный Азербайджан, в основном вдоль новых южных границ Российской империи на Южном Кавказе, вдоль границы по обоим сторонам которой почти по всей протяженности проживали азербайджанцы. И создание «санитарного» кордона из христианского армянского населения вдоль этих границ считалось первоочередной государственной задачей новых российских властей здешнего края.

Активная переселенческая политика проводилась за весь рассмотренный период. Так, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 15 января 1897 года этноязычная ситуация в городе Нахичеван была такой:

– все население – 8790 д. об.п.;

Из них:

– азербайджанцы – 6161 д. об.п.;

– армяне – 2263 д. об.п.;

– русские, украинцы и белорусы – 232 д. об.п.;

– евреи – 9 д. об.п.;

– айсорийцы – 4 д. об.п.;

– курды – 2 д. об.п.;

– и другие – 128 д. об.п. [4, 2-3]

По данным этой же переписи по вероисповеданию городское население Нахичевана распределялось следующим образом:

– мусульмане – 6170 д. об.п.;

– православные – 249 д. об.п.;

– католики – 88 д. об.п.;

– старообрядцы и др. раскольники – 16 д. об.п.;

– протестанты – 5 д. об.п.;

– другие христиане – 2261 д. об.п.(это скорее всего численность населения армяно-григорианского вероисповедания – авторы);

– иудеи – 1 душ [4, 2-3].

Как видно и по данным этой переписи азербайджанцы к концу рассматриваемого периода в городе составляли основную массу – почти более чем 75 процентов всего городского населения, когда как другое, переселенное сюда христианского население менее чем 25% общего городского народонаселения.

Вышеприведенные статистические материалы еще раз безапелляционно доказывают, что в XIX веке г.Нахичеван продолжал оставаться

исконным азербайджанским городом, где переплетались языки различных наций и народностей, этнических групп и меньшинств.

Список использованной литературы

1. Naciyeв İ.M. Naхçivan Muxtar Respublikasının ictimai-siyasi həyatı, sosial-iqtisadi və mədəni inkişafı. Naхçivan, 2011.
2. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению, ч. IV, СПб., 1836.
3. Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. и напечатанное с высочайшего соизволения. – СПб. в типографии Департамента Внешней Торговли. – 1833.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Том LXXI. СПб., 1905.

Меликзаде С.М.

Научный сотрудник НАНА, Институт Истории

MƏLİKZADƏ SEVİNC MƏLİK MƏMMƏD QIZI AMEA TARİX INSTITUTU, ELMİ İŞÇİ

«СЕФЕВИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КАРМЕЛИТАХ И ИХ ХРОНИКАХ»

«Karmelilər və onların Xronikasında Səfəvi dövləti»

Açar sözlər: Karmelilər, Səfəvilər dövləti, missionerlər

Orta əsrlərdə Roma papasının başçılığı ilə müxtəlif məqsədlərlə missioner təşkilatlar yaradılaraq Şərqi ölkələrinə göndərilirdi. Əsas məqsəd xristianlığın təbliğatı, həmin ölkələrdə yaşayan xristianların vəziyyətini öyrənmək, ümumiyyətlə həmin dövrdə müsəlman dövlətlərindən xristian dünyasına ola biləcək təhlükələrin qarşısını almaq idi. Həmin təşkilatların yaranması və fəaliyyəti xüsusən XV-XVI əsrlərdə daha da intensivləşdi. Fəaliyyətlərinin genişlənməsi səbəblərindən biri də Şərqi Osmanlı kimi güclü müsəlman dövlətinin qərbə doğru genişlənmə siyasəti idi. Artıq XVII əsrdə belə təşkilatların sayı beşə çatmışdı. Onlardan biridə Karmelilər idi. Təşkilat 1155-ci ildə Fələstində Karmel dağında əski xaçlılar və xaçlı əsgərlər tərəfindən yaranmışdı. Təriqətin məhz Karmel dağında yaranmasının səbəbi İlyas peyğəmbərin Karmel dağında yaşaması ehtimalı ilə bağlıdır. İlk karmelilər hücrələrdə yaşayan və özünü dünya

nemətlərindən uzaq tutan keşişlər idi. Amma Fələstində xaçlıların məğlubiyyətindən sonra 1240-cı illərdə keşişlər Kipr, Siciliya, Fransa və İngiltərəyə yayıldılar. Karmelitlərin ilk rəsmi toplantısı 1247-ci ildə İngiltərədə keçirildi. Açıq fəaliyyətə keçən karmelitlər Avropada dominikan və fransiskanlara çox bənzəyən təriqət kimi kütlə arasında tanındılar. İlk karmelit rahibə təşkilatı 1452-ci ildə quruldu. 1562-ci ildə Aziza Tereza tərəfindən Yalın Ayaqlı Karmelit Rahibələr təşkilatı yarandı. İslahatçı karmelitlər ayaqqabı əvəzinə səndəl geyindikləri üçün bu adı almışdılar. Karmelitlər 1593-cü ildə Papanın fərmanı ilə rəsmi təriqətə çevrildilər. XVII əsrin əvvəllərindən isə Papa tərəfindən xüsusi tapşırıqlarla Şərqi ölkələrinə göndərildilər. Səfəvi dövləti ərazisində fəaliyyət göstərən karmelitlər əldə etdikləri məlumatları xətirə və yazışma tipində xronika şəklində toplamağa başladılar. Azərbaycan tarixinin XVII-XVIII əsrlərinə dair yazılmış istər ümumtərx səciyyəsi daşıyan əsərlərdə, istərsə də kollektiv monoqrafiyalarda Səfəvi dövlətinin siyasi və sosial həyatı, xarici siyasəti və beynəlxalq ticarət əlaqələri, eləcə də mədəni həyatı xeyli dərəcədə işıqlandırılmış, sanballı tədqiqat əsərləri qələmə alınmışdır. Bununla yanaşı, Azərbaycanın bəhs olunan dövrü ilə bağlı Qərbi mənbələrinə, xüsusilə Səfəvilər imperiyası ilə hələ ilkin vaxtlarda geniş iqtisadi, siyasi, mədəni əlaqələr qurmağa çalışan, özlərinə Səfəvi imperiyasının təmsalında müttəfiq axtarmağa çalışan Avropa dövlətlərinin xarici-siyasi əlaqələrindən bəhs edən mənbələr hələ bu gün də tədqiqata cəlb olunmamış, demək olar ki, bu mənbələr Azərbaycan tədqiqatçıları üçün diqqətdən kənar qalmışdır. Bu baxımdan 1939-cu ildə ilk dəfə çap edilmiş, 2012-ci ildə təkrar nəşr edilmiş 2 cildə ibarət olan “Karmelit xronikası” (“A Chronicle of Carmelites in Persia: The Savafids and the Papal mission of the 17th and 18th centuries”) adlı əsər [3; 4] öz əhəmiyyəti ilə diqqəti cəlb edir. XVII-XVIII əsrlərdə Səfəvi dövləti ərazisində dini təbliğat aparmış karmelitlərin iki cildə toplanmış məlumatları bir çox həqiqətləri üzə çıxarmaqda əvəzsiz imkanlar yaradır.

Əsərin dili çox sadə və yüngül olmaqla canlı bir üslubda, daha dəqiq desək, tarixi hadisələr haqqında ətraflı şərhlərlə verilir. Əsərlə tanışlıq göstərir ki, 1604-cü ildə Papa VIII Klement Polşa Kralı III Vasa Sigismundun yaxından dəstəyi ilə Katolik rahiblərini (Discalced Carmelite fathers) İrana (Qeyd: əsərdə Səfəvilər imperiyası bəhs olunan dövrdə də İran kimi xatırladılır – S.M.) göndərmişdir. Göndərilmiş missiyanın əsas hədəfi hələ Şah Təhmasiblə əlaqələrin qurulmasında xüsusi fəallığı ilə seçilən V Pius tərəfindən əsas qoyulan Osmanlı imperiyası əleyhinə müttəfiq axtarmaq olmuşdur.

Səfəvi dövlətini qərb dövlətləri ilə yaxınlaşdıran məqamlara gəlincə, bunlar dövlətin mövcudluğunun ilk zamanlarında daha çox siyasi məram daşıyırdı; belə ki, XV əsrin ortalarından etibarən Avropa və Asiyanın bir sıra dövlətlərinin xarici siyasətlərində əsas problemə çevrilmiş Osmanlı imperiyasına qarşı mübarizə kampaniyasının müxtəlif dövrlərində Səfəvilə dövləti antitürk koalisiyasında əhəmiyyətli rol oynamışdır. Osmanlı imperiyasının Avropada irəliləməsinin qarşısını almaq, düşmənlərinə arxadan zərbə endirmək, onun qüvvələrini iki cəbhəyə bölmək məqsədilə qərb dövlətləri Səfəvilərlə sıx əlaqələr qurur, eyni zamanda Səfəvi hökmdarları da bu əlaqələrə cidd-cəhdlə səy göstərirdilər. Beləliklə, “Şərqlə Qərb arasında ənənəvi ticarət yolları üzərində ciddi maneə olan, hər iki qitədə - Avropa və Asiyadakı qonşuları üçün hərbi-siyasi təhlükə törədən “türk problemi”[5, 9] Səfəvilərlə Qərb dövlətləri arasında təmasın əsas səbəblərindən olmuşdur. V.V. Bartoldun fikrincə, İran (Səfəvi dövləti – S.M.) bu zaman dünya ticarətində yalnız ikinci dərəcəli rol oynaya bilərdi, çünki karvan ticarəti artıq əhəmiyyətini itirmişdi, İrana dəniz ticarəti isə avropalılar üçün ... Hindistanla ticarətin əlavəsindən başqa bir şey deyildi. Odur ki, Qərbi Avropa dövlətləri İrana (Səfəvi dövlətinə-S.M.) siyasi məqsədlərlə Osmanlı imperiyası ilə mübarizələrində özlərinə müttəfiq tapmaq üçün diqqət ayırırdılar [2, 130-131]. V.V. Bartold daha sonra yazır ki, Səfəvilər dövründə İranın əsas ticari nailiyyətləri XVII əsrə - fransız müstəmləkəçilik siyasətinin inkişafı və İrana bir sıra səyahətlər dövrünə aiddir. İrana gedən və orada qısa müddət qalan tacirlərdən başqa biz orada missionerləri də görürük. Lakin sonuncular xristianlığı yaymaqda böyük uğur qazanmadılar və özlərinin əsas fəaliyyətlərini orada olan erməni və digər xristianları katolisizmə döndərməyə yönəldilər. Bəzən onlar İranda uzum müddət qalırdılar və bu zaman nə İran hakimiyyəti tərəfindən təqib edilir, nə də ki, yerli əhalidə nifrət oyadırdılar[2, 130]. Bəli, məlumatlar da təsdiq edir ki, Səfəvi-Avropa əlaqələrinin qurulmasında ümumi düşməne - “türk problemi”nə qarşı mübarizə əsas hədəf olmuşdur.

Əsərdə demək olar ki, İranda (Səfəvi dövləti – S.M.) həyatın bütün sahələri, siyasi, sosial, mədəni, eləcə də dini sahələri təsvir olunur. Məsələn, əsərdə 1604- ilə aid “I Abbas, İranlılar və İran haqqında məlumatlar”da yazılır ki, 1588-ci ildə I Abbas Səfəvi imperiyasının şahı, yaxud kralı oldu. Onun 41 illik hakimiyyət illəri Fars mədəniyyətinin qızıl dövrü kimi qeyd olunur. Ordusunu gücləndirmək üçün Abbas Avropa texnologiyası və silahlarına xüsusi əhəmiyyət verirdi. Elə bu məqsədlə də o, Qərb tacir və səyahçılarını, hətta Xristian missionerlərini belə gəlib moizələr etmək üçün paytaxt İsfahana dəvət etdi[3, 1]. Semyon Ata və Karmelit missionerlərinin Şah Abbasın hakimiyyəti illərində Səfəvi imperiyasının adət-ənənələrinə dair

məlumatlarında daha sonra deyilir: “Gördüyüm ölkə demək olar ki, çox əkilməyən ərazisi və su cəhətdən kasıb mənzilləri olan seyrək məskunlaşmışdı. Bizdə İtaliyada olduğu kimi, burada da əkin-biçində bol məhsuldarlıq var idi. Burada bol məhsuldarlı şərab üçün üzüm bağları, düyü, qarpız və digər meyvələr yetişdirilir, eləcə də burada ilboyu təzə kəsilmiş ət və ət məhsulları tapmaq olar. İranlılar mal ətini daha çox yeyirlər. Buranın iqlimi çox istidir, keçən qış çox az soyuq olmuşdur. İsfahanda olduğum müddət ərzində qar yağmadı, yalnız fevralın sonunda bir az qar düşdü. Yayın istisi elə də xoş təsir bağışlamır: yayda demək olar ki, böyük əksəriyyət açıq havada yatmağı xoşlayırlar. İranlılarda çox az həkim var, belə ki, onlar arasında yaşlı insanlar çoxdur. Onların geyimi çox uzundur, türklərin geyimlərindən fərqlənir. Qurşaqdan yuxarı dəyirmi formada, qalstuk formalı geyimləri var. Onların əsas yeməkləri ətli düyüdür, fərqlilik gözə dəymir, Avropa ölkələrində olduğu kimi, çeşidli yemək növləri yoxdur. Mərasim zamanı onlar ləziz nemətlərlə xidmət göstərməklə böyük dəbdəbəlik nümayiş etdirirlər. Mərasimdə iştirak edən bəzi türk nümayəndələri tərəfindən mənə məlumat verildi ki, İran şahının ümumi işlər vəkili Allahverdi xan Kürd səfirlərinə ziyafət zamanı stol üstünə 3 min qızıl qapaqlı qabda yemək vermişdir. Onların hamısı demək olar ki, şərab içir, çox zəngin xalçalar döşənmiş yerdə oturaraq yemək yeyirlər. Evlər daşla tikilmiş, tavan hissə və divarlar ornamentlərlə bəzədilmişdir. Bayır tərəfindən qadınların görünməməsi üçün evlərə pəncərələr qoyulmur. Məhz buna görə də nə küçələr, nə də şəhər həyatı elə də cəlbedici deyil. İranlılar ağbəniz, güləruz və qonaqpərvərdirlər. Onların böyük əksəriyyəti ixtisasca filosof, riyaziyyatçı və şairdir, demək olar ki, hər gün əllərində kitab var. Onlarda hamının rahat şəkildə daxil olub ibadət edə biləcək məscidlər var. Gündə üç dəfə - səhər, günorta və axşam ibadət edirlər: ilk öncə onlar əllərini yuyur, sonra döşəmənin üzərinə xalça və yaxud geyim sərir və xalçanın üzərinə daş qoyurlar. İbadət zamanı çoxlu dualar edir, Allah və Əli deyə zikrlər edir və bununla da öz sədaqətlərini nümayiş etdirirlər [3, 2].” Göründüyü kimi əsərdə tarixi həqiqətlərin təhrifi ilə rastlaşırıq. Belə ki, bəhs olunan dövrdə Səfəvi imperiyası İran, əhalisi isə iranlılar kimi təqdim olunmuşdur. Qeyd etmək lazımdır ki, bu imperiyanın əsası türk tayfaları tərəfindən qoyulmuş, hakimiyyətin əsas etnikləri şamlı, rumlu, ustacılı, təkəli, zülqədə, şahsevən və s. bu kimi türk etnosları olmuşdur.

“Karmelit xronikası” ilə tanışlıq göstərir ki, əsası hələ 12-ci əsrdə qoyulmuş Karmelitlərin əsas məramı müxtəlif ölkələri dolaşmaqla missionerlik etmək olmuş, Portuqaliya krallığının nəzarəti altına yaşamaq əvəzinə İtaliyada möhkəmlənməyə cəhd etmişlər. Asiyada geniş missionerlik fəaliyyətinə qədəm qoyan Karmelitlər Şah Abbas (1587-1629) tərəfindən

isti münasibətlə qarşılanmış və onlara Ata Cen Thaddenin rəhbərliyi altında 1608-ci ildə İsfahanda məskən salmağa icazə verilmişdir. Onun üzvləri, Juan Tadeo di San Elisio və Paolo Semyon hər ikisi İspaniyadan idi. Onlar həmçinin, Papa ilə ittifaq yaratmaq və eyni zamanda İrana Qərblə hərbi ittifaq təklifi ilə Şah Abbasa müraciət etmişdi. Nəhayət, onlar 1607-ci ildə İsfahana gələndə Şah Abbas tərəfindən əvvəlcə, şübhə ilə qarşılansada, az keçmir ki, şah tərəfindən xoş münasibət görmüşlər. Hətta bu münasibətlərin parlaq təzahürü olaraq bir il sonra xarici ölkələrin səfirləri kimi onlara Meydan-e Mir yaxınlığında iqamətgah verilmiş və burada özlərinin monastrlarını inşa etmişlər[3, 8].

1610-cu ildən etibarən həm Avqustinlər, həm də Karmelitlər İsfahanda fəaliyyətə başlayır, burada onlara kilsələr tikməyə, dini fəaliyyətlə məşğul olmağa icazə verilirdi[3, 8].

Tarixi ədəbiyyatların müqayisəli təhlili göstərir ki, Şah Abbas Avropa ölkələrinin Səfəvi dövləti ilə əlaqədar siyasətindən yaxşı baş çıxardığı üçün bundan öz mənafeyinə uyğun istifadə etməyə çalışırdı. Məsələn, o, İspaniya kralı və Roma papasına bildirirdi ki, Səfəvi paytaxtında yaşayan xristian ruhaniləri üçün “layiqli mənzillər” ayırmışdır. İspaniya kralı və papa Səfəvi dövləti ərazisində yaşayan xristianlara rəhbərlik etmək üçün bir nəfər “yüksək rütbəli keşiş göndərsin”, həmin keşiş ermənilərin dini mərkəzi olan müqəddəs yerdə - “Üç Kilsədə” sakin olsun. Bundan başqa, şaha bu da yaxşı məlum idi ki, İspaniya Azərbaycan və İran ipəyinin Hörmüz vasitəsilə Avropaya ixrac olunmasına çalışırdı. Buna görə də Səfəvi hökmdarı İspaniya kralına vəd edirdi ki, “ipək ticarətini türklərdən alıb, ispanlara verəcək” və bu gözəl əmtəənin Avropaya Hörmüz yolu ilə ixrac olunmasını təmin edəcəkdir[7, 288]. Məlumatlardan da göründüyü kimi, Şah Abbas həm də Qərb dövlətləri arasındakı kəskin rəqabətdən, İspaniya –İngiltərə rəqabətindən də xarici siyasət xəttində istifadə etməyə çalışırdı.

Dövrün görkəmli tədqiqatçılarından olan Rocer Seyvori yazır ki, 1653-cü ildə İsfahan yaxınlığındakı Culfada və Şirazda Pyer Fransuaz Riqordinin başçılığı altında yezuit missiyası yaradılır. Bununla da, İranda (Səfəvi dövlətində - S.M.) fəaliyyət göstərən xarici dini ordenlərin sayı beşə çatır: dominikçilər, fransiskçilər, avqustinlər, karmelitlər və yezuitlər[8, 120].

Əsərdə Səfəvilərlə ilk diplomatik münasibətlərin qurulması haqqında oxuyuruq: “İlk vaxtlardan Karmelitlərə aydın idi ki, Şah Abbas hakimiyyətə gələrkən onların diplomatik missiyası yalnız müvəqqəti və keçici xarakter daşıyır və şahın Karmelitlərə qarşı münasibəti çox mərhəmətlidir. Digər tərəfdən, onların papalıq missiyası müxtəlif səhələri əhatə edirdi. 1608-ci ildə Ata Paul-Simon de Jesus-Marie ermənilər üçün məktəb inşa etdirməyi təklif etdi. Ümumiyyətlə, Karmelitlər Erməni Qriqorian kilsəsini Roma

Katolik kilsəsinə yaxınlaşdırmağa, onlarla əməkdaşlıq yaratmağa cəhd edir, bununla belə Şah Abbas belə bir ittifaqın qurulmasına tamamilə əks mövqe nümayiş etdirirdi. Tezliklə bu birlik cəhdlərinə qarşı dura biləcək müxalif düşərgə formalaşdırılmışdır ki, bunun əsas mərkəzi ziyarətgah statusu verilmiş İsfahanın Yeni Culfa şəhəri idi. Digər tərəfdən, Karmelitlərlə sıx əməkdaşlıq edən mollalar İncilin ərəb dilindən fars dilinə çevrilməsini həyata keçirirdi. Roma Katoliklərinin ilk cəhdləri uğurlu alınmış və hətta bir çox tərəfdaşlar da toplamışdı. Hətta 1609-cu ildə Robert Şerlinin Papa V Paula göndərdiyi məktubda da İrana göndərilmiş Karmelitlərin buradakı gələcək işlərinə yardım etməsini bildirmişdir. Bundan başqa, 1622-ci ildə müsəlmanların da arasında dini təbliğatlar nəticəsində katoliklərin himayəsinə sığınanlar da tapılmışdı[3,88]. Göründüyü kimi, məlumatlar da təsdiq edir ki, Karmelit missionerlərinin əsas məramı Səfəvi dövləti ərazisində özlərinə müttəfiq tapmaqla yanaşı, həm də katoliklərin itirilmiş imtiyazlarının bərpasına nail olmaq idi. Bu məqsədlə də Culfanın qriqoryan məzhəbli ermənilərini katolikleşdirməyə çalışırdılar. Onu da qeyd edək ki, katolik missionerləri müsəlmanları xristianlaşdırmaq sahəsində heç bir əhəmiyyətli iş apara bilmədiklərindən “vaxt və enerjilərinin böyük bir qismini qriqoryan məzhəbli ermənilərə” həsr edirdilər. Əksər hallarda onlar bu sahədə nəzərəcarpacaq müvəffəqiyyətlərə[3, 89] də nail olurdular.

Əsərdən o da məlum olur ki, əksər hallarda Səfəvi dövlətinin hakim elitası – Şiə ruhanilər (əsərdə belə də qeyd olunur – S.M.) bu missionerlərin intellektual səviyyəsinə o dərəcədə heyran olmuşdular ki, onlarla tez-tez debatlarda müzakirələr edirdilər. Şah və onun əyanları özlərini bəzən hər şeylə maraqlananlar kimi təqdim edir – Xristianlığa məxsus olan xaç, təsbeh, Bibliyanın üzərində olan illüsturasiya, eləcə də Şiəliyə də yaxşı məlum olan dini ayinlər barədə müzakirələr edirdilər. Bütün bunlar karmelitlərə xüsusi imtiyazlar qazanmasına, hətta Tadeo Atanın belə Şah Abbasın ən yaxın sudaşlarından biri olmasına imkan vermişdi[3,189]. Əsərdən o da məlum olur ki, hakimiyyətə belə yaxınlıq Karmelitlərə əsas planlarını reallaşdırmağa imkan vermədi – müsəlmanları öz dinindən döndərə bilmədi. Bu sahədə müvəffəqiyyət qazana bilmədiklərini gördükdə isə bütün cəhdlərini başqa istiqamətlərə, əsasən, qriqoriyan ermənilərlə əməkdaşlığa yınəltdilər.

Səfəvi dövlətində özlərinin dini təbliğatlarını qurmağa çalışan, bəzən buna nail olan, bəzən də rəsmi dairələr tərəfindən sərt təkliklə qarşılaşan Karmelitlərin 1672-ci ilin oktyabrında yazdıqları məktub da olduqca maraqlı məlumatlar verir. Məktubda oxuyuruq: “Şah Süleymana (1666-1694) gəlincə isə o, dini sahədə çox sərt qadağalar qoyurdu, xristianların hüquqlarını qorumaq üçün heç bir tədbir görmürdü. Bu şah (Süleyman –

S.M.) taxta çıxandan bəri dövlətdə xristianlara qarşı tiraniya, qəddarlıq halları çoxalıb, qətlər baş alıb gedir. Bu dəhşətlərə səbəb bizim guya murdar (onlar bizi belə adlandırırlar – red.) olmağımızdır ki, buna görə də onların qəzəbinə tuş gəlmişik. Ümumiyyətlə, bunun tam təfsilatını vermirlər ki, biz niyə murdarıq, axı niyə əxlaqsızıq. Belə ki, Culfada erməni arximandritlərinin ayaqları dəmir qandallara salınıb və onlardan hər il 400 tükən ödənilməsi tələb olunmuşdur [3, 406-407].” Şah Süleymanın dövrünə aid bu məlumatlar məktubda “ürək yanğısı” ilə qeyd edilsə də, onu da demək lazımdır ki, belə dini ayrı-seçkiliklər dövlətin əsasını sarsıdan başlıca amillərdən olduğundan biz bu kimi qadağalara müsbət bir hal kimi yanaşırıq. Başqa bir məqam isə ondan ibarətdir ki, xristian missionerlərə münasibətə gəlincə isə qeyd etmək lazımdır ki, hər dəfə yeni şah hakimiyyətə gələndə Səfəvi dövlətində fəaliyyət göstərən müxtəlif dini ordenlərin imtiyazlarını təsbit edən fərmanlar yenidən təsdiq etdirilməli idi.

Beləliklə, “Karmelit xronikası” və oradakı məlumatların müqayisəli şəkildə araşdırılması, təhlil edilməsi onu deməyə əsas verir ki, əsərdə demək olar ki, Səfəvi dövlətində həyatın bütün sahələri, siyasi, sosial, mədəni, eləcə də dini sahələri təsvir olunmuşdur. Karmelitlərin əsas məramı missionerlik olsa da, tədricən Səfəvi dövlətində özlərinə xoş münasibət yaratmağı bacarmış və beləliklə də, bəhs olunan dövrün nəhəng imperiyası olan Osmanlı dövlətinə qarşı Papa başda olmaqla Avropa dövlətləri karmelitlər vasitəsilə güclü ittifaq yaratmağa cəhd etmişlər. Bununla belə, Şah Abbas Türkiyə əleyhinə Qərbi dövlətləri ilə əlaqələri daha da genişləndirməklə yanaşı, eyni zamanda Osmanlı imperiyası ilə sülh danışıqlarına da girməyə çalışmışdır.

İSTİFADƏ EDİLMİŞ ƏDƏBİYYAT

1. Azərbaycan tarixi VII cildə, III cild. Bakı: Elm 1998.
2. Bartold V.V. Müsəlman dünyası tarixində Xəzəryanı bölgələrin yeri. Bakı: Elm, 1999.
3. A Chronicle of Carmelites in Persia: The Safavids and the Papal Mission on the 17th and the 18th centuries. Editor H Chick, Introduction Rudi Matthee. Publisher: I.B.Tauris: 2 volumes. Vol. 1. London, 2012.
4. A Chronicle of Carmelites in Persia: The Safavids and the Papal Mission on the 17th and the 18th centuries. Editor H Chick, Introduction Rudi Matthee. Publisher: I.B.Tauris: Vol.2. London, 2012.
5. Dadaşova R. Səfəvilərin son dövrü. Bakı: Nurlan, 2003.
6. Əfəndiyev O. Azərbaycan Səfəvilər dövləti. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
7. Mahmudov Y. Azərbaycan diplomatiyası. Bakı: Təhsil, 2006.

8. Savory R.M. Iran under the Safavids. Cambridge University press, 1980.

Ключевые слова: *Кармелиты, Сефевидское государство, Миссионеры*

Резюме. В статье рассматриваются особенности хроники кармелитов, история сефевидского периода Азербайджана и важный источник в западной историографии. Источник показывает, что политическая и общественная жизнь государства Сефевидов, его внешняя политика, международные торговые отношения и культурная жизнь были тщательно изучены и получили обширную информацию.

THE SAFAVID STATE IN CARMELITES AND THEIR CHRONICLES

Key words: *Carmelites, The Safavid state, missionaries*

Summary. The article explores the peculiarities of the Carmelite Chronicle, the history of the Safavid period of Azerbaijan and the important source in Western historiography. The source shows that the political and social life of the Safavid state, its foreign policy, international trade relations and cultural life have been extensively investigated and given extensive information.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слова **Баккунова М.Г.**..... 3

Секция 1

Актуальные проблемы кавказского языкознания

<i>Павленко Ж.Г.</i> Роль республиканского центра русской культуры и русского языка в гармонизации межэтнического взаимодействия ...	5
<i>Бавбекова А.С.</i> Стилистическая дифференциация лексики русского языка	8
<i>Гаджиахмедов Т.И.</i> Способы субстантного словообразования в кумыкском и русском языках.....	14
<i>Фахраддинова Ф.А.</i> Психологические аспекты изучения родного языка.....	20
<i>Закарьяева З.Ю.</i> Культура речи – духовное лицо человека.....	24
<i>Исмаилова А.М.</i> Азербайджанцы Дагестана (этноязыковый и этнокультурный аспекты).....	26
<i>Шамсулвараева З.А.</i> «Сохранить язык – сохранить себя».....	35
<i>Иманахмедова З.Г.</i> «К вопросу о роли Кизляра в установлении новых торгово-дипломатических путей России с восточными странами в XVIIIв.».....	41
<i>Гаджимагомедова А.Ш., Гаджиева Ф.Г.</i> Исследования краеведов в изучении истории низовий Терека	44
<i>Арсланбекова У.Ш.</i> «Модернизация языка»	48
<i>Гайтамирова С.А.</i> Значение городов Терской области в торговых отношениях местных народов во второй половине XIX – нач. XX века	51
<i>Плисс Т.В.</i> К вопросу о форме одежды терских казаков.....	60
<i>Сулейманов Н.</i> Кавказская политика царской России в первой четверти XVIIIв.	63
<i>Мамедов А.Ф.</i> Политическая ситуация в Азербайджанской ССР в 1921-1923 гг.....	69

Секция 2

Языки народов Дагестана и Кавказа в языковой ситуации РФ

<i>Мазанаев Ш.А., Самедов Д.С.</i> К вопросу о генетическом родстве Дагестанских языков.....	76
<i>Омарова З.С.</i> К вопросу о языке русского перевода стихотворения Расула Гамзатова «ЖУРАВЛИ»	80
<i>Самедов Д.С.</i> Особенности употребления инфинитивных конструкций в арчинском языке	83
<i>Кидирниязов Д.С.</i> Развитие двуязычия у народов Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX в.....	88
<i>Аскеров А.Г.</i> Перспективы малых языков Северного Кавказа в условиях глобализации.	97
<i>Щеглова Е.В.</i> Русский язык – язык межнационального общения....	105
<i>Смеянов В.А.</i> Проблема сохранения Дагестанских языков	109
<i>Магомаев В.Х., Магомаева Ф.В.</i> Роль городов Северного Дагестана в торгово-экономических связях народов Северного Кавказа между собой и Россией в XVI – первой трети XVIII в.	118
<i>Мисиева Л.А.</i> Концепт «скупость» в зеркале аварских паремиологических единиц	125
<i>Бавбекова А.С.</i> Формирование профессиональных умений и навыков студентов при изучении курса методики преподавания русского языка и культуры речи	131
<i>Назаралиева А.М.</i> Современные этноязыковые процессы между евреями-ашкеназами Азербайджана	136
<i>Джамалов К.Э.</i> К вопросу о словосочетании в рутульском языке ..	139
<i>Исмаилова А.М., Аскеров А.Г.</i> Формы и методы колониально – национальной политики царского правительства в закавказском крае в XIX – начале XXвв	144
<i>Маллакурбанов А.А.</i> О некоторых аспектах политической культуры народов, населяющих Республику Дагестан.....	152
<i>Асеева К.А.</i> Влияние средств массовой информации на формирование языка	156
<i>Разаков Р.Ч.</i> «Вопрос о языке в Дагестане»	158

Секция 3

Город как социокультурное пространство

<i>Гарунова Н.Н., Базна (Подмогильная) И.А.</i> Благотворительная деятельность купечества как главный фактор формирования социокультурного пространства российских городов-крепостей Притеречья XVIII– XIX вв. (на примере Кизляра)	160
<i>Рабданова А.У.</i> Роль городов Северо-Восточного Кавказа в торгово-экономических взаимоотношениях местных народов во второй половине XVIII – начале XIX века	165
<i>Умаханова П.У.</i> «Многообразие языков народов Дагестана в социокультурном пространстве города».....	176
<i>Имаев О.А.</i> Социокультурные особенности Губернских городов Южного Урала	182
<i>Абдулвахובה Б.Б.-А.</i> Социокультурное пространство провинциального города (На примере Грозного на рубеже XIX –XX вв.)	185
<i>Даутов И.Н., Чекулаев Н.Д.</i> Взаимоотношения терских казаков с северокавказскими народами в XVIIIв.....	191
<i>Фомин А.В.</i> К вопросу о деятельности на территории городов постсоветской Мордовии национальных организаций представителей Российского и зарубежного Кавказа (армяне, азербайджанцы, чеченцы, осетины и др.).....	200
<i>Гаджимусаева А.Г.</i> К вопросу о холодном оружии казаков на северном Кавказе	204
<i>Нифталиев И.</i> Национальный вопрос в Коммунистической партии Азербайджана (20-30-е гг. XX века).....	206
<i>Гасанов Г.И.</i> Российско-каджарское противостояние за Азербайджан в 80-90-е гг. XVIII в.	216
<i>Исаева Т.М.</i> Взаимоотношения между Россией и Азербайджаном на современном этапе.....	225
<i>Гасанов Г.Н., Гасанов Д.Г.</i> Из истории эволюции этноязычной среды в г. Нахичевани в XIX веке	232
<i>Меликзаде С.М.</i> Сефевидское государство в кармелитах и их хрониках	235

Научное издание

**Языки коренных народов кавказа –
важный фактор устойчивого развития,
построения мира и примирения**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)*

Подготовка оригинал-макета *Сулейманова М.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 09.12.2019 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 14,3. Уч.- изд. л. 13,3. Тираж 500 экз. Заказ №19-12-393.



Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru